

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2016 г. Том 7. № 3

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина, Т.Г. Стефаненко,
О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия), Е.И. Головаха (Украина),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария), Ф. Зимбардо (США),
И. Маркова (Великобритания), Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование
Е.Ю. Литвинова, Н.В. Киселева 5

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структура семьи и родительское воспитание как факторы интеллектуального развития дошкольников
Л.А. Головей, С.С. Савеньшева, Е.Е. Энгельгардт 18

Неполная семья как институт социализации: взаимосвязь представлений матери о психологическом благополучии ребенка и ее стратегий совладания с трудностями
Е.П. Белинская, Е.М. Дубовская 33

Гендерные особенности переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости
Е.В. Колтачук, И.В. Вацков 47

Соотношение групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности работников в производственных группах
А.В. Сидоренков, В.А. Дорофеев 60

Социокультурная интегрированность образной сферы и социальное самочувствие личности как предикторы приверженности своей стране
С.В. Фролова 76

Ассимиляция или интеграция: роль ценностей «Самоутверждение»
Т.А. Рябиченко 93

Зависимость от компьютерных онлайн-игр как разновидность аддиктивного поведения
О.В. Зарецкая 105

Влияние на выбор кинофильмов уровня эмоционального напряжения зрителей
Н.Г. Воскресенская 121

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Иппо-тренинг: социально-психологический тренинг с участием лошадей
Т.В. Доронина 135

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Социально-психологические аспекты зависимости от онлайн-игр и методика ее диагностики
Н.В. Кочетков 148

АРХИВ

Роль и профессиональные функции социального психолога-практика в общеобразовательной школе
М.Ю. Кондратьев 164

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Structural model of involvement of students in ongoing education
E.Y. Litvinova, N.V. Kiseleva 5

EMPIRICAL RESEARCH

- Family structure and upbringing as factors of intellectual development of preschool children
L.A. Golovey, S.S. Savenysheva, E.E. Engelgardt 18
- One-parent family as agent of socialization: interrelation of mother's conception of child's psychological well-being and her strategies of coping with difficulties
E.P. Belinskaya, E.M. Dubovskaya 33
- Gender-specific experiences of uncertainty of professional status in the period of maturity
E.V. Koltachuk, I.V. Vachkov 47
- Interrelation of group, micro-group and interpersonal identities of employees in production groups
A.V. Sidorenkov, V.A. Dorofeev 60
- The sociocultural integratedness of figurative sphere and social well-being as predictors of commitment to a country
S.V. Frolova 76
- Assimilation or Integration: the role of self-affirmation values
T.A. Ryabichenko 93
- Dependance on online computer games as a type of addictive behaviour
O.V. Zaretskaya 105
- The impact of viewer's emotional tension on the choice of films
N.G. Voskresenskaya 121

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- IPPO training: socio-psychological training with horses
T.V. Doronina 135

METHODOLOGICAL TOOLS

- Socio-psychological aspects, depending on the online games and the method of its diagnosis
N.V. Kochetkov 148

ARCHIVE

- The role and professional functions of social psychologist at secondary school
M.Yu. Kondratyev 164

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование

Е.Ю. ЛИТВИНОВА*,
Москва, Россия, elen-litvinova@ya.ru

Н.В. КИСЕЛЕВА**,
Москва, Россия, 2133940@mail.ru

В статье представлен анализ существующих определений феномена вовлеченности обучающихся, подчеркнута его многоаспектность и отсутствие единого понимания его структуры. Проанализированы некоторые актуальные модели вовлеченности в обучение, предлагаемые отечественными и зарубежными исследователями, подчеркнута значимость изучения особенностей вовлеченности в непрерывное образование и огромный дефицит подобных исследований. Предпринята попытка систематизации многочисленных определений и моделей феномена вовлеченности, существующих в зарубежной и отечественной психологической науке и отражающих отсутствие единого понимания его структуры. Представлена аргументация необходимости рассмотрения феномена вовлеченности в непрерывное образование как многомерного конструкта. В статье предложена и обоснована авторская пятикомпонентная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование, включающая когнитивный, аффективный, поведенческий, мотивационный и ценностный компоненты.

Ключевые слова: вовлеченность обучающихся, вовлеченность в непрерывное образование, модели вовлеченности в обучение, структура вовлеченности в непрерывное образование, пятикомпонентная модель вовлеченности в непрерывное образование.

Для цитаты:

Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В. Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 5–17. doi: 10.17759/sps.2016070301

* Литвинова Елена Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, elen-litvinova@yandex.ru

** Киселева Надежда Владимировна — аспирантка кафедры психологии управления, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, 2133940@mail.ru

В современном информационно- и технологически-ориентированном мире, претерпевающем постоянные преобразования и нововведения, трудно представить эффективно функционирующего человека вне контекста непрерывного обучения. Непрерывное образование, образование через всю жизнь (*ongoing education, continuing education, lifelong education*) становится все более актуальным и востребованным. Представление о том, что непрерывное образование может стать основой, ядром современного вуза, способствовать созданию такой его структуры, которая обеспечит обучение, повышение квалификации и рост учащихся на всех этапах образовательного процесса приобретает все больше сторонников. [4]

Под непрерывным образованием понимается «...всесторонняя учебная деятельность, осуществляемая на постоянной основе с целью улучшения знаний, навыков и профессиональной компетенции» [2]. В качестве трех центральных элементов природы непрерывного образования исследователи определяют:

- непрерывное образование в целях экономического прогресса и развития, подготовки человека к труду с четко выраженным акцентом на формировании его профессионально значимых качеств;
- непрерывное образование в целях персонального развития (развития личности) и самосовершенствования;
- непрерывное образование в целях социальной инклюзии личности (социализации), принятия ею социокультурных ценностей и проявления социально-адаптивного поведения, необходимых для социального развития общества.

Социально-психологический подход рассматривает непрерывное образование как двусторонний процесс. С одной стороны, это процесс вхождения челове-

ка в социокультурную, в частности, профессиональную среду, усвоение им накопленного человечеством опыта (в том числе профессионального), овладение стандартами и ценностями; с другой стороны, это процесс активной реализации себя, непрерывного профессионального саморазвития, самосовершенствования.

Изучение вовлеченности обучающихся относится к сравнительно новому научному направлению, появившемуся во второй половине XX в. Вместе с тем, истоки этого направления можно найти в теории социальной установки А. Смита, концепции самоэффективности А. Бандуры, концепции мотивации и самодетерминации Э. Деси [9]. На его формирование оказали значительное влияние А. Астин, Р. Пэйс, рассматривающие вовлеченность сквозь призму энергии, которую студент инвестирует в свое обучение [13]. Ими были предложены принципы и инструменты измерения вовлеченности, базирующиеся на поведенческих проявлениях и использующиеся до сих пор. В. Гинто и С. Манн рассматривали вовлеченность через включение в университетскую деятельность и социальные группы [20]. Исследованиями взаимосвязи вовлеченности обучающихся и результатов обучения в учебном заведении занимались А. Товлер, Н. Салливан, Т. Коатес подчеркивает важность использования вовлеченности как показателя качества обучения [15; 16].

Вовлеченность в обучение как научная проблема только приобретает интерес среди зарубежных и отечественных исследователей, однако до сих пор вовлеченность обучающихся в контексте непрерывного образования не рассматривалась. На наш взгляд, вовлеченность в непрерывное образование — это реальность современности, необходи-

мое условие успешного функционирования в современном мире. Изменения требований к работнику, к содержанию его профессиональных компетенций, среди которых на первое место все чаще и чаще выходит способность к обучению, позволяет считать непрерывное образование важнейшим фактором адаптации и развития профессионала. Таким образом, актуализируется необходимость не только создания адекватных образовательных и просветительских программ, учитывающих важность непрерывного образования, но и изучения феноменов, способствующих вовлечению потенциальных учащихся. Одним из таких феноменов является вовлеченность обучающихся в непрерывное образование.

При описании и исследовании феномена вовлеченности ученые сталкиваются с многозначностью и многомерностью этого понятия. Проблема усугубляется и тем, что до сих пор отсутствует его однозначное определение [1]. Интересно, что в качестве термина в английском языке практически с равной частотой используются два слова: *involvement* и *engagement*, что также не прибавляет ясности. Разные точки зрения и исходные предпосылки анализа также создают разноплановую картину. Так, вовлеченность обучающихся различными исследователями понимается сквозь призму:

- количества затраченных временных ресурсов [11];
- количества [15] или качества [5] затраченных усилий;
- энергии, инвестируемой для приобретения опыта [12];
- когнитивного и эмоционального участия индивида в деятельности [6];
- условий, обеспечивающих результат образовательного процесса [19]

- противопоставления «отчуждению», «невовлеченности» [6];

- академического (усилия, затрачиваемые для достижения цели) и социального (включенность в отношения с другими участниками деятельности) аспектов [6];

- взаимодействия индивида с внешней средой, при котором происходит осознанное восприятие стимулов окружающей среды, активное создание своей окружающей обстановки в противовес автоматизированному восприятию [6];

- времени и усилий, вкладываемых не только в обучение, но и в другие образовательные активности [21];

- внутренней идентичности своим целям [6]

- связи с когнитивными процессами [3];

- определения границы ответственности обучающегося и образовательного учреждения за уровень вовлеченности [5; 6];

- включения обучающихся в учебную деятельность (менеджерский подход, с точки зрения управления) [22];

- связи вовлеченности с интересом к обучению [3];

- личностных особенностей [6];

- ощущения «потока» [9].

Очевидно, что такой плюрализм мнений адекватен сложности и неоднозначности самого понятия вовлеченности в обучение. Неоднократно предпринимались попытки представить вовлеченность в виде многомерного конструкта, включающего несколько компонентов. Достаточно много исследований вовлеченности проведено в рамках организационной психологии, где особый акцент делается на трудовой деятельности и организационном контексте.

В современных зарубежных исследованиях описано несколько версий

выделения структурных компонентов вовлеченности обучающихся. Ниже проанализирован ряд структурных моделей вовлеченности, рассмотренных в контекстах образовательной деятельности различного уровня. Нам представляется важным тот факт, что исследования проводились как на студентах различных этапов обучения, так и на аспирантах, что дает возможность рассматривать вовлеченность обучающихся в образовательный процесс на различных стадиях непрерывного образования.

Трехфакторная модель (the three factor model) вовлеченности в обучение Дж.А. Фредрикса (J.A. Fredricks) включает в себя три компонента: поведенческий, эмоциональный и когнитивный [17; 18]. *Поведенческая вовлеченность* студента или школьника в обучение, по мнению автора, отражается в его вербальных и невербальных действиях в контексте образовательного процесса. *Эмоциональная вовлеченность* связана с чувством принадлежности обучающихся к образовательному учреждению. Наличие эмоциональной связи с другими обучающимися, учителями и остальными взрослыми, работающими в школе, свидетельствует, с точки зрения автора, об эмоциональной вовлеченности в обучение. *Когнитивная вовлеченность* отражается в персональной ответственности за обучение и мыслительных вкладах в решение сложных задач. Каждый из трех компонентов в этой модели является важным для понимания вовлеченности обучающихся. Автор модели подчеркивает, что существующие многочисленные исследования сосредоточены на одном аспекте вовлеченности обучающегося, как правило, поведенческом, что значительно ограничивает ее понимание [26]. Мы согласны с тем, что сведение по-

нятия вовлеченности только лишь к ее поведенческим проявлениям обедняет и само понятие, и возможности его исследования. Доказательством может служить тот факт, что на сегодняшний день все большее количество исследователей, таких как С.Дж. Харпер (S.J. Harper), Ш.Р. Квуае (Sh.R. Quaye), расширяют понятие вовлеченности обучающихся, не только применяя его к наблюдаемому поведению, но и приписывая ему наличие особых чувств и конструирование смыслов со стороны обучающихся [26]

Одной из наиболее полных современных моделей, с нашей точки зрения, является *четырёхфакторная модель вовлеченности обучающегося* (the four factor model of student engagement). Эта модель, рассматриваемая в работах Дж.Дж. Апплетон (J.J. Appleton et al.), А.Л. Ришли (A.L. Reschly) и С.Л. Кристенсон (S.L. Christenson) включает когнитивную, психологическую академическую и поведенческую составляющие [26]. В четырехфакторной модели *академическая вовлеченность* состоит из таких переменных, как время, которое ушло у учащегося на выполнение задания, степень завершенности домашних заданий и наличие зачета, полученного по окончании курса. *Поведенческая вовлеченность* отражается в посещаемости учебных мероприятий, наличии дисциплинарных мер, примененных в отношении учащегося, добровольном участии в работе в классе и во внеклассной работе. *Когнитивная и психологическая* составляющие данной четырехфакторной модели вовлеченности в обучение повторяют когнитивные и эмоциональные факторы, описанные в предыдущих моделях. Автор подчеркивает, что эти четыре составляющие не могут быть исчерпывающим основанием для оценки вовлеченности обучающихся

во всех ситуациях. Они, скорее, подходят для анализа и понимания совокупности множества обстоятельств, которые воздействуют на отношения между обучающимися и учебной средой [26].

Особое внимание, на наш взгляд, заслуживает модель вовлеченности обучающихся, основанная на таких ее составляющих как **энергия, самоотдача и погруженность**, предложенная группой исследователей, таких как Дж. Хакенен (J. Hakanen), А.Б. Беккер (A.B. Bakker), В.Б. Шауфели (W.B. Schaufeli), М. Саланова (M. Salanova) [14; 23; 24; 25; 26]. Исследование проводилось на аспирантах, поэтому имеет смысл говорить о вовлеченности в сложную учебно-научную деятельность. В данной модели предпочтение отдается ценностно-смысловым и поведенческим характеристикам вовлеченности в обучение. *Энергия* рассматривается, как готовность инвестировать время и усилия в учебную или научную деятельность, а также настойчивость в преодолении трудностей и решении возникающих проблем. *Энергия*, по мнению авторов, неразрывно связана с ощущением собственной эффективности в учебно-научной деятельности. *Самоотдача* проявляется в стремлении максимально использовать свои способности и потенциал в процессе научно-учебной деятельности. Самоотдача связана с чувством собственной значимости, энтузиазмом, вдохновением, гордостью и вызовом. Характеристиками *погруженности* служат: общая концентрация аспиранта на научных и прикладных исследованиях, чувство быстрого течения времени и сложность прекратить свою работу [11].

Рассмотрим модели вовлеченности обучающихся, разрабатываемые отечественными исследователями. Так, Н.А. Федорова выделяет когнитивный и

мотивационный компоненты вовлеченности обучающихся [9]. *Когнитивный* компонент характеризуется уровнем усвоения обучающимися учебного материала. *Мотивационный* компонент отражает заинтересованность в получении профессиональных знаний и приобретении профессиональных умений [10]. Эвристичен в данном случае акцент на обучение профессиональным знаниям и умениям, так как именно необходимость овладения профессиональными компетенциями играет ведущую роль в непрерывном образовании, вовлеченность в которое обсуждается в данной статье.

Н.Г. Малышонок, изучая студенческую вовлеченность, выделяет: объективную академическую составляющую вовлеченности и субъективную социальную составляющую. *Академическая вовлеченность* выражается через количество усилий, которые студент затрачивает на образовательную деятельность, выполняемую с целью достижения учебных целей и способствующую его профессиональному и личностному развитию. *Социальная вовлеченность* отражает интеграцию студента в университетское сообщество, его включенность в отношения с другими студентами и преподавателями как неотъемлемую составляющую обучения и развития [6].

Таким образом, в структуре подавляющего большинства современных моделей вовлеченности в обучение выделяются такие компоненты, как поведенческий, когнитивный, мотивационный, эмоциональный, социальный, или коммуникативный.

Кроме этого нами выделены, по крайней мере, три подхода к исследованию уровней вовлеченности обучающихся. Во-первых, исследование вовлеченности в обучение на личностном уровне

(исследование когнитивных процессов и вовлеченности, личностных и индивидуальных различий и пр.). [3; 12; 26] Во-вторых, исследование вовлеченности с точки зрения управления обучением, а именно: поиск способов повышения вовлеченности в обучение. В ряде зарубежных исследований рассматривается феномен вовлеченности в обучение как показатель эффективности учебного процесса [22]. В-третьих, исследование взаимодействия личности обучающегося и среды обучения, включенности обучающегося в социальный контекст образовательного процесса [5]. Для нас третий подход имеет существенное значение, так как одним из акцентов нашего исследования является анализ вовлеченности в обучение как социально-психологического феномена.

Предлагаемая в этой статье модель вовлеченности в непрерывное образование построена с учетом того, что вовлеченность в обучение является интегральным социально-психологическим феноменом, связанным с профессиональным становлением и личным развитием обучающегося. Почему мы считаем вовлеченность социально-психологическим феноменом? Вот некоторые аргументы.

Образовательный процесс организован обществом с целью удовлетворения потребностей самого общества в подготовленных специалистах. Активная роль общественных институтов в организации и управлении образованием регламентирована не только определенными правилами и законами, но и общественным мнением. Обучение обеспечивает профессиональное становление обучающегося, его способность занять соответствующее место в системе общественных связей и отношений. Немаловажен и

тот факт, что в процессе образовательной деятельности обучающийся проходит процесс социализации и адаптации, в том числе в профессиональной среде, усваивает нормы и ценности профессиональной деятельности, проходит путь профессионального и личного самоопределения [7]. Вовлеченность в обучение зарождается, развивается и трансформируется в процессе общения с различными референтными людьми и группами — родителями, учителями, преподавателями, сверстниками, значимыми другими. Взаимодействие с ними оказывает влияние на профессиональное самоопределение, на построение модели собственного профессионального будущего. Профессиональное становление всегда связано с социальным контекстом. Вовлеченность в непрерывное образование характеризуется участием в совместной деятельности с другими обучающимися, преподавателями, иными участниками образовательного процесса, протекает в социальной среде, в постоянном контакте с другими субъектами [10]

Создавая модель вовлеченности в непрерывное образование, мы, в первую очередь, выделяли в ее структуре объективную и субъективную составляющие. Объективная отражена во внешних особенностях поведения и легко поддается наблюдению. Именно поэтому во многих исследованиях вовлеченности делается акцент на этом уровне. Субъективная составляющая вовлеченности в непрерывное образование — совокупность внутренних процессов и характеристик личности, которые не всегда имеют внешние проявления (представления, отношения, потребности, мотивы, смыслы и т. д.) — зачастую оставалась в тени и не являлась предметом эмпирических исследований вовлеченности.

Вовлеченность в непрерывное образование может рассматриваться как феномен, возникающий в ходе профессионального становления человека и отражающий целенаправленную активность обучающегося в освоении знаний на протяжении всей профессиональной деятельности.

На основании глубокого и всестороннего изучения феномена вовлеченности в непрерывное образование как неотъемлемой части деятельности, направленной на профессиональное развитие, нами разработана и предлагается **пятикомпонентная структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование**. Объективная составляющая в модели представлена поведенческим компонентом, субъективная — когнитивным, эмоциональным, мотивационным, ценностным компонентами вовлеченности.

Рассматривая вовлеченность обучающихся как социально-психологический феномен, мы выделяем следующие компоненты вовлеченности обучающихся в непрерывное образование.

Когнитивный компонент (отражает различные представления о непрерывном образовании):

- представления о непрерывном образовании, о степени его необходимости в профессиональном развитии, атрибутивные представления о значимости непрерывного образования в референтных группах, представления об образовательном окружении (группа обучающихся, группа преподавателей, другие группы, включенные в образовательный процесс);
- представления о собственном профессиональном будущем;
- представления о «рациональных выгодах» непрерывного образования, а

именно о соотношении затрат на образование и возможных приобретаемых выгод.

Эмоциональный компонент (отражает характер аффективного отношения к непрерывному образованию, доминирующие эмоции, сопровождающие образовательный процесс):

- эмоциональная оценка образовательного процесса, результатов образования, содержания и формы образовательных программ;
- степень удовлетворенности образовательным процессом;
- отношение к овладеваемой профессии, ее привлекательность.

Поведенческий компонент (отражает поведенческую активность субъекта в процессе обучения):

- участие в образовательных программах и мероприятиях на протяжении всей жизни;
- выполнение необходимых формальных процедур, связанных с обучением;
- время, отведенное на образование;
- включенность в социальные контакты и взаимодействие с другими участниками образовательного процесса.

Мотивационный компонент (отражает наличие потребности в обучении на протяжении всей жизни):

- содержание и сила мотивов, лежащих в основе образовательной деятельности обучающихся;
- профессиональные потребности, которые обучающийся планирует реализовывать с опорой на образование;
- мотивы саморазвития и самореализации, удовлетворяемые в процессе обучения.

Ценностный компонент (отражает уровень значимости непрерывного образования для субъекта, приписывание ему определенной ценности):

- значимость непрерывного образования для профессиональной деятельности; ценность и значимость профессиональной деятельности для обучающегося и стремление «быть на высоте» в профессии; важность собственной конкурентоспособности и востребованности в профессиональной деятельности; значимость принадлежности профессиональной группе;

- наделенность образования личностным смыслом;

- ценность непрерывного образования для личного и профессионального роста и самоактуализации;

- значимость непрерывного образования для успешной адаптации и социализации в современных условиях.

Следует отметить неравномерный характер вовлеченности обучающегося: в некоторые периоды учебной деятельности степень участия в образовательном процессе выше, в некоторые — ниже. Это может быть связано, например, с кризисами осознания себя в профессии; с осознанием ценности приобретаемых компетенций для будущей профессии; с удовлетворенностью образовательным процессом и т. д. Динамика вовлеченности в непрерывное образование может быть также следствием влияния целого ряда факторов, как личных, так и социальных. К ним можно отнести: индивидуально-психологические и личностные особенности, переживание собственной эффективности, процессы, происходящие в обществе и близком социальном окружении и т. д. Все эти факторы мо-

гут оказывать влияние на вовлеченность в непрерывное образование, однако на данном этапе они остаются за рамками нашего исследования. С одной стороны, это является его ограничением, а с другой стороны, позволяет избежать чрезмерной громоздкости модели и лучше понять ее структуру.

Таким образом, **вовлеченность в непрерывное образование** — многомерный конструкт, включающий в себя совокупность представлений, установок, переживаний, мотивов и смыслов относительно как самого образования, его содержания, формы, качества и эффективности, так и относительно собственного профессионального пути. Вовлеченность в непрерывное образование является неотъемлемой составляющей деятельности, направленной на собственное профессиональное развитие, характеризуется высоким уровнем значимости образования для субъекта и приписыванием ему высокой ценности. Вовлеченность в непрерывное образование определяется количеством физической и психологической энергии, которую обучающиеся вкладывают в учебную деятельность. Внешним выражением вовлеченности является высокая поведенческая активность. Вовлеченность зарождается в процессе вхождения обучающегося в образовательную деятельность, включена в определенный социальный контекст, сопровождает процесс социальной и профессиональной адаптации и представляет собой социально-психологический феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбанищикова В.В., Климова О.А. Представления о вовлеченности в работу и трудоголизме в современных психологических исследованиях // Национальный психологический журнал. 2015. № 1(17). С. 52–60.
2. Денисова Л.Е. Организационно-педагогические механизмы формирования многоуровневой модели непрерывного профессионального образования в условиях корпоративного сетевого взаимодействия: магистерская диссертация, М. 2014.
3. Камзанова А.Т. Психологические особенности вовлеченности в решение когнитивных задач: диссертация на соискание ученой степени доктора философии (PhD) по специальности психология, Казахстан, Алматы. 2011. 150 с.
4. Литвинова Е.Ю. Непрерывное образование в контексте профессионального и личностного роста // Сб. научных материалов I Международной научно-практической конференции «Социальная психология в образовательном пространстве». М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. С. 32–33.
5. Малошонок Н. Студенческая вовлеченность: почему важно изучать процесс обучения, а не только его результат? // Мониторинг университета, 2011, № 6. С. 11–21.
6. Малошонок Н.Г. Вовлеченность студентов в учебный процесс в российских вузах // Высшее образование в России. 2014. № 1. С. 37–44.
7. Осин Е.Н. Категория отчуждения в психологии образования: история и перспективы // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 79–88.
8. Сафьян Н.В. Вовлеченность обучающегося в непрерывное образование как социально-психологический феномен // Молодые ученые – столичному образованию: тезисы городской научно-практической конференции. МГППУ XIV. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 160–162.
9. Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 343 с.
10. Федорова Н.А. Контрольно-диагностическая деятельность преподавателя вуза как средство управления процессом обучения студента: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Тверь, 2011.
11. *Admiraal W., Wubbels T., Pilot A.* College teaching in legal education: Teaching method, students' time-on-task and achievement // *Research in Higher Education*. 1999. Vol. 40. № 6. P. 687–704.
12. *Astin A.* Student involvement: a developmental theory for higher education // *Journal of College Student Personnel*. 1984. Vol. 25. № 4. P. 297–308.
13. *Astin A.W.* Involvement in Learning Revisited: Lessons we have Learned. *Journal of College Student Development*. 40 (5). 1999. P. 587–598.
14. *Bakker A.B., Leiter M.P.* Work engagement: a handbook of essential theory and research. Hove and New York: Psychology press, 2010. 205 p.
15. *Coates H.* The Value of Student Engagement for Higher Education Quality Assurance // *Quality in Higher Education*. 2005. Vol. 11. № 1. P. 25–36.
16. *Coates H.* A Model of Online and General Campus-Based Student Engagement. Assessment and Evaluation in Higher Education. 32 (2). 2007. P. 121–141.
17. *Fredricks J., Blumenfeld P., Paris A.* School Engagement: Potential of the Concept, State of the Evidence // *Review of Educational Research*. 2004. Vol. 74. № 1. P. 59–109.

18. *Fredricks J.A., McColsky W.* The measurement of student engagement: a comparative analysis of various methods and support self-report instruments. In S.L. Christenson, A.L. Reschly, & C. Wylie (Eds.), *Handbook of research on student engagement*. New York: Springer. 2012. P. 763–782.
19. *Kuh G.D. and Umbach P.D.* College and Character: Insights from the National Survey of Student Engagement. *New Directions for Institutional. 2004. Research. 122 (Summer)*. P. 37–54.
20. *Mann S.J.* Alternative perspectives on the student experience: Alienation and engagement // *Studies in Higher Education*. 2001. Vol. 26. № 1. P. 7–20.
21. National Survey of Student Engagement (NSSE) Experiences that Matter: Enhancing Student Learning and Success. Bloomington, IN: Indiana Center for Postsecondary Research. 2007. 60 p.
22. National Survey of Student Engagement (NSSE) Assessment for Improvement: Tracking Student Engagement Over Time. Annual Results 2009. Bloomington, IN: NSSE. 2009. 52 p.
23. *Schaufeli W.B.* What is engagement? // In C. Truss, K. Alfes, R. Delbridge, A. Shantz, & E. Soane (Eds.), *Employee Engagement in Theory and Practice*. London: Routledge, Chapter 1, 2013. 37 p.
24. *Trowler V.* Student engagement literature review. New-York: The Higher Education Academy. 2010. 74 p.
25. *Trygstad P.* Student engagement and student voices. [Электронный ресурс] // Dissertation for the degree of PhD, University of North Carolina, Chapel Hill, 2010, 169 p. URL: <https://cdr.lib.unc.edu/indexablecontent/uuid:76d8b87d-761a-441a-a5dd-2c3-c52127303> (дата обращения: 21.01.2016).
26. *Vekkaila J.* Doctoral student engagement. The dynamic interplay between students and scholarly communities. [Электронный ресурс] // Dissertation for the degree of PhD, University of Helsinki, Helsinki, 2014. 110 p. URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/42717/vekkaila_dissertation.pdf?sequence=1 (дата обращения: 21.01.2016).

Structural model of involvement of students in ongoing education

E. Y. LITVINOVA*,
 Moscow, Russia, elen-litvinova@ya.ru

N. V. KISELEVA**,
 Moscow, Russia, 2133940@mail.ru

The article represents the analysis of the existing definitions of the phenomenon of students' involvement, its multidimensional nature and the lack of common understanding of its structure. Some actual models of involvement in education, suggested by domestic and foreign researchers, are analyzed, and the importance of studying the characteristics of involvement in continuing education is emphasized and lack of such research is revealed. The necessity of study the phenomenon of involvement in continuing education as a multidimensional construct is proved by arguments. The authors suggest and ground their five-component model of students' involvement in continuing education, including cognitive, affective, behavioral, motivational and axiological components.

Keywords: *students' involvement, (ongoing) continuing education involvement, training involvement models, structure of involvement in continuing education, five-component model of students' involvement in continuing education.*

REFERENCES

1. Barabanshchikova V.V., Klimova O.A. Predstavleniya o вовлеченности v rabotu i trudogolizme v sovremennykh psikhologicheskikh issledovaniyakh [The concept of work engagement and workaholism in modern psychological research]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]*, 2015, no. 1(17), pp. 52–60. (In Russ.).
2. Denisova L.Ye. Organizatsionno-pedagogicheskiye mekhanizmy formirovaniya mnogourovnevnoy modeli nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya v usloviyakh korporativnogo setevogo vzaimodeystviya, Magisterskaya dissertatsiya [Organizational pedagogical mechanisms of formation of multi-level model of continuous professional education in corporate network interaction, Master's thesis]. Moscow, 2014. (In Russ.).

For citation:

Litvinova E.Y., Kiseleva N.V. Structural model of involvement of students in ongoing education. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 5–17. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070301

* *Litvinova Elena Yu.* — PhD in Psychology, Associate Professor in the Department of Psychology of Management, Department of Social Psychology, FBGOU VO MGPPU, Moscow, Russia, elen-litvinova@yandex.ru

** *Kiseleva Nadezda V.* — Graduate student of the Department of psychology of management, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, 2133940@mail.ru

3. Kamzanova A.T. Psikhologicheskiye osobennosti вовлеченности v resheniye kognitivnykh zadach, dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filosofii (PhD) po spetsial'nosti psikhologiya [Psychological features of involvement in cognitive problems' solution: the dissertation for the degree of Doctor of Philosophy (PhD) in specialty psychology], Kazakhstan, Almaty. 2011. 150 p. (In Russ.).
4. Litvinova Ye.Yu. Nepreryvnoye obrazovaniye v kontekste professional'nogo i lichnostnogo rosta [Continuing education in the context of professional and personal growth]. Materialy pervoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sotsial'naya psikhologiya v obrazovatel'nom prostranstve» [First International scientific-practical conference digest «*Social Psychology in the education field*»]. Moscow: GBOU VPO MGPPU, 2013. (In Russ.).
5. Maloshonok N.G. Studencheskaya вовлеченност': pochemu vazhno izuchat' protsess obucheniya, a ne tol'ko yego rezul'tat? [Student's involvement: why it is important to study the learning process not just the result?]. *Monitoring universiteta [Monitoring University]*, 2011, no 6. pp 11–21. (In Russ.).
6. Maloshonok N.G. Vovlechenost' studentov v uchebnyy protsess v rossiyskikh vuzakh [The students' involvement in educational process in Russian universities]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii [Higher education in Russia]*. 2014, no. 1, pp. 37–44. (In Russ.).
7. Osin Ye.N. Kategoriya otchuzhdeniya v psikhologii obrazovaniya: istoriya i perspektivy [Alienation category in Educational Psychology: History and Prospects]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural Historical Psychology]*. 2015, Vol.11, no. 4, pp. 79–88. (In Russ.).
8. Saf'yan N. V. Vovlechenost' obuchayushchegosya v nepreryvnoye obrazovaniye kak sotsial'no-psikhologicheskiy fenomen [Student's engagement in continuing education as social psychological phenomenon]. Materialy XIV Gorodskoy nauchno-prakticheskoy konferentsyi «Molodyye uchenyye – stolichnomu obrazovaniyu» [Materials of the XIV City Scientific and Practical Conference “*Young Scientists for the capital education*”]. Moscow, 2015, pp. 160-162 (In Russ.).
9. Leontiev D.A. Sovremennaya psikhologiya motivatsii [Modern motivation psychology] Moscow: Smysl, 2002. (In Russ.).
10. Fedorova N.A. Kontrol'no-dagnosticheskaya deyatel'nost' prepodavatelya vuza kak sredstvo upravleniya protsessom obucheniya studenta, Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Control and diagnostic activity of high school teacher as a method of management of the student's learning process. Ph. D. (Pedagogy)Thesis]. Tver, 2011. (In Russ.).
11. Admiraal W., Wubbels T., Pilot A. College teaching in legal education: Teaching method, students' time-on-task and achievement. *Research in Higher Education*, 1999. Vol. 40, no. 6, pp. 687–704.
12. Astin A. Student involvement: a developmental theory for higher education. *Journal of College Student Personnel*, 1984. Vol. 25, no. 4, pp. 297–308.
13. Astin, A. Involvement in Learning Revisited: Lessons we have Learned. *Journal of College Student Development*, 1999. 40 (5), pp. 587–598.
14. Bakker A.B., Leiter M.P. Work engagement: a handbook of essential theory and research. *Psychology press*, 2010. 205 p.
15. Coates H. The Value of Student Engagement for Higher Education Quality Assurance. *Quality in Higher Education*, 2005. Vol. 11, no 1, pp. 25–36.

16. Coates H. A Model of Online and General Campus-Based Student Engagement. *Assessment and Evaluation in Higher Education*, 2007. 32 (2), pp. 121–141.
17. Fredricks J., Blumenfeld P., Paris A. School Engagement: Potential of the Concept, State of the Evidence. *Review of Educational Research*, 2004. Vol. 74, no 1, pp. 59–109.
18. Fredricks, J.F., McColskey W. The measurement of student engagement: a comparative analysis of various methods and support self-report instruments. In S.L. Christenson, A.L. Reschly, C. Wylie (Eds.). *Handbook of research on student engagement*. New York: Springer. 2012, pp. 763–782.
19. Kuh, G.D. and Umbach, P.D. College and Character: Insights from the National Survey of Student Engagement. *New Directions for Institutional Research*, 2004,122 (Summer), pp. 37–54.
20. Mann S.J. Alternative perspectives on the student experience: Alienation and engagement. *Studies in Higher Education*, 2001, Vol. 26, no 1, pp. 7–20.
21. National Survey of Student Engagement (NSSE) Experiences that Matter: Enhancing Student Learning and Success. Bloomington, IN: Indiana Center for Postsecondary Research, 2007.
22. National Survey of Student Engagement (NSSE) Assessment for Improvement: Tracking Student Engagement Over Time. Annual Results 2009. Bloomington, IN: NSSE, 2009.
23. Schaufeli W.B. What is engagement? In C. Truss, K. Alfes, R. Delbridge, A. Shantz, & E. Soane (Eds.), *Employee Engagement in Theory and Practice*. London: Routledge, Chapter 1, 2013, 37 p.
24. Trowler V. Student engagement literature review. New-York: The Higher Education Academy, 2010. 74 p.
25. Trygstad P. Student engagement and student voices. [Elektronnyi resurs]. Dissertation for the degree of PhD, University of North Carolina, Chapel Hill, 2010, 169 p. URL: <https://cdr.lib.unc.edu/indexablecontent/uuid:76d8b87d-761a-441a-a5dd-2c3-c52127303> (Accessed: 21.01.2016).
26. Vekkaila J. Doctoral student engagement. The dynamic interplay between students and scholarly communities. [Elektronnyi resurs]. Dissertation for the degree of PhD, University of Helsinki. Helsinki, 2014. 110 p. URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/42717/vekkaila_dissertation.pdf?sequence=1 (Accessed: 21.01.2016).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структура семьи и родительское воспитание как факторы интеллектуального развития дошкольников

Л.А. ГОЛОВЕЙ*,
Санкт-Петербург, Россия, lgolovey@yandex.ru

С.С. САВЕНЬШЕВА**,
Санкт-Петербург, Россия, owlsveta@mail.ru

Е.Е. ЭНГЕЛЬГАРДТ***,
Санкт-Петербург, Россия, engelena@rambler.ru

Статья посвящена изучению влияния структуры семьи и семейных установок, детско-родительских отношений, стилей семейного воспитания на интеллектуальное развитие ребенка дошкольного возраста. Уделено внимание анализу влияния пола родителей и детей. Выборку составили 150 детей, 150 матерей и 75 отцов, все семьи проживают в г. Санкт-Петербурге. Результаты исследования выявили существенно большее влияние на интеллектуальное развитие ребенка системы детско-родительских отношений и атмосферы семьи по сравнению с ее структурой. Выявлено негативное влияние на интеллектуальное развитие установок на строгость, суровость, ускорение развития ребенка. Влияние пола родителей на интеллектуальное развитие детей проявилось: в ведущей роли отношений отца в показателях интеллекта

Для цитаты:

Головей Л.А., Савеньшева С.С., Энгельгардт Е.Е. Структура семьи и родительское воспитание как факторы интеллектуального развития дошкольников // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 18–32. doi:10.17759/sps.2016070302

* Головей Лариса Арсеньевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, lgolovey@yandex.ru

** Савеньшева Светлана Станиславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, owlsveta@mail.ru

*** Энгельгардт Елена Евгеньевна — старший преподаватель кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, engelena@rambler.ru

девочек и воспитательных установок матерей — в показателях мальчиков. Выявлена значимость адекватности системы регуляции и контроля, строгости требований для развития девочек; отсутствия опеки и достаточность удовлетворения потребностей — для развития мальчиков. Обнаружена значимая роль восприятия дошкольниками, особенно девочками, эмоциональной атмосферы в семье для их интеллектуального развития.

Ключевые слова: семья, дошкольник, семейное воспитание, интеллектуальное развитие детей, структура семьи, стилевые характеристики воспитания, эмоциональное взаимодействие родителей с детьми.

Идеи воспитания ребенка средой существуют в психологии с начала XX в. Они основаны на работах Ж. Пиаже, Дж.Г. Мида, Л.С. Выготского, согласно которым существенную роль в развитии интеллекта ребенка играют процессы социального взаимодействия. Влияние семьи на интеллектуальное развитие детей традиционно изучалось в нескольких направлениях. В работе У. Бронфенбреннер (U. Bronfenbrenner), П.А. Морис (P.A. Moris) была выявлена прямая зависимость интеллектуального развития детей от социально-экономического статуса семьи [17], которая впоследствии стала оспариваться учеными, выдвигавшими в качестве основного фактора развития не экономический статус, а обогащенную и развивающую среду [3; 15]. Ряд исследователей указывают на роль образовательного и социального статуса родителей [9]. Исследования влияния структурных характеристик семьи выявили неблагоприятную роль многодетности, малых интервалов между рождениями [1; 6; 13; 26 и др.]. Исследования детей из полных и неполных семей указывают на некоторые особенности интеллектуального развития детей из неполных семей, подчеркивают роль отца в интеллектуальном развитии ребенка [7; 10 и др.].

Детско-родительские отношения рассматриваются преимущественно в контексте их влияния на развитие личности ребенка, гораздо меньше изучена их роль

в развитии интеллекта. Вместе с тем исследователи отмечают, что наиболее эффективным для развития познавательных способностей является сочетание активной позиции родителей и амплификации, т. е. обогащение развития ребенка внутри возможностей его возраста [11]. Н.С. Денисенкова показала, что обязательными для успешного познавательного развития ребенка являются эмоционально-личностные отношения родителей к детям, такие как принятие и любовь, в то время как стиль контроля не столь существенен, выявлено значение оптимального сочетания активной позиции родителей и учета ими возрастных особенностей ребенка [5].

Зарубежные исследования влияния родительского отношения и семейной среды на когнитивное развитие сосредоточены в большей мере на раннем возрасте. Исследователи отмечают благоприятную роль теплоты, позитивного родительского взаимодействия, чувствительности к детским потребностям в когнитивном развитии ребенка [16; 18; 22; 23; 25]. Это согласуется и с нашими данными [12]. Позитивную роль родительской поддержки автономии ребенка для его когнитивного развития отмечают В.С. Грольник (W.S. Grolnick), Р.М. Райан (R.M. Ryan); М. Малвани (M. Mulvaney) и др.; Н. Хилл (N. Hill) [20; 21; 24]. В работе П. Эстрада (P. Estrada), В.Ф. Арсенио (W.F. Arsenio),

Р.Д. Хесси (R.D. Hessi), С.Д. Холлоуэй (S.D. Hol-loway) была показана высокая прогностичность степени эмоционального участия в делах ребенка со стороны матери в отношении психологической готовности к школе в 5–6 лет, уровня интеллекта в возрасте 6 лет и успеваемости в 12 лет [19].

Таким образом, роль семьи (ее структурные и содержательные характеристики) активно исследуется в настоящее время, однако различные аспекты этого влияния изучены в разной степени. В меньшей степени изучено влияние семейных установок и стилей семейного воспитания (в том числе отклоняющихся), недостаточно исследований, в которых учитывался бы пол ребенка и пол родителя в общем контексте влияния семьи на интеллектуальное развитие ребенка дошкольного возраста.

В связи с вышесказанным **целью** нашего исследования явилось изучение влияния структурных характеристик семьи и параметров детско-родительского взаимодействия на интеллектуальное развитие ребенка дошкольного возраста. **Задачами** явились: 1) исследование влияния структуры семьи (полнота, количество детей), уровня образования и возраста родителей на интеллектуальное развитие дошкольника; 2) изучение родительского отношения и отклоняющихся стилей воспитания в качестве факторов интеллектуального развития мальчиков и девочек дошкольного возраста.

Гипотезы: Мы предполагаем, что установки на дистантные, строгие отношения и отклоняющиеся стили воспитания могут выступать в качестве негативных факторов интеллектуального развития дошкольников. Влияние родительских установок, отношений и стилей воспитания на интеллектуальное разви-

тие ребенка имеет специфику, связанную с полом ребенка и родителя.

Выборка: в исследовании приняли участие 150 дошкольников (74 мальчика и 76 девочек) в возрасте от 5 до 7 лет (средний возраст детей — 6,2 года), проживающих в г. Санкт-Петербурге, их матери (150 человек, средний возраст — 29,2 года) и отцы (75 человек, средний возраст — 34,8 лет).

Методы. Для диагностики интеллектуального развития использовался стандартизованный психометрический тест диагностики интеллекта Векслера (детский вариант), который позволяет измерить парциальные показатели интеллектуальных способностей и получить интегральные оценки вербального, невербального и общего интеллекта [14]. Для диагностики особенностей детско-родительского взаимодействия (стилевых характеристик, родительского отношения, установок на воспитание) были применены: методика «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса; опросник родительского отношения (ОРО) А.Я. Варги, В.В. Столина; опросник изучения родительских установок (PARI) Е. Шеффер и Р. Белл; рисунок «Моя семья» (для дошкольников) [8]. Применение данного комплекса позволяет наиболее полно оценить разные стороны детско-родительского взаимодействия [2].

Методы математической обработки: сравнительный анализ с применением параметрического *t*-критерия Стьюдента, корреляционный анализ (Спирмена), регрессионный анализ.

Результаты исследования

Исследование влияния структуры семьи на интеллектуальное развитие

детей в общей выборке дошкольников выявило тенденцию к более высоким интегральным оценкам вербального, невербального и общего интеллекта у детей из полных семей (в качестве полных рассматривались семьи, в которых имелись оба родителя, семья с одним родителем рассматривалась как неполная). Однако статистически значимые различия проявились лишь в оценках субтеста «Сходство» ($p < 0,01$), которые существенно ниже у детей из неполных семей (табл.). Субтест диагностирует способности к сравнению, выделению существенного признака, обобщению, классификации,

является прогностичным в отношении общего уровня интеллекта. Анализ результатов с учетом пола выявил влияние фактора полноты семьи преимущественно на интеллектуальное развитие девочек. У девочек из неполных семей обнаружены более низкие значения по субтесту «Сходство» ($p < 0,01$), по интегральным оценкам вербального, невербального и общего интеллекта, хотя и не достигшие уровня значимых. Между мальчиками из полных и неполных семей достоверных различий не обнаружено.

Изучение влияния количества детей в семье на уровень интеллектуального

Т а б л и ц а

Показатели интеллектуального развития дошкольников в полных и неполных семьях (методика Векслера, баллы)

Субтесты	Полная семья	Неполная семья	<i>t</i> -критерий	<i>p</i>
1. Осведомленность	12,727	12,933	-0,176	0,860
2. Понятливость	13,853	14,867	-0,886	0,377
3. Арифметический	12,787	11,333	1,617	0,108
4. Сходство	15,153	12,267	2,642	0,009
5. Словарный	8,840	7,267	1,553	0,122
6. Повторение цифр	11,340	11,800	-0,607	0,545
7. Недостающие детали	13,687	13,067	0,751	0,454
8. Последовательные картинки	13,507	12,133	1,590	0,114
9. Кубики Косса	14,947	13,400	1,517	0,131
10. Складывание фигур	11,513	11,400	0,122	0,903
11. Шифровка	11,327	11,067	0,341	0,734
12. Лабиринты	12,480	13,133	-0,953	0,342
Вербальный интеллект	114,927	111,000	0,777	0,438
Невербальный интеллект	120,900	116,467	1,203	0,231
Общий интеллект	119,760	115,000	1,202	0,231

развития дошкольников показало, что у детей из однодетных семей уровень интегральных показателей вербального, невербального и общего интеллекта несколько выше, чем у детей из двухдетных и многодетных. Различия на уровне статистической тенденции обнаружены по способности к вниманию (11-й субтест «Шифровка», $p=0,069$).

Изучение соотношения возраста родителей и интеллектуального развития детей выявило одну отрицательную взаимосвязь возраста матери и оценки 12-го субтеста «Лабиринты» в общей выборке. Данный субтест требует эффективного использования аналитико-синтетических способностей, развитого представления, устойчивости и произвольности внимания, эффективности работы оперативной памяти. Анализ взаимосвязей с учетом пола детей показал, что выявленная связь характерна только для мальчиков, у которых этот показатель отрицательно связан с возрастом матери ($p<0,01$) и отца ($p<0,05$). Помимо этого, возраст матери положительно связан с арифметическими способностями мальчиков (3-й субтест, $p<0,05$). Возраст отца положительно связан с аналитико-синтетическими способностями и воображением девочек (10-й субтест «Складывание фигур», $p<0,05$). Возраст матери не обнаружил связей с интеллектуальным развитием девочек. Уровень образования матерей имеет прямую связь с уровнем развития арифметических способностей ($p<0,05$) в общей выборке. Однако при анализе с учетом пола ребенка эта связь подтвердилась только в отношении девочек ($p<0,05$). В подгруппе мальчиков выявились отрицательные связи показателей внимания (11-й субтест «Шифровка») с образованием матери ($p<0,01$) и отца ($p<0,05$). Учитывая противоречивые и немногочисленные связи, можно предпо-

ложить, что образование родителей скорее выступает не как самостоятельный фактор, его действие опосредуется другими факторами прежде всего, системой детско-родительского взаимодействия.

В качестве основных составляющих детско-родительского взаимодействия мы выделяем: родительские установки, родительские отношения и стиль воспитания.

Родительская установка — когнитивная составляющая системы «родитель—ребенок», представляет собой готовность родителей действовать на основе своего представления о родительстве и воспитании. Исследование выявило большое количество взаимосвязей установок матерей на воспитание (методика PARI) и интеллектуального развития детей в общей выборке. Более тесные связи обнаружили парциальные показатели вербальных способностей (4 связи при $p<0,01$) и интегральная оценка вербального интеллекта. Интегральная оценка вербального интеллекта образовала отрицательные связи с неудовлетворенностью ролью хозяйки дома, строгостью, раздражительностью и доминированием, властностью матери (все при $p<0,05$). Оценка общего интеллекта также отрицательно связана с установками на неудовлетворенность ролью хозяйки дома и строгостью ($p<0,05$). Выраженное негативное влияние установки на строгость, суровость оказывают и на парциальные показатели интеллекта: способности к обобщению, сравнению, классификации ($p<0,01$), перцептивное внимание ($p<0,05$), аналитико-синтетические способности и воображение ($p<0,05$). Установка на развитие активности ребенка образует отрицательные связи с интегральной оценкой невербального интеллекта ($p<0,05$) и с парциальными оценками способностей к

обобщению, сравнению, классификации ($p < 0,01$), способностей к выстраиванию смыслового сюжета ($p < 0,05$), аналитико-синтетическими способностями и воображением ($p < 0,05$). Регрессионный анализ показал, что установка на строгость выступает в качестве предиктора более низких показателей общего интеллекта ($p < 0,05$); установка на неудовлетворенность ролью хозяйки дома — в качестве предиктора снижения вербального ($p < 0,05$); а установка на развитие активности ребенка — невербального интеллекта ($p < 0,05$). Однако роль установок претерпевает изменения в зависимости от пола ребенка. Наиболее тесно связаны с установками на воспитание интеллектуальные способности мальчиков: 24 связи показателей интеллекта мальчиков и лишь 7 — девочек. Выявленные взаимосвязи показателей интеллектуального развития с характером детско-родительского взаимодействия нашли подтверждение при регрессионном анализе. Регрессионный анализ выявил в качестве предиктора негативного влияния на общий и невербальный интеллект мальчиков установок матери на сверхавторитет родителей ($p < 0,001$) и стремление ускорить развитие ребенка ($p < 0,001$). Значимым предиктором снижения невербального интеллекта является установка на ощущение самопожертвования в роли матери ($p < 0,001$). У девочек предиктором снижения общего и невербального интеллекта является установка матери на ограниченность интересов рамками семьи ($p < 0,05$).

Родительское отношение характеризует эмоциональную сторону детско-родительского взаимодействия и проявляется в эмоциональном принятии или отвержении ребенка, межличностной дистанции, контроле над поведе-

нием. Анализ корреляционных связей выявил наибольшее влияние на интеллектуальное развитие дошкольников симбиотического типа отношения, и разнонаправленность этого воздействия со стороны матери и отца. Регрессионный анализ подтвердил позитивное влияние на вербальный интеллект близких отношений с матерью ($p < 0,05$) и отрицательное — близких, симбиотических отношений с отцом ($p < 0,05$). Однако эти влияния определяются полом ребенка. Для девочек значимым оказалось только влияние отношения отца. Выраженная направленность на кооперацию со стороны отца связана с низкими результатами перцептивного внимания ($p < 0,05$); а высокий уровень симбиотических отношений — с низкими оценками аналитико-синтетических способностей и воображения ($p < 0,01$). При направленности отца на авторитарную гиперсоциализацию наблюдается более высокий уровень понятливости ($p < 0,01$), оперативной памяти ($p < 0,05$) и вербального интеллекта ($p < 0,01$). Регрессионный анализ подтвердил результаты в отношении интегральных оценок интеллекта. Для мальчиков значимыми оказались отношения и матери, и отца. У мальчиков, так же, как и у девочек, симбиотические отношения отца отрицательно связаны с уровнем аналитико-синтетических способностей и воображения ($p < 0,05$), но принятие отцом имеет положительные связи с оценками аналитико-синтетических способностей и умения работать по правилу ($p < 0,05$). Направленность матери на авторитарную гиперсоциализацию оказывается фактором, негативно влияющим на аналитико-синтетические способности и воображение мальчиков ($p < 0,05$), но позитивно — на показатели их внимания ($p < 0,01$).

Стиль семейного воспитания представляет совокупность способов реализации воспитательных воздействий, основанных на эмоционально-ценностном отношении к ребенку и родительской позиции. К характеристикам стиля относятся уровень внимания, уделяемого ребенку (гиперопека, гипоопека), степень удовлетворения его потребностей, последовательность, родительский контроль (требовательность, применение санкций и запретов). Крайние проявления стиля рассматриваются как отклонения в воспитании. Исследование (по методике АСВ) в общей выборке показало большее влияние отклонений в воспитании матерей, чем отцов. Поскольку в общей выборке обнаружилось очень большое количество корреляционных связей и большинство из них подтвердилось результатами регрессионного анализа, остановимся на его результатах. Регрессионный анализ показал, что среди воспитательных стилей матери гиперпротекция выступает в качестве предиктора снижения оценок общего интеллекта ($p < 0,05$); неустойчивость стиля воспитания, фобия утраты ребенка и вынесение конфликта в сферу воспитания являются предиктором сниженных оценок вербального ($p < 0,001$), а предпочтение женских качеств — невербального интеллекта ($p < 0,05$). Со стороны отца недостаточность удовлетворения потребностей ребенка оказалась предиктором сниженных оценок общего интеллекта ($p < 0,05$); а в сочетании с неустойчивостью стиля, проекцией на ребенка нежелательных качеств этот стиль выступает предиктором низких оценок вербального интеллекта ($p < 0,001$). В то же время недостаточность требований со стороны отца ($p < 0,05$), особенно в сочетании с неустойчивостью стиля воспи-

тания и низкой выраженностью фобии утраты ребенка, являются предикторами более высоких оценок невербального интеллекта ($p < 0,001$).

Характер воздействия отклонений в воспитании различается в зависимости от пола ребенка. Для девочек негативны такие отклонения, как избыточность ($p < 0,05$) и недостаточность требований ($p < 0,05$), недостаточность запретов ($p < 0,05$) и санкций ($p < 0,05$) со стороны матери, предпочтение мужских качеств ($p < 0,05$). На интеллектуальное развитие мальчиков отрицательное воздействие оказывают склонность к гиперпротекции ($p < 0,05$), недостаточность удовлетворения потребностей ($p < 0,01$), неустойчивость стиля воспитания ($p < 0,01$), предпочтение детских качеств ($p < 0,01$) и вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания ($p < 0,01$). Регрессионный анализ выявил в качестве предиктора, отрицательно влияющего на все стороны интеллектуального развития девочек, недостаточность требований-запретов, санкций со стороны матери ($p < 0,01$; $p < 0,05$; $p < 0,05$). Для мальчиков в качестве предиктора, отрицательно влияющего на общий интеллект, выступила гиперопека ($p < 0,05$), на вербальный интеллект — вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания, неустойчивость стиля воспитания, фобия утраты ребенка, предпочтение детских качеств ($p < 0,001$) и особенно сочетание этих отклонений.

Исследование **восприятия** дошкольниками **отношений** в семье (по методике «Рисунок семьи») показало наибольшую значимость семейной атмосферы для интеллектуального развития девочек. Об этом свидетельствуют многочисленные отрицательные связи как отдельных, так и интегральных оценок интеллекта с тре-

возможностью, конфликтностью в восприятии отношений в семье, с эмоциональной дистанцией с отцом (5 связей при $p < 0,01$; $p < 0,05$). У мальчиков проявилось лишь негативное влияние конфликтности в восприятии отношений в семье на способности к обобщению, классификации и сравнению ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Анализ влияния структуры семьи на интеллектуальное развитие дошкольников показал, что воспитание в одно- или двухдетной семье не является значимым, хотя тенденции, проявляющиеся в более высоких показателях интеллектуального развития у единственных детей, сходны с данными Т.А. Думитрашку; Е.А. Сибиной, Л.Л. Баландиной; Р.Б. Зайонц (R.B. Zajonc) и др. [6; 13; 26]. Полученные нами данные о влиянии полноты семьи свидетельствуют о том, что особенности развития и воспитания в неполной семье, недостаток общения с отцом более негативно влияют на интеллектуальное развитие девочек. Выявлено различное влияние образования и возраста родителей на интеллектуальное развитие ребенка в зависимости от пола ребенка и родителя. Так, уровень образования матерей положительно связан с арифметическими способностями детей, особенно девочек (что согласуется с данными Н. Ньюкомб [9]), в то время как высокий уровень образования обоих родителей связан с более низким уровнем внимания у мальчиков. Возможно, родители с более высоким уровнем образования предоставляют мальчикам большую свободу в повседневной активности и не стремятся к организации их внимания. Влияние возраста родителей проявилось

в отношении девочек: более высокий уровень перцептивного развития наблюдается у девочек, имеющих отцов более старшего возраста. У мальчиков влияние возраста родителей на интеллектуальное развитие оказалось разнонаправленным и противоречивым. Это не подтверждает распространенного мнения о прямой связи возраста родителей со способностями детей. По-видимому, эта связь не носит однозначного характера, она опосредована полом ребенка и родителя, а, возможно, и другими факторами.

Исследование установок на воспитание выявило негативное влияние на интеллектуальное развитие ребенка установки на строгость и суровость, что делает ребенка несвободным, обремененным непомерными требованиями и снижает возможности интеллектуального развития. Несколько неожиданным оказалось отрицательное влияние на интеллектуальное развитие установки родителей на активное развитие ребенка. Объяснение этому можно найти в распространенной среди современных родителей установке на активное, опережающее возраст развитие. Эта установка проявляется в ориентации на сверххранное обучение, уменьшает время на свободное общение и игру, негативно отражаясь на интеллектуальном развитии ребенка. Наши данные согласуются с результатами Е.Л. Пороцкой [11], а также с результатами масштабного исследования воспитанников детских садов, выявившего тенденцию на ускорение развития, при которой развитие ребенка отождествляется с получением знаний, что ведет к задержке в формировании коммуникативной и когнитивной сфер [4].

Обнаружен факт специфики влияния пола родителей на интеллектуальное развитие детей: у девочек большую роль в развитии интеллекта играет отношение

отца, а у мальчиков — воспитательные установки матери. Анализ отклонений в воспитании выявил большее влияние отклонений в воспитательных стилях матери, что, возможно, объясняется бóльшим количеством времени, которое она проводит с детьми. Важно, что для интеллектуального развития мальчиков и девочек имеют значение разные стили воспитания: для девочек важна адекватность системы регуляции и контроля, строгость требований, а для мальчиков — отсутствие опеки и достаточность удовлетворения потребностей. Анализ восприятия эмоциональной атмосферы в семье показал ее важную роль в интеллектуальном развитии дошкольников, особенно девочек.

Сопоставляя роль структурных характеристик семьи, возраста и образования родителей, с одной стороны, и детско-родительских отношений, установок родителей, эмоциональной атмосферы семьи, — с другой, можно с уверенностью сказать о приоритетном значении для интеллектуального развития ребенка дошкольного возраста системы отношений с родителями и атмосферы семьи. Адекватные стили воспитания и атмосфера семьи могут перекрывать и нивелировать негативное влияние структурных, возрастных, статусных характеристик семьи, что и было показано в исследовании. Необходимо обратить внимание также на важность учета пола ребенка и родителя. Как мы увидели, он не безразличен к стратегиям воспитания, которые могут иметь значение для интеллектуального развития.

Выводы

1. Анализ влияния структурных характеристик семьи (полноты и количе-

ства детей) показал, что уровень интеллектуального развития детей в одно- и двухдетных семьях не различается. Влияние состава семьи проявилось в более высоком уровне способностей к сравнению, классификации, обобщению у девочек из полных семей.

2. Влияние возраста и уровня образования родителей на интеллектуальное развитие дошкольников зависит от пола ребенка и родителя. Возраст матери обнаруживает разнонаправленные взаимосвязи с показателями вербальных и невербальных способностей мальчиков; перцептивные способности девочек положительно связаны с возрастом отца. Уровень образования матери и отца обнаружил отрицательные связи с показателями внимания у мальчиков.

3. Анализ воспитательных установок обнаружил негативное влияние на интеллект дошкольников установок матерей на неудовлетворенность ролью хозяйки дома, суровость, излишнюю строгость и на развитие активности ребенка. Выявлена более тесная связь материнских установок с показателями общего и невербального интеллекта мальчиков, и их меньшее влияние на интеллект девочек.

4. Исследование родительского отношения показало, что на интеллектуальное развитие девочек оказывают влияние только отношения отца: симбиоз и склонность к кооперации влияют негативно, авторитарная гиперсоциализация — позитивно. На интеллектуальное развитие мальчиков влияет отношение обоих родителей: высокий уровень принятия и низкий уровень симбиотических отношений со стороны отца положительно связаны с их интеллектуальным развитием, в то время как авторитарная гиперсоциализация матери обнаруживает разнонаправленные связи.

5. В исследовании выявлено негативное влияние на интеллектуальное развитие дошкольника таких отклонений в воспитании, как гиперопека, неустойчивость стиля воспитания матери и недостаточность удовлетворения потребностей ребенка обоими родителями. Показано, что отклонения в воспитании со стороны матерей в большей степени влияют на интеллектуальные способности дошкольников, чем отклонения в воспитании со стороны отцов. Для девочек негативным фактором является неадекватность требований-запретов со стороны матери; для мальчиков — гиперпротекция, недостаточность удовлетворения потребностей, неустойчивость стиля воспитания.

6. Восприятие отношений в семье как тревожных и конфликтных отрицательно связано с интеллектуальным развитием дошкольников. Эмоциональная атмосфера в семье более значима для девочек.

Заключение

Проведенное исследование выявило ряд важных тенденций детско-родительского взаимодействия, которые оказывают существенное влияние на интеллектуальное развитие ребенка дошкольного возраста. Необходимо отметить, что существующие системы общественного воспитания детей очень слабо учитывают особенности семьи и практически не пытаются каким-либо образом влиять

на воспитательные установки, стили родительского воспитания. Вместе с тем, очевидна необходимость работы, направленной на коррекцию детско-родительского взаимодействия, учет половых особенностей ребенка и родителя, что может способствовать созданию оптимальных условий для интеллектуального развития ребенка.

На основании результатов проведенного исследования можно сформулировать некоторые рекомендации по определению направлений такой работы. Психологам и педагогам, работающим с семьей, следует обращать внимание родителей на то, что излишняя опека и стремление ускорить развитие ребенка, препятствующие формированию его собственной активности и ограничивающие возможности его игровой деятельности, могут негативно влиять на интеллектуальное развитие. Учитывая, что излишняя строгость и суровость, с одной стороны и недостаточность требований, запретов и санкций, — с другой, выступают в качестве факторов, негативно влияющих на показатели интеллектуального развития, в процессе работы с семьей полезно уделить внимание формированию у родителей устойчивых стилей воспитания, постоянству требований и запретов, их адекватности возрастным особенностям и полу ребенка. Необходимо всячески содействовать созданию теплых, эмоциональных отношений и атмосферы в семье, учитывая их значимость для интеллектуального развития дошкольников.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-06-008480 «Семья как ресурс психического развития детей в стабильные и критические периоды онтогенеза»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Т.Н.* Когнитивные и личностные характеристики детей в многодетной семье: дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 304 с.
2. *Головей Л.А., Савеньшева С.С., Василенко В.Е., Энгельгардт Е.Е.* К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «родитель—ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 84–95.
3. *Берк Е.* Развитие ребенка. СПб: Питер, 2006. 1056 с.
4. *Бурлакова И.А., Смирнова Е.О.* Диагностическое обследование 5-летних детей: результаты и выводы // Психологическая наука и образование. 2003. № 4. С. 30–39.
5. *Денисенкова Н.С.* Сопряженность детско-родительских отношений и развития познавательных способностей дошкольников // Начальная школа. До и после. 2013. № 4. С. 3–8.
6. *Думитрашку Т.А.* Структура семьи и когнитивное развитие детей // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 104–112.
7. *Калинина О.Г., Холмогорова А.Б.* Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2012. 112 с.
8. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 432 с.
9. *Ньюкомб Н.* Развитие личности ребенка. СПб: Питер, 2002. 640 с.
10. *Овчарова Р.В.* Родительство как психологический феномен. М.: МПСИ, 2006. 496 с.
11. *Пороцкая Е.Л.* Исследование особенностей позиции родителей по отношению к психическому развитию дошкольника // Психолог в детском саду. 2000. № 2–3.
12. *Савеньшева С.С., Чижова В.Ф.* Материнское отношение как фактор психического развития ребенка раннего возраста // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. 2013. Вып. 3. С. 32–41.
13. *Силина Е.А., Баландина Л.Л.* Психологические особенности детей из многодетных семей. Пермь: ПГГПУ, 2013. 160 с.
14. *Филимоненко Ю., Тимофеев В.* Методика исследования интеллекта у детей Д. Векслера (WISC). Адаптированный вариант. СПб: Иматон, 1992. 94 с.
15. *Bradley R.H., Caldwell B.M., Rock S.L.* Home environment and school performance: A ten-year follow-up and examination of three models of environmental action // Child Development. 1988. Vol. 59. P. 852–867. DOI: 10.2307/1130253
16. *Bradley R.H., Caldwell B.M., Rock S.L., Ramey C.T., Barnard K.E., Gray C., Hammond M.A., Mitchell S., Gottfried A.W., Siegel L., Johnson D.L.* Home environment and cognitive development in the first three years of life: A collaborative study involving six sites and three ethnic groups in North America // Developmental Psychology. 1989, Vol. 25. P. 217–235. DOI: 10.1037/0012-1649.25.2.217
17. *Bronfenbrenner U., Morris P.A.* The ecology of developmental processes // W. Damon (Ser. Ed.), R.M. Lerner (Ed.). Handbook of child psychology. Vol. 1: Theory (5-th ed.). New York: Wiley, 1998. P. 993–1028.
18. *Burchinal M.R., Campbell F.A., Bryant D.M., Wasik B.H., Ramey C.T.* Early intervention and mediating processes in cognitive performance of children of low-income

- African American families // *Child Development*. 1997. Vol. 68. P. 935–954. DOI: 10.1111//1467-8624.1997.tb01972.x
19. *Estrada P., Arsenio W.F., Hess R.D., Holloway S.D.* Affective quality of the mother-child relationship: Longitudinal consequences for children's school-relevant cognitive functioning // *Developmental Psychology*. 1987. Vol. 23. P. 210–215. DOI: 10.1037/0012-1649.23.2.210
20. *Grolnick W.S., Ryan R.M.* Parent styles associated with children's self-regulation and competence in school // *Journal of Educational Psychology*. 1989. Vol. 81. P. 143–154. DOI: 10.1037/0022-0663.81.2.143
21. *Hill N.E.* Parenting and academic socialization as they relate to school readiness: The roles of ethnicity and family income // *Journal of Educational Psychology*. 2001. Vol. 93. P. 686–697. DOI: 10.1037//0022-0663.93.4.686
22. *Landry S.H., Smith K.E., Swank P.R., Assel M.A., Vellet S.* Does early responsive parenting have a special importance for children's development or is consistency across early childhood necessary? // *Developmental Psychology*. 2001. Vol. 37. P. 387–403. DOI: 10.1037//0012-1649.37.3.387
23. *Morrison F.J., Cooney R.R.* Parenting and academic achievement: Multiple paths to early literacy // J.G. Borkowski, C. Ramey, S. Landesman, et al. (Eds.). *Parenting and the child's world: Influences on academic, intellectual, and social-emotional development*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002. P. 141–160.
24. *Mulvaney M., McCartney K., Bub K.L., Marshall N.L.* Determinants of dyadic scaffolding and cognitive outcomes in first graders // *Parenting: Science and Practice*. 2006. Vol. 6. P. 297–320. DOI: 10.1207//15327922par0604_2
25. *Tamis-LeMonda C.S., Bornstein M.H.* Maternal responsiveness and early language acquisition // *Advances in child development & behavior*. 2002. Vol. 29. P. 89–127. DOI:10.1016/S0065-2407(02)80052-0
26. *Zajonc R.B.* Family configuration and intelligence // *Science*. 1976. Vol. 192, Issue 4236, pp. 227-236. DOI: 10.1126/science.192.4236.227

Family structure and upbringing as factors of intellectual development of preschool children

L.A. GOLOVEY*,
Saint-Petersburg, Russia, lgolovey@yandex.ru

S.S. SAVENYSHEVA**,
Saint-Petersburg, Russia, owlsveta@mail.ru

E.E. ENGELGARDT***,
Saint-Petersburg, Russia, engelena@rambler.ru

The paper is devoted to investigation of the influence of the family structure and family attitudes, child-parent relationship, styles of family upbringing on the intellectual development of pre-school-age children. Attention is paid to the analysis of the influence of parents and children gender. The sample included 150 children, 150 mothers and 75 fathers, all the families live in St. Petersburg. Results of the study reveal a significantly greater influence of the child's parent-child relationship and family atmosphere on the intellectual development in comparison with its structure. Negative impact of attitudes on the severity, harshness, acceleration the development of the child on the intellectual development is revealed. Influence of parents' gender on intellectual development of children manifests in the leading role of the father's relationship in girls IQ results, and mother's parental attitudes in boys IQ results. The authors of the article reveal the importance of the adequacy of the system of regulation and control, severity of requirements for the development of girls; lack of parental custody and adequacy to meet the needs — for the development of boys. The authors outline the significant role of preschool children perception, especially girls, of the emotional atmosphere in the family in their intellectual development.

Keywords: family, preschooler, family upbringing, intellectual development of children, family structure, parenting style characteristics, emotional interaction between parents and children.

For citation:

Golovey L.A., Savenysheva S.S., Engelgardt E.E. Family structure and upbringing as factors of intellectual development of preschool children. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 18–32. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070302

* *Golovey Larisa A.* — Doctor of Psychology, Professor of the Developmental and Differential Psychology Chair, Faculty of psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, lgolovey@yandex.ru

** *Savenysheva Svetlana S.* — Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Developmental and Differential Psychology Chair, Faculty of psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, owlsveta@mail.ru

*** *Engelgardt Elena E.* — Senior Lecturer of the Developmental and Differential Psychology Chair, Faculty of psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, engelena@rambler.ru

Financing

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project №13-06-008480 “Family as a resource for mental development of children in stable and critical periods of ontogeny”)

REFERENCES

1. Andreeva T.N. Kognitivnye i lichnostnye kharakteristiki detei v mnogodetnoi sem'e: dis. ... kand. psikhol. nauk. [Cognitive and personality characteristics of the children in a large family. PhD. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 1994. 304 p.
2. Golovej L.A., Savenysheva S.S., Vasilenko V.E., Engel'gardt E.E. K probleme differentsiatsii osnovnykh ponyatij v sisteme otnoshenij «roditel'-rebenok»: teoreticheskij i ehmpiricheskij aspekty [On basic concept differentiation in the «parent-child» system of relations: theoretical and empirical aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik St. Petersburg University]*. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. 2014, no. 2, pp. 84–95.
3. Berk E. Razvitie rebenka [Child Development]. S.-Petersburg: Piter, 2006. 1056 p.
4. Burlakova I.A., Smirnova E.O. Diagnosticheskoe obsledovanie 5-letnikh detei: rezul'taty i vyvody [Diagnostic examination of 5 year old children: findings and conclusions]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*. 2003, no. 4, pp. 30–39.
5. Denisenkova N.S. Sopryazhennost' detsko-roditel'skikh otnoshenii I razvitiya poznavatel'nykh sposobnostei doshkol'nikov [The conjugation of parent-child relationships, and cognitive development of preschool children]. *Nachal'naya shkola. Do i posle [Elementary School. Before and after]*. 2013, no. 4, pp. 3–8.
6. Dumitrashku T.A. Struktura sem'i i kognitivnoe razvitie detei [Family structure and child's cognitive development]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*. 1996, no. 2, pp. 104–112.
7. Kalinina O.G., Kholmogorova A.B. Rol' ottsa v psikhicheskom razvitiu rebenka [The father's role in the mental development of the child]. Moscow: Forum, 2012. 112 p.
8. Liderev A.G. Psikhologicheskoe obsledovanie sem'i [Psychological examination of the family]. Moscow: Akademiya, 2008. 432 p.
9. N'yukomb N. Razvitie lichnosti rebenka [The development of the child's personality]. S.-Petersburg: Piter, 2002. 640 p.
10. Ovcharova R.V. Roditel'stvo kak psikhologicheskii fenomen [Parenting as a psychological phenomenon]. Moscow: MPSI, 2006. 496 p.
11. Porotskaya E.L. Issledovanie osobennosti pozitsii roditelei pootnosheniyu k psikhicheskomu razvitiyu doshkol'nika [The study features the position of the parents with respect to the mental development of preschool]. *Psikholog v detskom sadu [Psychologist at the kindergarten]*. 2000, no. 2–3.
12. Savenysheva S.S., Chizhova V.F. Materinskoe otnoshenie kak faktor psikhicheskogo razvitiya rebenka rannego vozrasta [Maternal mental attitude as a factor in the development of the young child]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta [Vestnik St. Petersburg University]*. Seriya 12. 2013, no. 3, pp. 32–41.
13. Silina E.A., Balandina L.L. Psikhologicheskie osobennosti detei iz mnogodetnykh semei [Psychological features of children of large families]. Perm': PGGPU, 2013. 160 p.
14. Filimonenko Yu., Timofeev V. Metodika issledovaniya intellekta u detei D. Vekslera (WISC). Adaptirovannyi variant [Method of child's intelligence investigation D. Wechsler (WISC). Adapted]. S.-Petersburg: Imaton, 1992. 94 p.

15. Bradley R.H., Caldwell B.M., Rock S.L. Home environment and school performance: A ten-year follow-up and examination of three models of environmental action. *Child Development*, 1988. Vol. 59, pp. 852–867. DOI: 10.2307/1130253
16. Bradley R.H., Caldwell B.M., Rock S.L., Ramey C.T., Barnard K.E., Gray C., Hammond M.A., Mitchell S., Gottfried A.W., Siegel L., Johnson D.L. Home environment and cognitive development in the first three years of life: A collaborative study involving six sites and three ethnic groups in North America. *Developmental Psychology*, 1989. Vol. 25, pp. 217–235. DOI: 10.1037/0012-1649.25.2.217
17. Bronfenbrenner U., Morris P.A. The ecology of developmental processes. In W. Damon (Ser. Ed.), R.M. Lerner (Ed.). *Handbook of child psychology*. Vol. 1: Theory (5th ed., pp. 993–1028). New York: Wiley, 1998.
18. Burchinal M.R., Campbell F.A., Bryant D.M., Wasik B.H., Ramey C.T. Early intervention and mediating processes in cognitive performance of children of low-income African American families. *Child Development*, 1997. Vol. 68, pp. 935–954. DOI: 10.1111//1467-8624.1997.tb01972.x
19. Estrada P., Arsenio W.F., Hess R.D., Holloway S.D. Affective quality of the mother-child relationship: Longitudinal consequences for children's school-relevant cognitive functioning. *Developmental Psychology*, 1987. Vol. 23, pp. 210–215. DOI: 10.1037/0012-1649.23.2.210
20. Grolnick W.S., Ryan R.M. Parent styles associated with children's self-regulation and competence in school. *Journal of Educational Psychology*. 1989. Vol. 81, pp. 143–154. DOI: 10.1037/0022-0663.81.2.143
21. Hill N.E. Parenting and academic socialization as they relate to school readiness: The roles of ethnicity and family income. *Journal of Educational Psychology*, 2001. Vol. 93, pp. 686–697. DOI: 10.1037//0022-0663.93.4.686
22. Landry S.H., Smith K.E., Swank P.R., Assel M.A., Vellet S. Does early responsive parenting have a special importance for children's development or is consistency across early childhood necessary? *Developmental Psychology*, 2001. Vol. 37, pp. 387–403. DOI: 10.1037//0012-1649.37.3.387
23. Morrison F.J., Cooney R.R. Parenting and academic achievement: Multiple paths to early literacy. In J.G. Borkowski, C. Ramey, S. Landesman, et al. (Eds.). *Parenting and the child's world: Influences on academic, intellectual, and social-emotional development*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002, pp. 141–160.
24. Mulvaney M., McCartney K., Bub K.L., Marshall N.L. Determinants of dyadic scaffolding and cognitive outcomes in first graders. *Parenting: Science and Practice*, 2006. Vol. 6, pp. 297–320. DOI: 10.1207//15327922par0604_2
25. Tamis-LeMonda C.S., Bornstein M.H. Maternal responsiveness and early language acquisition. *Advances in child development & behavior*, 2002. Vol. 29, pp. 89–127. DOI:10.1016/S0065-2407(02)80052-0
26. Zajonc R.B. Family configuration and intelligence. *Science*, 1976. Vol. 192, Issue 4236, pp. 227–236. DOI: 10.1126/science.192.4236.227

Неполная семья как институт социализации: взаимосвязь представлений матери о психологическом благополучии ребенка и ее стратегий совладания с трудностями

Е.П. БЕЛИНСКАЯ*,
Москва, Россия, elena_belinskaya@list.ru

Е.М. ДУБОВСКАЯ**,
Москва, Россия, dubovskaya13@gmail.com

Статья посвящена проблеме психологических особенностей неполной семьи. Семья, в которой ребенка воспитывает один из родителей, в настоящее время становится важным самостоятельным объектом социально-психологических исследований. Значимым, по мнению авторов, является не только специфика отдельных психологических свойств неполной семьи, но и взаимодействие основных ее характеристик. Для исследования в работе выбраны взаимосвязи таких социально-психологических переменных, как восприятие матерью психологического благополучия ребенка, характер ее копинг-стратегий и стиля материнского воспитания. Выявлены разнообразные социально-психологические особенности неполных семей. Так, материнская стратегия позитивного переформулирования проблемы участвует как способ увидеть позитивные аспекты ситуаций в семье и взаимоотношений с ребенком при недостаточной последовательности стиля воспитания и недостатке запретов; а стратегия активного совладания — с ориентацией на поощрения, а не наказания в регуляции поведения ребенка.

Ключевые слова: семейное совладание с трудностями, психологическое благополучие, неполные семьи, позитивная семейная социализация, детско-родительские отношения.

Для цитаты:

Белинская Е.П., Дубовская Е.М. Неполная семья как институт социализации: взаимосвязь представлений матери о психологическом благополучии ребенка и ее стратегий совладания с трудностями молодежи // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 33–46. doi:10.17759/sps.2016070303

* *Белинская Елена Павловна* — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, elena_belinskaya@list.ru

** *Дубовская Екатерина Михайловна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, dubovskaya13@gmail.com

Изучение особенностей семьи, в которой ребенок воспитывает один из родителей, становится все более распространенным в социальной психологии. В первых исследованиях неполная семья рассматривалась исключительно как негативное явление современной жизни, имеющее целый ряд отрицательных последствий. Постепенно ракурс рассмотрения менялся. С одной стороны, такое изменение было связано с расширением представленности неполной семьи в структуре социума. Причем необходимо отметить, что увеличение числа семей с одним родителем все чаще становилось результатом не только динамики полной семьи (развод родителей или смерть одного из них), но и осознанного выбора взрослого человека (чаще женщины) иметь и воспитывать ребенка без постоянного партнера. Иными словами, из пусть распространенного, но дефектного явления семья с неполной структурой становится более или менее штатным элементом социальной структуры современного общества. Хорошо это или плохо — сюжет для отдельного обсуждения, но необходимо отметить: это факт.

Второй причиной изменения подхода к рассмотрению неполной семьи как психологического феномена стало многообразие результатов исследований, показавших существование большого числа психологических особенностей неполной семьи, которые не имеют негативного характера и, что особенно важно, обеспечивают ее функционирование как полноценного института социализации. Особый интерес вызывает сравнение того, что происходит с психологическим благополучием детей в условиях жизни в полной и неполной семье. Распавшиеся браки — распространенная часть современной реальности, как бы часто ни зву-

чал призыв остановить распад института семьи; более рациональным представляется разобраться, к каким последствиям это приводит, как предотвратить негативные последствия и усилить позитивные, как реализовать это на практике — в том числе с целью сохранения ребенком определенного уровня психологического благополучия [6]. При этом представляется очевидным, что воспитание ребенка в неполной (а тем более — послеразводной) семье представляет собой реальную трудность, требующую от родителя (как правило — матери) актуализации всех имеющихся социальных и психологических ресурсов [8]. Между тем, до сих пор присутствует недостаточная изученность структуры и динамики семейного совладания в полных и неполных семьях, а также взаимосвязи семейного совладания с характером детско-родительских отношений и психологическим благополучием детей. Таким образом, цель исследования состояла в том, чтобы определить, как связаны стратегии родительского совладания с трудностями, оценки родителями психологического благополучия ребенка и стиль детско-родительских отношений в полных и неполных семьях. Заметим сразу, что специфика эмпирического объекта исследования позволяла говорить лишь о характере материнских стратегий копинга и оценок.

Прежде чем перейти к описанию проведенного эмпирического исследования, остановимся кратко на имеющихся традициях психологического и социально-психологического изучения поставленной проблемы.

Обращаясь к современным тенденциям в развитии проблематики совладания, подчеркнем, что одной из основных тенденций в ее развитии является

выраженное смещение исследовательского фокуса внимания в сторону изучения группового копинг-поведения и его механизмов [1; 3; 5; 9; 10; 13]. При этом в подавляющем большинстве случаев в качестве эмпирического объекта группового совладания с трудностями выступает семья как малая группа, и значительная часть этих исследований базируется на модели многоосевого «поведения преодоления» С. Хобфолла [17; 21].

На сегодняшний день накоплено значительное количество данных, касающихся динамики семейного копинга, которая, как показывают исследования, происходит в направлении от индивидуального к совместному совладанию; данных о специфике стратегий совладания супругов на разных этапах жизни семьи; определены возможные стадии реагирования родителей на стрессовые события; разработаны определенные критерии совладающего поведения семьи, а также отмечается, что семейное совладание имеет свои особенности в соответствии с динамикой семьи как малой группы и в зависимости от возраста ребенка [2; 3; 15; 20]. Так, например, для семьи, воспитывающей дошкольника, характерна стратегия выжидания при решении проблем, а также преимущественное осуществление самостоятельного решения проблем каждым членом семьи. На этапе развития семьи, в которой ребенок уже достигает подросткового возраста, при столкновении с неизбежными трудностями оба супруга чаще выбирают конструктивное отвлечение внимания, при этом мужчины указывают на поддерживающий копинг их супруги.

Таким образом, динамическое развитие семьи и копинг-стратегий связано с ее развитием как целостной систе-

мы в течении жизни [4; 15; 16; 18], при этом эффективность семейного совладания, по ряду исследований, является фактором повышения психологического благополучия ее членов, в том числе детей [1; 19; 23]. В целом отмечается, что основными предикторами уровня психологического благополучия являются активные и проблемно-ориентированные стратегии совладания, а также широкий репертуар используемых человеком копингов. Однако подчеркнем, что, как правило, эмпирические данные все-таки отражают взаимосвязь характера совладания и психологического благополучия взрослых членов семьи [7] либо подростков [12; 17]. Во многом это связано с тем, что наиболее популярная при исследованиях психологического благополучия модель включает в себя компоненты позитивного функционирования личности [22], которые, по сути, являются экзистенциальными критериями, предполагающими достижение определенного уровня личностного развития, и с трудом применимы по отношению к детям.

Тем не менее, на сегодняшний день существует определенная традиция в исследовании детского психологического благополучия [8; 12; 14; 22; 24]. Несмотря на многие существенные различия в понимании его структуры, большинство исследователей сходятся в том, что решающим фактором психологического благополучия ребенка в семье любого типа является характер детско-родительских отношений. Иными словами, параметры функционирования семьи оказываются более значимы для благополучия ребенка, нежели ее состав [8]. И очевидно при этом, что в качестве такого функционального параметра жизни семьи может выступать не только характер внутрисе-

мейных взаимоотношений, но и то, как ее члены реагируют на трудности и какие стратегии преодоления этих трудностей используют. Более того, с нашей точки зрения, именно семейный копинг является определяющим при становлении и развитии того или иного стиля детско-родительских отношений.

Были выдвинуты следующие основные *гипотезы* исследования:

1. Существуют различия в копинг-стратегиях матерей из полных и неполных семей.

2. Существует взаимосвязь копинг-стратегий матерей с оценкой ими психологического благополучия своих детей, причем эта взаимосвязь имеет содержательные различия в полных и неполных семьях.

3. Существует взаимосвязь стилей материнского воспитания с оценкой различных аспектов психологического благополучия детей, причем эта взаимосвязь имеет содержательные различия в полных и неполных семьях.

Выборка. В исследовании приняли участие 40 женщин, имеющих по одному ребенку в возрасте от 2 до 8 лет; из них — 20 замужних и 20 незамужних (как переживших ситуацию развода, так и не состоявших в браке). Средний возраст замужних матерей составил 29,8 лет, незамужних — 30,6 лет. Респондентки обеих групп сравнения проживали отдельно от своих родителей¹.

Методики

1. *Опросник совладания со стрессом COPE (адаптация Рассказовой Е.И. и др.)*

Опросник включает в себя 15 шкал, отражающих возможные стратегии копинга: 1) позитивное переформулирование и личностный рост; 2) мысленный уход от проблемы; 3) концентрация на эмоциях и их активное выражение; 4) использование инструментальной социальной поддержки; 5) активное совладание; 6) отрицание; 7) обращение к религии; 8) юмор; 9) поведенческий уход от проблемы; 10) сдерживание совладания; 11) использование эмоциональной социальной поддержки; 12) использование «успокоительных»; 13) принятие; 14) подавление конкурирующей деятельности; 15) планирование.

2. *Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Эйдемиллера Э.Г., Юстицкиса В.В.*

Опросник направлен на изучение влияния родителей на воспитание ребенка и содержит 11 шкал, отражающих основные стили воспитания (уровень протекции, степень удовлетворения потребностей ребенка, уровень требований-обязанностей и требований-запретов, уровень санкций, неустойчивость стиля воспитания), четыре шкалы, характеризующие структурно-ролевой аспект жизнедеятельности семьи (расширение сферы родительских чувств, предпочтение

¹ Наше исследование представляет собой лишь первый шаг в изучении копинг-стратегий матери как фактора социализации. Такая характеристика как одиночество женщины является сложной и многообразной. Мы позволили себе объединить в одну группу женщин-матерей, не состоявших в браке, и разведенных, так как системообразующим признаком выступает их одиночество. Полученные различия подтверждают возможность такого допущения. В дальнейшем при продолжении исследования выборка станет не только больше, но и естественно более дифференцированной.

детских качеств, воспитательная неуверенность), две шкалы, отражающие особенности функционирования системы взаимных влияний (неразвитость родительских чувств, проекция собственных нежелательных качеств) и три шкалы, оценивающие работу механизмов семейной интеграции (вынесение супружеских конфликтов в сферу воспитания, предпочтение женских либо мужских качеств).

3. Опросник психологического благополучия²

Опросник разработан специально для целей настоящего исследования и направлен на оценку родителем эмоционального, когнитивного, поведенческого и соматического благополучия ребенка. Данные аспекты психологического благополучия ребенка были выделены на основе ряда работ [12; 24]. Опросник включал в себя 17 утверждений, характеризующих проявления эмоционального (преобладающее настроение, адекватность эмоций, их интенсивность и «знак»), когнитивного (соответствие нормативам развития, желание познавать новое и продуктивность познания), поведенческого (социальная адаптированность и следование нормам поведения, саморегуляция в пределах возрастных нормативов) и соматического (частота болезней и наличие/отсутствие хронических заболеваний) благополучия ребенка, а также 4 обобщенных оценочных утверждения об указанных аспектах благополучия.

Статистическая обработка данных производилась в программе SPSS 17.0 (оценка нормальности распределения

проводилась по критерию Колмогорова—Смирнова; для сравнительного анализа был использован критерий Манна—Уитни для шкал с распределением данных, отличным от нормального, и критерий Стьюдента для шкал с нормальным распределением; для корреляционного анализа был использован коэффициент корреляции Спирмена).

Для проверки конструктивной валидности опросника использовался факторный анализ (оценка соответствия его факторной структуры изначально задуманной); для проверки внутренней согласованности шкал использовался коэффициент альфа Кронбаха (его значения по всем четырем шкалам оказались $>0,7$). Результаты факторного анализа показали, что основные отличия от исходных теоретических предположений заключаются в том, что когнитивные сложности детей оказались связаны в представлениях матерей с соматическим благополучием и, в меньшей степени, с эмоциональным состоянием ребенка. При этом способность успешно справляться с различными трудностями за пределами дома и постоять за себя представляется матерям показателем не столько поведенческого благополучия, сколько когнитивного, а такие особенности эмоциональной сферы ребенка, как преобладающий фон настроения и реакции на трудности и неудачи представляются характеристиками, проявленными в поведении и, следовательно, показателями поведенческого благополучия. Явные нарушения поведения, приводящие к возникновению замечаний от воспитателей и учителей,

² Пилотаж методики проводился в курсовой работе 2016 г. Ворониной Д.А. «Взаимосвязь стратегий совладания родителей и психологического благополучия ребенка», факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

представляются матерям следствием некоторого соматического неблагополучия ребенка (преимущественно неврологического характера). Подчеркнем, что все указанные особенности касаются матерей из обеих групп сравнения (полные и неполные семьи).

Основные результаты и их обсуждение

При оценке характеристик стиля материнского воспитания в обеих группах сравнения (полные и неполные семьи) оказалось, что преобладающими являются гиперпротекция и потворствова-

ние при наличии сниженного уровня санкций. При этом выраженность данной тенденции значимо выше у матерей полной семьи по сравнению с матерями, воспитывающими ребенка в одиночку ($p=0,009$). В целом результаты сравнения стилей материнского воспитания в полных и неполных семьях представлены на рис. 1.

Также для обеих групп сравнения отмечается в целом сходная картина предпочитаемых копинг-стратегий: наиболее часто встречаются такие стратегии совладания с трудностями, как планирование, позитивное переформулирование и активное совладание, а реже всего предпочитается использование успокоитель-

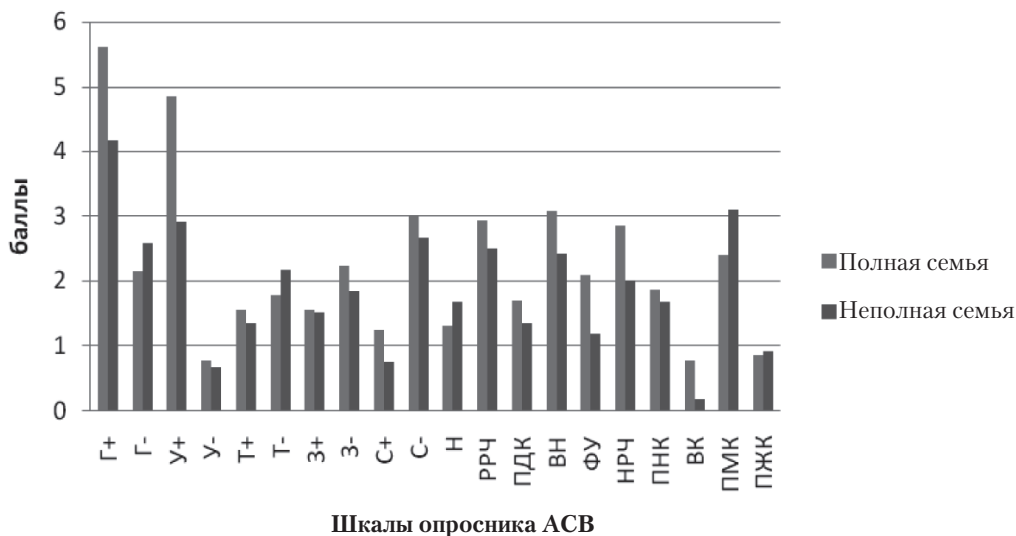

Рис. 1. Средние значения по шкалам опросника стиля семейных взаимоотношений в группах сравнения

Условные обозначения: шкалы методики АСВ: Г+, Г- — уровень протекции; У+, У- — удовлетворение потребностей; Т+, Т- — требования; З+, З- — запреты; С+, С- — санкции; Н — неустойчивость стиля воспитания; РРЧ — расширение сферы родительских чувств; ПДК — предпочтение в подростке детских качеств; ВН — воспитательная неуверенность родителя; ФУ — фобия утраты ребенка; НРЧ — незрелость родительских чувств; ПНК — проекция на ребенка (подростка) собственных нежелательных качеств; ВК — вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; ПМК — шкала предпочтения мужских качеств; ПЖК — шкала предпочтения женских качеств.

ных средств, отрицания и религии. Мысленный и поведенческий уход от проблем также не характерен ни для матерей из полных семей, ни для матерей-одиночек. Наиболее значимые различия касаются использования стратегии социальной поддержки: в случае возникновения жизненных трудностей за эмоциональной социальной поддержкой значимо реже обращаются матери, воспитывающие ребенка в одиночку ($p=0,042$). Общую картину можно видеть на рис. 2.

При оценке матерями уровня психологического благополучия своих детей оказалось, что в целом он представляется выше у детей, которые воспитываются в полных семьях (различия значимы на уровне 0,05). При этом матери-одиночки в большей степени, нежели матери полных семей, считают, что их ребенок склонен к чрезмерно интенсивным эмоциональным реакциям (различия значимы на уровне 0,05) и значимо ниже оценивают показатели его соматического здоровья. Интересно, что по шкале ког-

нитивного благополучия (ее содержание, напомним, включало в себя субъективную оценку матерью соответствия своего ребенка нормативам развития, его желания познавать новое и продуктивности познания в целом) респондентки обеих групп сравнения дают минимальные значения. Согласно логике формулировок суждений шкалы, чем выше получающийся балл, тем ниже соответствующий показатель психологического благополучия; соответственно, можно утверждать, что участвовавшие в исследовании матери очень высоко оценивают уровень когнитивного благополучия своих детей.

Перейдем теперь к описанию корреляционных взаимосвязей материнских стилей воспитания и копинг-стратегий, а также оценок психологического благополучия детей в полной и неполной семьях.

В полных семьях поиск матерью эмоциональной поддержки в ситуации жизненных трудностей значимо коррелирует с ее воспитательной неуверенностью ($p=0,608$, $p=0,021$) и отрицательно связан

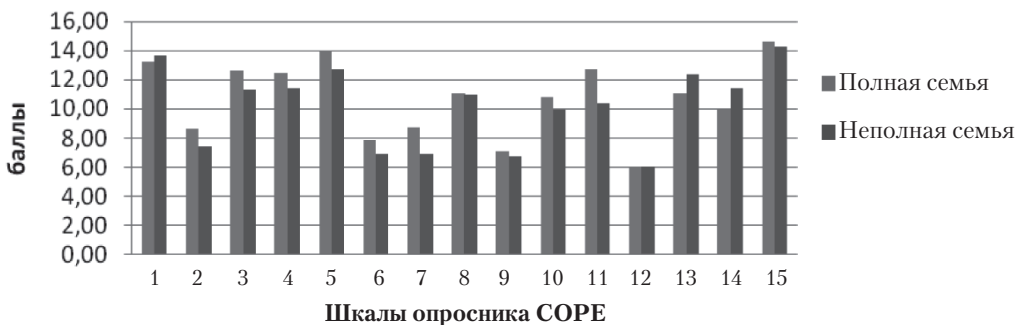

Рис. 2. Средние значения по шкалам опросника COPE в группах сравнения

Условные обозначения: 1 — позитивное переформулирование и личностный рост, 2 —мысленный уход от проблемы, 3 — концентрация на эмоциях и их активное выражение, 4 — использование инструментальной социальной поддержки, 5 — активное совладание, 6 — отрицание, 7 — обращение к религии, 8 — юмор, 9 —поведенческий уход от проблемы, 10 — сдерживание совладания, 11 — использование эмоциональной социальной поддержки, 12 — использование «успокоительных», 13 — принятие, 14 — подавление конкурирующей деятельности, 15 — планирование.

с показателем недостаточности запретов ($\rho=-0,596$, $p=0,024$). В неполных семьях обращение матери за эмоциональной поддержкой не коррелирует ни с одним аспектом стиля воспитания. Такая стратегия копинга, как позитивное переформулирование, в полной семье связана с повышенным уровнем требований-обязанностей ($\rho=0,638$, $p=0,014$), а в неполной семье — с неустойчивостью стиля материнского воспитания ($\rho=0,660$, $p=0,027$) и недостаточностью запретов ($\rho=0,643$, $p=0,033$). Т.е. матери в полных семьях склонны искать положительные аспекты в неприятных, стрессовых ситуациях и используют это умение в том числе и при необходимости устанавливать некоторые требования для своих детей, что может повышать привлекательность выполнения родительских требований и способствовать пониманию их необходимости в более старшем возрасте. Роль позитивного переформулирования в неполной семье представляется менее продуктивной, позволяющей смещать фокус внимания на позитивные аспекты происходящего и сохранять впечатление того, что «все не так уж плохо», при наличии неустойчивого стиля воспитания и недостатке требований-запретов для ребенка.

Активное совладание в полных семьях отрицательно коррелирует с гиперпротекцией ($\rho=-0,625$, $p=0,017$), неустойчивым стилем воспитания ($\rho=-0,563$, $p=0,036$), расширением сферы родительских чувств ($\rho=-0,550$, $p=0,042$), предпочтением мужских ($\rho=-0,794$, $p=0,001$) и женских качеств ($\rho=-0,709$, $p=0,005$). В неполных семьях активное совладание отрицательно коррелирует с выраженностью санкций, т. е. с использованием наказаний ($\rho=-0,632$, $p=0,037$). Иными словами, чем больше матери в полных семьях используют активное совладание, тем менее

выражены предпочтения мужских или женских качеств в ребенке и расширение сферы родительских чувств: ребенок воспринимается именно в роли ребенка, не заменяя роли мужа, друга или советчика, с присущими ему качествами независимо от пола, ребенку уделяется достаточно, но не избыточно времени, сил, внимания, а воспитание осуществляется последовательно. Чем чаще используется активное совладание в неполной семье, тем меньше используется наказаний и большей ценностью в регуляции поведения наделяются поощрения.

Тем самым, опираясь на эти результаты, представляется возможным утверждать, что многие материнские копинг-стратегии не только играют роль в совладании с проблемными ситуациями, но и участвуют в реализации того или иного стиля воспитания, имея при этом качественные отличия в полной и неполной семьях.

Корреляционный анализ показателей оценок матерью психологического благополучия своего ребенка свидетельствует, что часть из них связаны как со стилями воспитания, так и с копинг-стратегиями, имея свои отличия в полных и неполных семьях.

Так, что касается эмоционального аспекта психологического благополучия, то в полной семье оценка матерью интенсивности эмоциональных реакций ребенка тем ниже, чем более она в ситуации трудностей склонна обращаться к копинг-стратегии концентрации на своих эмоциях и их выражении, а также склонна к предъявлению своему ребенку жестких требований-запретов и строга в наказаниях. В неполной семье оценка матерью интенсивности эмоциональных реакций ребенка тем выше, чем более она склонна к копинг-стратегии мысленного ухода от проблем и проявляет страх утраты

ребенка. В полной семье высокая оценка матерью способности своего ребенка «стоять за себя» связана с малой выраженностью копинг-стратегий мысленного и поведенческого ухода от проблем и отрицания. В неполной семье взаимосвязей с копинг-стратегий матерей с показателями поведенческого аспекта психологического благополучия обнаружено не было. Низкая оценка матерями-одиночками соматического аспекта благополучия своего ребенка, свойственная им в целом, оказалась связана с сильной выраженностью такой стратегии копинга, как принятие проблем и трудностей ($p=0,781$, $p=0,005$), а также с такими особенностями стиля взаимоотношений, как предпочтение «мужских» ($p=-0,747$, $p=0,008$) и снижение предпочтения собственно «детских» ($p=0,654$, $p=0,029$) качеств в своем ребенке. В полных семьях, напротив, оценка матерью уровня соматического здоровья своего ребенка не имела корреляционных зависимостей ни с предпочитаемыми ею стратегиями совладания с трудностями, ни с особенностями детско-родительского взаимоотношения.

Таким образом, свидетельствуя о факте подтверждения выдвинутых гипотез исследования, отметим, что взаимосвязь копинг-стратегий, особенностей семейных взаимоотношений и психологического благополучия ребенка представляется более последовательной в полной семье и противоречивой в неполной семье. Это, на наш взгляд, в целом связано с более выраженной для матерей-одиночек задачей распределения своего эмоционального ресурса, в силу чего избегающие стратегии копинга начинают играть для нее конструктивную роль, а повышенное внимание к соматическим аспектам благополучия ребенка и более выраженный, нежели у матерей

в полных семьях, страх его потери оборачивается более высоким уровнем принятия своего ребенка.

Выводы

Копинг-стратегии матери связаны с реализацией ею определенных стилей воспитания и имеют качественные отличия в полной и неполной семье. Так, в полных семьях стратегия позитивного переформулирования проблемы участвует в предъявлении требований-обязательств к ребенку, а в неполных — выступает как способ увидеть позитивные аспекты ситуаций и взаимоотношений при недостаточной последовательности стиля воспитания и недостатке запретов. В полных семьях активное совладание связано с непредвзятым отношением к ребенку и с достаточным уровнем протекции в его воспитании, а в неполных — с ориентацией на поощрения, а не наказания в регуляции поведения ребенка. Избегающие копинг-стратегии связаны с неблагоприятными тенденциями в семейных взаимоотношениях в полной семье: непоследовательностью, проекцией негативных качеств на ребенка и др., а в неполной семье подобных тенденций не отмечается.

Копинг-стратегии матери совместно со стилевыми особенностями ее взаимоотношений с ребенком связаны с оценкой ею эмоционального и поведенческого психологического благополучия своего ребенка и также имеют различия в полной и неполной семье. В частности, в полной семье послушание ребенка связывается матерью с наличием высокого уровня требований-запретов при отсутствии избыточной протекции. В неполной семье высокая оценка матерью уровня послу-

шания своего ребенка связана с развитостью родительских чувств матери и отсутствием проекции на него собственных нежелательных качеств. Высокая оценка матерью легкости усвоения новых знаний (когнитивный аспект психологического благополучия ребенка) как в полных, так и в неполных семьях связана с наличием во взаимоотношениях сбалансированных поощрений и наказаний.

Итак, характеристики неполной семьи как института социализации по сравнению с полной не имеют однозначно негативной окраски. Так, в плане психологического благополучия ребенка ситуация в неполной семье более сложная и противоречивая. Однако при определенной копинг-стратегии матери неполная семья вполне может справиться с функциями института социализации.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладение с ними. СПб.: Речь, 2005. 240 с.
2. Куфтяк Е.В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 6(14). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 3.06.2016).
3. Куфтяк Е.В. Психология семейного совладания. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2010. 320 с.
4. Куфтяк Е.В. Факторы становления совладающего поведения в детском и подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. № 2(22). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 3.06.2016).
5. Михайлова Н.Ф. Концепция семейного стресса и копинг-парадигма в изучении семей «особых» детей (обзор литературы) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2014. Т. 7. № 3. С. 32–46.
6. Нартова-Бочавер С.К., Несмеянова М.И., Малярова Н.В., Мухортова Е.А. Ребенок в карусели развода. М.: Дрофа, 2001. 192 с.
7. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3(17). <http://psystudy.ru> (дата обращения: 8.06.2016).
8. Реан А.А. Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения // Национальный психологический журнал, 2015. № 1(17). С. 3–8.
9. Сапоровская М.В. Социально-психологические механизмы развития совладающего поведения детей и подростков в семье [электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 4. С. 153–159.
10. Сергиенко Е.А. Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2008. С. 67–83.

11. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия: к разработке интегративной концепции // Мир психологии. 2007. № 2. С. 143–148.
12. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.
13. Bodenmann G. Dyadic coping and its significance for marital functioning // Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping / Eds. T.A. Revenson, K. Kayser, G. Bodenmann. Washington: DC: American Psychological Association, 2005. P. 33–49.
14. Diener E., Suh E., Lucas R. E., Smith H. Subjective well-being: Three decades of Progress [электронный ресурс] // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. № 2. P. 276–302. <http://internal.psychology.illinois.edu> (дата обращения: 12.06.2016).
15. Dyk P., Schwaneveldt J.D. Coping as a Concept in Family Theory // Family science review. 1987. P. 23–40.
16. Fattore T, Mason J. & Watson E. Children's conceptualisations of their well-being // Social Indicators Research. 2007. Vol. 80. I. 1. P. 5–29.
17. Hobfoll S.E., Wells J D., Lavin J. Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles // Psychol. Women Q. 1997. Vol. 21(4). P. 645–662.
18. Joronen K., Astedt-Kurki P. Familial contribution to adolescent subjective well-being // International Journal of Nursing Practice. 2005. № 11. P. 125–133. doi: 10.1111/j.1440-172X.2005.00509.x
19. Mooney A., Oliver C., Smith M. Impact of Family Breakdown on Children's Well-Being [Электронный ресурс] // Evidence Review. Research Report DCSF-RR113, 2009. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved> (дата обращения: 12.06.2016).
20. O'Brien T. B., DeLongis A. Coping with chronic stress: an interpersonal perspective // Coping with chronic stress / Ed. by B.H. Gottlieb. N.Y. : Plenum, 1997. P. 161–190.
21. Pakenham K.I. Couple coping and adjustment to multiple-sclerosis in care receiver-carer dyads // Family relations: Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies. 1998. Vol. 47. № 3. P. 269–277.
22. Ryff C.D., Keyes C.L.M. The Structure of Psychological Well-Being Revisited [Электронный ресурс] // Journal of Personality and Social Psychology 1995. Vol. 69. № 4. P. 719–727 <http://midus.wisc.edu/findings/pdfs/830.pdf> (дата обращения: 12.06.2016).
23. Statham J., Chase E. Childhood well-being: a brief overview [Электронный ресурс] // Childhood wellbeing research centre. Briefing paper 1, 2010. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact> (дата обращения: 12.06.2016).
24. Videon T.M. Parent-Child Relations and Children's Psychological Well-Being. Do Dads Matter? [электронный ресурс] // Journal of Family Issues. 2005. Vol. 26. № 1. P. 55–78. <http://jfi.sagepub.com/content/26/1/55.abstract> (дата обращения: 12.06.2016). doi: 10.1177/0192513X04270262

One-parent family as agent of socialization: interrelation of mother's conception of child's psychological well-being and her strategies of coping with difficulties

E.P. BELINSKAYA*,
Moscow, Russia, elena_belinskaya@list.ru

E.M. DUBOVSKAYA**,
Moscow, Russia, Dubovskaya13@gmail.com

The article is devoted to the issue of psychological characteristics of one-parent families. The family, in which a child is brought by one parent, now is becoming an important independent object of socio-psychological research. According to authors' opinion, the subject of importance is not only the specifics of individual psychological characteristics of single-parent families, but also the interaction of these important characteristics. The authors chose the following socio-psychological variables for investigation: the mother's perception of psychological well-being of her child, the nature of her coping strategies and style of upbringing. The authors revealed a variety of social and psychological characteristics of single-parent families. Thus, the parent strategy of positive reformulation of problems is involved as a way to see the positive aspects of the situation in the family and the relationship with the child on case of the lack of consistency in style of education and lack of inhibitions; and active coping strategies – with a focus on promotion rather than punishment in the child's behavior regulation.

Keywords: family coping with difficulties, psychological well-being, single-parent families, positive family socialization, parent-child relationships.

Financing

This work was supported by the Russian Science Foundation, project № 14-18-00598 "Patterns and mechanisms of positive socialization in modern children and teenagers".

For citation:

Belinskaya E.P., Dubovskaya E.M. One-parent family as agent of socialization: interrelation of mother's conception of child's psychological well-being and her strategies of coping with difficulties. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 33–46. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070303

* *Belinskaya Elena P.* – Doctor in Psychology, professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, elena_belinskaya@list.ru

** *Dubovskaya Ekaterina M.* – PhD in Psychology, associate professor at the Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Dubovskaya13@gmail.com

REFERENCES

1. Krjukova T.L., Saporovskaja M.V., Kuftjak E.V, Psihologija sem'i: zhiznennye trudnosti i sovladenie s nimi. [Family Psychology: life's difficulties and a condominium with them.] Saint-Petersburg: Rech, 2005. 240 p.
2. Kuftjak E.V. Issledovanie ustojchivosti sem'i pri vozdeystvii trudnostej [Elektronny resurs] [Study of family stability when exposed to difficulties]. *Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn [Psychological research: electron. scientific. Zh.]*. 2010, no. 6(14). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 3.06.2016).
3. Kuftjak E.V. Psihologija semejnogo sovladanija [Psychology family coping]. Kostroma: KSU. Nekrasov, 2010. 320 p.
4. Kuftjak E.V. Faktory stanovlenija sovladajushhego povedenija v detskom i podrostkovom vozraste. [Elektronnyj resurs] [Factors of formation of coping behavior in childhood and adolescence]. *Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn [Psychological research: electron. scientific. Zh.]*. 2012. no. 2 (22). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 3.06.2016).
5. Mihajlova N.F. Konceptcija semejnogo stressa i koping-paradigma v izuchenii semej "osobyh" detej (obzor literatury) [The concept of family stress and coping paradigm in the study of families of "special" children (review)]. *Vestnik JuUrGU. Serija "Psihologija" [Bulletin of SUSU. "Psychology" series]*. 2014. V. 7, no. 3, pp. 32–46.
6. Nartova-Bochaver S.K., Nesmejanova M.I., Maljarova N.V., Muhortova E.A. Rebenok v karuseli razvoda [Child in carousel divorce]. Moscow: Drofa, 2001. 192 p.
7. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O. Koping-strategii v psihologii stressa: podhody, metody i perspektivy [Elektronnyj resurs] [Coping strategies in stress psychology: approaches, methods and perspectives]. *Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn [Psychological research: electron. scientific. Zh.]*. 2011. no. 3 (17). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 8.06.2016).
8. Rean A.A. Sem'ja kak faktor profilaktiki i riska viktimnogo povedenija [The family as a factor of prevention and victim behavior risk]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal, [National Psychological Journal]*. 2015, no. 1 (17), pp. 3–8.
9. Saporovskaja M.V. Social'no-psihologicheskie mehanizmy razvitija sovladajushhego povedenija detej i podrostkov v sem'e [Elektronnyj resurs] [Socio-psychological mechanisms of coping behavior of children and adolescents in the family]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Serija Gumanitarnye nauki: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Akmeologija. Juvenologija. Sociokinetika, [Bulletin of the Kostroma State University. ON. Nekrasov. Humanities Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Akmeology. Juvenology. Sotsiokinetika]*. 2008. Vol. 14, no. 4, pp. 153–159.
10. Sergienko E.A. Subektnaja reguljacija sovladajushhego povedenija [Subjective regulation coping] In . Zhuravlev A.L, Hook T.L, Sergienko E.A (eds.). *Sovladajushhee povedenie: sovremennoe sostojanie i perspektivy [Coping behavior: the current state and prospects]*. Moscow: IP RAS, 2008, pp. 67–83.
11. Shamionov R.M. Psihologija subektivnogo blagopoluchija: k razrabotke integrativnoj koncepcii [Psychology of subjective well-being: the development of an integrative concept]. *Mir psihologii [World of Psychology]*. 2007, no. 2, pp. 143–148.

12. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. Psihologicheskoe blagopoluchie lichnosti [Psychological well-being of the person] *Psihologicheskaja diagnostika. [Psychological diagnostics]*. 2005, no. 3, pp. 95–121.
13. Bodenmann G. Dyadic coping and its significance for marital functioning. In T.A. Revenson, K. Kayser, G. Bodenmann (eds.). *Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping*. Washington: DC: American Psychological Association, 2005, pp. 33–49.
14. Diener E., Suh E., Lucas R.E., Smith H. Subjective well-being: Three decades of Progress [Elektronnyi resurs]. *Psychological Bulletin*, 1999. Vol. 125, no. 2, pp. 276–302. <http://internal.psychology.illinois.edu> (Accessed 12.06.2016).
15. Dyk P., Schwaneveldt J.D. Coping as a Concept in Family Theory. *Family science review*, 1987, pp. 23–40.
16. Fattore T, Mason J& Watson E. Children’s conceptualisations of their well-being. *Social Indicators Research*, 2007. Vol. 80, I. 1, pp. 5–29.
17. Hobfoll S.E., Wells J D., Lavin J. Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles. *Psychol. Women Q*, 1997. Vol. 21 (4), pp. 645–662.
18. Joronen K., Astedt-Kurki P. Familial contribution to adolescent subjective well-being. *International Journal of Nursing Practice*, 2005, no. 11, pp. 125–133. doi: 10.1111/j.1440-172X.2005.00509.x
19. Mooney A., Oliver C., Smith M. Impact of Family Breakdown on Children’s Well-Being [Elektronnyi resurs]. *Evidence Review. Research Report DCSF-RR113*, 2009. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved> (Accessed 12.06.2016).
20. O’Brien T.B., DeLongis A. Coping with chronic stress: an interpersonal perspective. In B.H. Gottlieb (eds.). *Coping with chronic stress*. N.Y. : Plenum, 1997, pp. 161–190.
21. Pakenham K.I. Couple coping and adjustment to multiple-sclerosis in care receiver-carer dyads. *Family relations: Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies*, 1998. Vol. 47, no 3, pp. 269–277.
22. Ryff C.D., Keyes C.L.M. The Structure of Psychological Well-Being Revisited [Elektronnyi resurs]. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995. Vol. 69, no. 4, pp. 719–727. <http://midus.wisc.edu/findings/pdfs/830.pdf> (Accessed 12.06.2016).
23. Statham J., Chase E. Childhood well-being: a brief overview [Elektronnyi resurs]. *Childhood wellbeing research centre. Briefing paper 1*, 2010. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact> (Accessed 12.06.2016).
24. Videon T.M. Parent-Child Relations and Children’s Psychological Well-Being. Do Dads Matter? [Elektronnyi resurs]. *Journal of Family Issues*. 2005. Vol. 26, no. 1, pp. 55–78. <http://jfi.sagepub.com/content/26/1/55.abstract> (Accessed 12.06.2016). doi: 10.1177/0192513X04270262

Гендерные особенности переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости

Е.В. КОЛТАЧУК*,
Москва, Россия, mesvamy@list.ru

И.В. ВАЧКОВ**,
Москва, Россия, igorvachkov@mail.ru

В работе проводится социально-психологический анализ гендерных особенностей переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости. Авторами приведены результаты качественного и количественного анализа данных 112 человек в возрасте 33–39 лет, трудоустроенных на условиях полной занятости и пребывающих в ситуации угрозы потери работы или изменения значимых параметров их занятости. На основании полученных результатов делается вывод о существовании гендерных различий в переживании неопределенности профессионального статуса в период взрослости, что находит выражение в упорядоченных убывающих тенденциях отдельных компонентов переживания неопределенности от выборки к выборке, различиях по уровню выраженности этих компонентов, а также различиях в конфигурации их корреляционных взаимосвязей у испытуемых с разным типом гендерной идентичности на данном этапе онтогенеза. Выявлено упорядоченное влияние гендерной идентичности на переживание неопределенности профессионального статуса в период взрослости, выражающееся в неслучайной тенденции убывания признаков от выборки к выборке: от маскулинных к феминным убывает страстность, интегральная готовность к переменам и отвлечение; от феминных к маскулинным — эмоции и межличностная интолерантность к неопределенности; от андрогинных к феминным — избегание; от маскулинных к андрогинным — частота использования проблемно-ориентированного копинга.

Для цитаты:

Колтачук Е.В., Вачков И.В. Гендерные особенности переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 47–59. doi:10.17759/sps.2016070304

* Колтачук Елена Владимировна — магистрант кафедры индивидуальной и групповой психотерапии, факультет консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, mesvamy@list.ru

** Вачков Игорь Викторович — доктор психологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ (ФГБОУ ВПО РАНХиГС), Москва, Россия, igorvachkov@mail.ru

Ключевые слова: *неопределенность, профессиональный статус, гендерная идентичность, маскулинность, андрогинность, фемининность, гендерные различия, взрослость.*

Введение

Неопределенность, рассматриваемая сегодня как неотъемлемая характеристика современного общества и важная социально-психологическая проблема, нарушает целостность, непрерывность, безопасность личности на рынке труда. Вследствие фундаментальных изменений статусно-ролевой системы, а также хронологических границ и качественных преобразований современной взрослости особую актуальность приобретает гендерный аспект проблемы переживания неопределенности профессионального статуса на данном этапе онтогенеза.

Исследование базировалось на работах, посвященных проблематике неопределенности, психологии взрослости, а также междисциплинарных исследованиях по гендерной проблематике.

Методологическую основу исследования составили подходы к жизненному пути личности Б.Г. Ананьева; подход Д. Магнуссона к ситуации как совокупности средовых и субъективных факторов; принцип опосредования влияния внешних условий внутренними психологическими факторами С.Л. Рубинштейна; подходы к переживанию, предложенные Л.С. Выготским и Ф.Е. Василюком; интегральная периодизация общего психического развития В.И. Слободчикова и Г.А. Цукерман; положение А.Н. Леонтьева о ведущей деятельности.

Теоретический анализ категории неопределенности показал, что она разрабатывалась в различных областях знания (философии, биологии, социальных и экономических науках), однако психоло-

гия обратилась к принципу неопределенности вследствие влияния ее собственных конкретно- научных предпосылок, связанных с процессом фундаментального переосмысления психологической причинности свободы человека при принятии решений и действиях в изменяющемся (неопределенном) мире [11].

Ключевым моментом изучения неопределенности в области психологического знания стало выделение объективной и субъективной неопределенности, которые понимаются соответственно как неравновесность в природе, обществе и как осмысливаемая асимметричность, неравновесность, переживаемая индивидом [3; 11; 17].

Опираясь на понимание неопределенности как недостатка информации об объективных условиях, дефиницию неопределенности как ситуации (С. Баднер), подход к переживанию с позиции «не внешнего характера» влияния среды на личность (Л.С. Выготский) и как особой форме деятельности по восстановлению психического равновесия (Ф.Е. Василюк), в настоящем исследовании под переживанием неопределенности мы понимаем внутреннее отношение личности к неизвестности исхода объективно существующей ситуации и способы восстановления психического равновесия. Принимая во внимание перспективность феноменологического изучения указанной проблематики, в настоящем исследовании мы операционализируем понятие переживания с целью его эмпирического изучения, приобретающего особую актуальность как позволяющее устанавливать причинно-следственные связи

между внешними обстоятельствами, переживаниями и действиями личности.

В последнее время проблема неопределенности активно обсуждается в контексте жизненного пути личности, который претерпевает значимые изменения. В его структуре появляются новый класс ситуаций, специфических «разрывов», поворотов, нарушающих целостность, непрерывность, безопасность личности в различных сферах ее жизнедеятельности. Эти «разрывы» обладают нормо-хронологической специфичностью, могут сочетаться с кризисами возрастного или профессионального развития, но не тождественны им [7; 8; 13]. Данные обстоятельства обуславливают необходимость изучения указанной проблематики на различных этапах онтогенеза.

Современные исследования, раскрывающие особенности функционирования взрослой личности, позволяют говорить о том, что взрослость как период онтогенеза наряду со многими социально-психологическими категориями находится под влиянием социальных трансформаций. Так, изменяются хронологические границы возраста (он оказывается как бы «зажатым» между удлинившимся взрослением и хронологически обозначенной старостью) и трансформируются его качественные характеристики (снижаются требования к современному взрослому, практически «узаконивается» неприятие человеком ответственности за психологическое содержание своей жизни) [16].

Несмотря на ощутимые изменения, образ взрослого неизменно связан с осуществлением им профессионально-трудовой деятельности. Однако в современных условиях изменяется мотивация труда, абсолютная и относительная значимость занятости: культивируется профессиональный статус как показатель

успешности его обладателя, нивелируется значение труда с точки зрения пользы для общества, реализации сущностных сил индивида или фактора успеха в жизни [9; 14]. Кроме того, наблюдается девальвация отношения к институту трудовой занятости как гаранту императива «одна работа на всю жизнь» вследствие иницированной извне ситуации угрозы деформации или разрушения отношений с институтом трудовой занятости. Учитывая, что данные отношения выступают основой динамики социально-психологической реальности современного взрослого, их утрата или деформация могут стать причиной хаотичности (неопределенности) существования, ранее структурированного работой, актуализируя необходимость построения нового жизненного пространства, что требует высокой ответственности, серьезных волевых усилий, предприимчивости, самоорганизации, как это ни парадоксально в таком контексте, большого труда, к чему современный взрослый не готов.

Угроза разрыва или деформации отношений с институтом труда ставит под угрозу профессиональный статус личности, представляемый особую ценность в современном стратификационном обществе. Опираясь на положения, разработанные Ф.Е. Василюком [5], мы определяем данную ситуацию как критическую в силу возникающих внутри нее препятствий для реализации внутренних жизненных потребностей личности. Кроме того, характер «невозможности» данной ситуации позволяет нам соотнести ее с такой понятийной фиксацией критической ситуации, как стресс: имеющиеся у сотрудников типы активности не способны к здесь-и-теперь удовлетворению потребности в непрерывности, структурированности, предсказуемости, безопасности

внешнего мира. Таким образом, неопределенность, порождаемая не ависящими от субъекта факторами, и невозможность эту неопределенность устранить — ключевые особенности неопределенности профессионального статуса как критической жизненной ситуации [12; 15].

Наряду с объективным, следует учитывать субъективный аспект ситуации, поскольку речь идет не о реальных событиях, а об их предвосхищении и оценке. Субъективный аспект ситуации неопределенности профессионального статуса приобретает особую значимость, поскольку личность вынуждена обращаться к самодетерминации, что предъявляет особые требования к ее отношению к неструктурированной среде и умению функционировать в условиях неопределенности. Отношение к неопределенности тесно связано с готовностью к переменам и совладающим поведением [6; 10]. Наряду с возрастным, в условиях свободы построения социокультурной идентичности важно учитывать гендерный аспект указанных характеристик [18].

Анализ имеющихся исследований по указанной проблематике показал, что большинство сотрудников переживают угрозу потери работы как тяжелое, болезненное событие, сопровождаемое всеми признаками острого стрессового расстройства на эмоциональном уровне, обострением хронических и простудных заболеваний — на физическом, ассоциируемое с утратой связей с референтной группой, невозможностью поддерживать привычный уровень жизни — на психологическом [2; 6; 9; 14]. Вместе с тем показано, что некоторые сотрудники воспринимают возникшую неопределенность как стимул к действию, как возможность реализации своих способностей, как шанс избавления от надоевшей рутинной работы

и возможность посвятить себя семье или перейти на другую работу [9; 17]. Данное обстоятельство наряду с отмеченными потенциальными различиями отношения мужчин и женщин к неопределенности и их копинг-комплексам в условиях фундаментального изменения статусно-ролевой системы, позволяет предполагать существование гендерных различий переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости.

Результаты проведенного теоретического анализа по проблематике гендерных особенностей переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости были положены в основу формулировки главной гипотезы работы, состоящей в предположении о существовании гендерных различий в переживании неопределенности профессионального статуса в период взрослости. Она была уточнена в трех частных предположениях: есть упорядоченное влияние гендерной идентичности на переживание неопределенности профессионального статуса в период взрослости, выражающееся в неслучайной тенденции убывания признаков от выборки к выборке; испытуемые с разным типом гендерной идентичности в период взрослости различаются по уровню выраженности отдельных компонентов переживания неопределенности профессионального статуса; отдельные компоненты переживания неопределенности взаимосвязаны у испытуемых с разным типом гендерной идентичности в период взрослости. Нами также проверялась гипотеза-следствие о различиях в конфигурации этих взаимосвязей в период взрослости у испытуемых с разным типом гендерной идентичности.

В качестве **объекта исследования** выступило переживание неопределенности.

Предметом исследования стали гендерные особенности переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости.

Целью исследования явилось изучение гендерных особенностей переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости.

Основной гипотезой настоящего исследования стало предположение о существовании гендерных различий в переживании неопределенности профессионального статуса в период взрослости.

Частные гипотезы.

1. Есть упорядоченное влияние гендерной идентичности на переживание неопределенности профессионального статуса в период взрослости, выражающееся в неслучайной тенденции убывания отдельных его компонентов от выборки к выборке.

2. Респонденты с различным типом гендерной идентичности в период взрослости будут различаться по уровню выраженности отдельных компонентов переживания неопределенности профессионального статуса.

3. Отдельные компоненты переживания неопределенности профессионального статуса у испытуемых с различным типом гендерной идентичности в период взрослости взаимосвязаны.

Гипотеза-следствие состоит в предположении, что конфигурация связей отдельных компонентов переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости будет различаться у испытуемых с разным типом гендерной идентичности.

Выборочную совокупность исследования составили 112 человек (50 мужчин и 62 женщины) в возрасте 33–39 лет ($M=35,2$), трудоустроенных на условиях полной занятости и пребывающих в ситу-

ации угрозы потери работы или изменения значимых параметров их занятости.

Методы и методики сбора эмпирических данных: Методика диагностики маскулинности/феминности (мужественности/женственности) (С. Бэм, адаптация Е.П. Ильина).

- Методика диагностики личностной готовности к переменам (Personal change readiness survey) (Родник, Хезер, Голд, Хал, перевод и адаптация Н.А. Бажановой и Г.Л. Бардиер).

- Методика диагностики толерантности к неопределенности (Tolerance Ambiguity Scale) (С. Баднер, адаптация А.Г. Солдатовой).

- Новый опросник толерантности к неопределенности (Т.В. Корнилова).

- Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (С. Норманн, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер, адаптация Т.А. Крюковой).

Результаты исследования и их обсуждение

Для представителей обоих полов в период взрослости в большей степени характерно изменение гендерной идентичности в направлении гендерного равенства, нежели следование гендерно адекватным ее формам: андрогинность обнаружили 62% мужской и 74,2% женской выборки. Закономерное большинство составили испытуемые, характеризующиеся андрогинностью, в общей выборке — 68,8%; маскулинные испытуемые составили 16%, феминные — 15,2%; 4% мужской и 1,6% женской выборки обнаружили идентичность, адекватную противоположному полу.

Современные взрослые характеризуются низким уровнем способностей, со-

ставляющих интегральную готовность к переменам: у них низкий уровень страстности (энергичности, жизненного тонуса), находчивости (умения находить выход в трудных ситуациях), оптимизма (веры в благоприятный исход событий), смелости (тяги к новому), уверенности (в своих силах, в то, что все возможно), адаптивности (умения перестраиваться в новых ситуациях), толерантности к двусмысленности (умения сохранять спокойствие при неясности ситуации). Лишь маскулинные характеризуются оптимальным уровнем страстности, что позволяет им быть менее уязвимыми в ситуации неопределенности профессионального статуса. Вместе с тем они более остальных склонны оценивать такую ситуацию как угрожающую. Испытуемые имеют схожее отношение к источникам угрозы: основным считают сложность проблемы. Все обнаруживают стремление средней силы к контролю отношений с руководством, однако феминные имеют самый высокий показатель по данной шкале. Все испытуемые в первую очередь прибегают к проблемно-ориентированному копингу, однако с ростом напряжения маскулинные и андрогинные начинают избегать проблему, феминные обращаются к эмоциям.

Есть упорядоченное влияние гендерной идентичности на переживание неопределенности профессионального статуса в период взрослости, выражающееся в неслучайной тенденции убывания признаков от выборки к выборке: от маскулинных к феминным убывает страстность, интегральная готовность к переменам и отвлечение; от феминных к маскулинным — эмоции и межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН); от андрогинных к феминным — избегание; от маскулин-

ных к андрогинным — частота использования проблемно-ориентированного копинга. В установленных тенденциях наблюдается убывание характерных для стереотипа маскулинности/феминности признаков в направлении противоположного полюса дихотомии, а также «выход» андрогинных за пределы привычного, «черно-белого» мировосприятия. Влиянию гендерной идентичности также подвержен оптимизм и интолерантность к неопределенности (ИТН), но это влияние не является упорядоченным.

Испытуемые с разным типом гендерной идентичности различаются по уровню выраженности отдельных компонентов переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости (табл.).

Полученные результаты во многом отражают стереотипы маскулинности/феминности.

- Маскулинные участники исследования характеризуются достоверно более высоким (оптимальным) уровнем страстности, интегральной готовностью к переменам, чаще остальных используют активные проблемно-ориентированные стратегии. Несмотря на большую, чем у остальных, склонность оценивать ситуацию неопределенности как угрожающую и низкую «феминную» веру в благоприятный ее исход, маскулинные имеют тенденцию к различиям с ними в избегании, чаще отвлекаются от проблемы, реже выражают свои эмоции и меньше стремятся контролировать отношения с руководством.

- Андрогинные характеризуются достоверно большей, нежели маскулинные, оптимистичностью, имеют более низкую, чем у маскулинных, и более высокую, чем у феминных, готовность к переменам. Хотя андрогинные достоверно не

Таблица

**Различия по уровню выраженности отдельных компонентов переживания
неопределенности профессионального статуса в период взрослости
у испытуемых с разным типом гендерной идентичности**

№	Параметр	Сравниваемые группы		
		М/А	А/Ф	М/Ф
1	Страстность	0,011***	0,443	0,007**
2	Оптимизм	0,046***	0,067****	0,335
3	Общий PCRS	0,0350***	0,020***	0,000*
4	ИТН	0,019***	0,953	0,025***
5	МИТН	0,104	0,158	0,025***
6	Решение задачи	0,001*	0,875	0,049***
7	Эмоции	0,104	0,009**	0,003**
8	Избегание	0,920	0,002**	0,062****
9	Отвлечение	0,199	0,022***	0,004**

Примечание: М – маскулинные, Ф – феминные, А – андрогинные; «*» – $p < 0,001$, «**» – $p < 0,01$, «***» – $p < 0,05$, «****» – $p < 0,1$.

различаются с феминными в их низкой страстности, оценке угрозы неопределенной ситуации и проблемно-ориентированной активности, на уровне тенденции они обнаруживают различия в оптимизме, достоверно чаще феминных избегают проблемы, а их реакции во многом тождественны маскулинным: частое отвлечение от проблемы, сдержанность в эмоциях и низкое стремление к контролю отношений с руководством.

- Феминные характеризуются достоверно более низким уровнем страстности, интегральной готовности к переменам и, хотя они менее склонны оценивать неопределенную ситуацию как угрозу, реже отвлекаются от нее, интенсивнее выражают вызванные ею эмоции и больше стремятся контролировать отношения с руководством. Различаясь с андрогин-

ными на уровне тенденции в оптимизме, феминные достоверно реже прибегают к избеганию, на уровне тенденций различаются в частоте использования данной стратегии с маскулинными.

Отдельные компоненты переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости взаимосвязаны, а конфигурация этих связей различается у испытуемых с различными гендерными характеристиками, что позволяет выявить ряд гендерных особенностей переживания неопределенности профессионального статуса на данном этапе онтогенеза.

- Маскулинных ситуация неопределенности профессионального статуса делает более энергичными и уверенными в своих силах, активизирует способность искать такие выходы из сложившейся

ситуации, которые позволят не менять их планы. Маскулинные при этом настолько сфокусированы на этих поисках, что не могут ни отвлечься от проблемы, ни ослабить контроль над ситуацией. Их главная задача — найти способ сохранить привычное жизненное пространство, пусть даже ценой гендерно-ролевого конфликта. Этот факт свидетельствует об их высокой ригидности и согласуется со стереотипом маскулинности.

- Для андрогинных ситуация неопределенности предстает демобилизующей, снижающей способность к поиску новых выходов и сохранению спокойствия при отсутствии ясных ответов, тягу к новому и стремление к контролю отношений с руководством — внимание сфокусировано на конкретных последствиях организационных изменений, касающихся их лично, однако они не жестко фиксированы на проблеме, отвлекаются от нее, что, наряду с эмоциональными «всплесками», позволяет им избежать чрезмерного психического напряжения.

- Для феминных неопределенность профессионального статуса предстает ситуацией, от которой они предпочитают «отделиться» или уйти в эмоции и использовать их в качестве ресурса для снижения неопределенности в отношениях с руководством, является демобилизующим, сокращающим надежды на будущее фактором в силу определяющего значения категорий отношений и близости для стереотипа феминности.

Установленные корреляционные связи позволяют говорить о том, что с изменением гендерной идентичности в направлении гендерного равенства наблюдается инволюция гендерно типичных корреляционных связей отношения к неопределенности с интегральной готовностью к переменам и/или отдель-

ными ее компонентами и совладающим поведением (распад и/или изменение направления) и формирование новых, ранее не установленных у гендерно адекватных испытуемых.

Примечательно, что ни в одной группе отношение к неопределенности и связанная с ним угроза вследствие вариативности интерпретативного поля не коррелирует с проблемно-ориентированной активностью, что позволяет сделать вывод о том, что данные стратегии не находятся в прямой зависимости от типа гендерной идентичности в период взрослости. Это может объясняться тем, что дополнительная информация может увеличить уверенность в неопределенной ситуации или же, напротив, вызвать дополнительное беспокойство. Такое поведение, вероятно, свойственно тревожным личностям, которые, с одной стороны, прибегают к активным стратегиям, с другой, — сторонятся их результатов.

Анализ корреляционных связей компонентов переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости в общей выборке и группах, объединенных по типам гендерной идентичности, показал, что ни одна из гендерных групп не имеет корреляционной матрицы, идентичной корреляционной матрице общей выборки.

Данное обстоятельство препятствует взаимопроекции результатов, полученных на дифференцированной и не дифференцированной по типам гендерной идентичности выборках. Общая выборка по своей структуре корреляционных связей компонентов переживания наибольшее сходство имеет с группой участников исследования, характеризующихся андрогинностью. Результат, полученный на отдельно взятой выборке,

по нашему мнению, отражает нынешнюю социокультурную ситуацию в обществе, поскольку увеличивается количество социальных контекстов, в которых наблюдается сглаживание дихотомии мужского/женского, несмотря на стереотип полосоциальных отношений.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило получить подтверждение выдвинутых частных гипотез и гипотезы-следствия, а, следовательно, основной гипотезы о существовании гендерных различий в переживании неопределенности профессионального статуса в период зрелости.

Заключение

Полученные данные способствуют более глубокому пониманию структуры жизненного пути современного человека и его переживаний в новых (неопределенных) социальных контекстах, в частности в ситуации неопределенности профессионального статуса в период зрелости в гендерном аспекте.

Полученные эмпирические данные могут служить ориентиром при объяснении переживания людей в других трудных (критических) ситуациях; использоваться как прогностические при оценке потребности человека в психологической поддержке, консультировании, психотерапевтической интервенции, а также при управлении персоналом в условиях организационных изменений.

Вместе с тем, проблема гендерных особенностей переживания неопределенности профессионального статуса в период зрелости изучена нами не в полном объеме, в частности, перспективным представляется феноменологический подход к указанной проблематике. Кроме того, цитируя слова Б.Г. Ананьева, который утверждал, что «личность — современница эпохи», становится очевидно, что проблема гендерных особенностей переживания неопределенности профессионального статуса останется перспективной как на разных этапах жизненного пути отдельного человека, так и в разные исторические периоды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138.
2. Алёхин А.Н., Дубинина Е.А., Пульцина К.И. Переживание как психологический аспект адаптации человека в непривычных условиях жизнедеятельности [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2014. № 5(28). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2014_5_28/nomer/pomer03.php (дата обращения: 17.05.2016).
3. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Бендюков М.А. Эмоциональное переживание кризиса занятости // Вестник СПбГУ. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2006. № 2. С. 88–99.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. 200 с.
6. Гришина Н.В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал.

2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html> (дата обращения: 17.05.2016).
7. Дёмин А.Н. Психологическое измерение ненадежности работы // Человек. Общество. Управление. 2008. № 1. С. 71–76.
8. Дикая Л.Г. Актуальные проблемы и перспективы исследований в психологии труда в условиях глобализации // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 29–44.
9. Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2011. 224 с.
10. Клёцина И.С. Психология гендерных отношений. Теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
11. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 3(11). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n311/320kornilova11.html> (дата обращения: 17.05.2016).
12. Леонова А.Б., Мотовилина Р.А. Профессиональный стресс в процессе организационных изменений // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 79–92.
13. Психология личности в трудах отечественных психологов: хрестоматия / Ред. Л.В. Ковалев. 2-е изд., испр. и доп.. СПб.: Питер, 2009. 464 с.
14. Никулина О. Проблема кризиса труда в условиях трансформации экономических отношений [Электронный ресурс] // Кадровая политика, корпоративная культура. 2007. URL: <http://hr-portal.ru/article/problema-krizisa-truda-v-usloviyah-transformacii-ekonomicheskikh-otnosheniy> (дата обращения: 17.05.2016).
15. Петрова И.А., Дёмин А.Н. Особенности восприятия работниками изменений на предприятии // Управление персоналом. 2008. № 23. С. 54–56.
16. Сапогова Е.Е. Современная зрелость: трансформация или кризис? // Горизонты зрелости: Материалы V Международной конференции по психологии развития. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 54–59.
17. Человек в ситуации неопределенности // Сборник материалов научно-практической конференции / Под общей ред. А.К.Болотовой. М.: ТЕИС, 2007. 232 с.
18. Шишлова Е.Э. Трансформация гендерной идентичности: социально-психологический аспект // Вестник МГИМО. 2012. № 1. С. 204–210.

Gender-specific experiences of uncertainty of professional status in the period of maturity

E. V. KOLTACHUK*,
Moscow, Russia, mesvamy@list.ru

I. V. VACHKOV**,
Moscow, Russia, igorvachkov@mail.ru

The article represents socio-psychological analysis of gender-specific experiences of uncertainty of professional status in the period of maturity. The authors describe the results of qualitative and quantitative data analysis of 112 people aged 33–39 years old, employed on full time and staying in a situation of threat of job loss or change of important parameters of their employment. On the basis of obtained results the authors make the conclusion about the existence of gender differences in the experiences of uncertainty of professional status in the period of maturity, which become apparent in the decreasing trends of the individual components of the experience of uncertainty from sample to sample, in the differences in the level of expression of these components, as well as in the differences in the configuration of the correlation relationship with different types of gender identity at this stage of ontogenesis. The article indicates the ordered impact of gender identity on the experience of professional status uncertainty in adult life, which is evident in a non-random trend of decreasing symptoms from sample to sample: passion, integral readiness for change and distraction decrease from masculine to feminine; from feminine to masculine – emotions and MITN decrease; from androgynous to feminine – avoidance decreases; from masculine to androgynous – frequency of problem-focused coping decreases.

Keywords: *uncertainty, occupational status, gender identity, masculinity, androgyny, femininity, gender differences, maturity.*

REFERENCES

1. Aierman R. Sotsial'naya teoriya i travma [Social theory and trauma]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*. 2013. Vol. 12, no. 1, pp. 121–138.

For citation:

Koltachuk E.V., Vachkov I.V. Gender-specific experiences of uncertainty of professional status in the period of maturity. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 47–59. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070304

* *Koltachuk Elena V.* – Graduate Student of the Department of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Consultative and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, mesvamy@list.ru

** *Vachkov Igor V.* – Doctor in Psychology, Professor, Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Moscow, Russia, igorvachkov@mail.ru

2. Alekhin A.N., Dubinina E.A., Pul'tsina K.I. Perezhivanie kak psikhologicheskii aspekt adaptatsii cheloveka v neprivychnykh usloviyakh zhiznedeyatel'nosti [Elektronnyi resurs] [Experience as a psychological aspect of human adaptation to unusual conditions of life]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektronnyi nauchnyi Zhurnal* [Medical psychology in Russia: the electronic scientific Journal], 2014, no. 5(28). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2014_5_28/nomer/nomer03.php (Accessed 17.05.2016).
3. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity]. St. Petersburg: Publ. Piter, 2008. 240 p.
4. Bendyukov M.A. Emotsional'noe perezhivanie krizisa zanyatosti [The emotional experience of the employment crisis]. *Vestnik SPbGU. Seriya 6: Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*, 2006, no. 2, pp. 88–99.
5. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii [Psychology of experiences. Analysis of overcoming critical situations]. Moscow: Publ. Moscow University, 1984. 200 p.
6. Grishina N.V. Izmeneniya zhiznennositatsii: situatsionnyi podkhod [Elektronnyi resurs] [Changes in life situation: the situational approach]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2013. Vol. 6, no. 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html> (Accessed 17.03.2015).
7. Demin A.N. Psikhologicheskoe izmerenie nenadezhnosti raboti [Psychological measurement unreliability work] // *Chelovek. Soobtshestvo. Upravlenie* [Human. Community. Control]. 2008, no. 1, pp. 71–76.
8. Dikaya L.G. Aktual'nyeproblemyiperspektivyissledovaniia v psikhologiiitruuda v usloviyakhglobalizatsii [Actual problems and prospects of research in the psychology of labor in the context of globalization] // *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 2007, no. 3, pp. 29–44.
9. Il'in E.P. Rabota i lichnost'. Trudogolizm, perfektsionizm, len' [Work and personality. Workaholism, perfectionism, laziness]. St. Petersburg: Publ. Piter, 2011, 224 p.
10. Kletsina I. S. Psikhologiya gendernykh otnoshenii. Teoriya i praktika [Psychology of gender relations. Theory and practice]. St. Petersburg: Publ. Aleteiya, 2004, 408 p.
11. Kornilova T.V. Printsip neopredelennosti v psikhologii: osnovaniyai problem [Elektronnyi resurs] [The uncertainty principle in psychology: foundations and problems] // *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Psychological researches: electronic scientific journal], 2010. no. 3(11). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n311/320kornilova11.html> (Accessed 17.05.2016).
12. Leonova A.B., Motovilina R.A. Professional'nyi stress v protsesse organizatsionnykh izmenenii [Occupational stress in the organizational change process]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2006. Vol. 27, no. 2, pp. 79–92.
13. Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov [Personality psychology in works of Russian psychologists]. Khrestomatiya. In Kovalev L.V. 2 publ. ispravlenoe i dopolnennoe. St. Petersburg: Publ. Piter, 2009. 464 p.
14. Nikulina O. Problema krizisa truda v usloviyakh transformatsii ekonomicheskikh otnoshenii [Elektronnyi resurs]. [The problem of the crisis of labour in the conditions of transformation of economic relations] // *Kadrovaya politika, korporativnaya kul'tura* [

2007. URL: <http://hr-portal.ru/article/problema-krizisa-truda-v-usloviyah-transformatsii-ekonomicheskikh-otnosheniy> (Accessed 17.05.2016).
15. Petrova I.A., Demin A.N. Osobennosti vospriyatiya rabotnikami izmenenii na predpriyatii [Peculiarities of perception of the employees of the changes in the company] // *Upravlenie personalom [Personnel Management]*. 2008, no. 23, pp. 54–56.
16. Sapogova E.E. Sovremennaya vzroslost': transformatsiya ili krizis? [Contemporary adulthood: transformation or crisis?] *Gorizonty zrelosti [The maturity horizons]*. Materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii po psikhologii razvitiya [Materials of V International conference on development psychology]. Moscow: Publ. GBOU VPO MGPPU, 2015, pp. 54–59.
17. Chelovek v situatsii neopredelennosti [People in a situation of uncertainty]. In Bolotova A.K. (eds.). *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow: Publ. "TEIS", 2007, 232 p.
18. Shishlova E.E. Transformatsiya gendernoi identichnosti: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [Transformation of gender identity: social-psychological aspect]. *Vestnik MGI-MO*, 2012, no. 1, pp. 204–210.

Соотношение групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности работников в производственных группах

А.В. СИДОРЕНКОВ*,
Ростов-на-Дону, Россия, sav@micro-cosm.ru

В.А. ДОРОФЕЕВ**,
Ростов-на-Дону, Россия, ya.fagot2011@yandex.ru

Представлены результаты анализа связей между разными уровнями идентичности работников (групповой, микрогрупповой и межличностной) по трем компонентам (когнитивному, аффективному и поведенческому) в 37 производственных группах разного профиля деятельности. Установлена значимая линейная связь между микрогрупповой и межличностной идентичностью (по всем компонентам), высокая линейная связь между групповой и микрогрупповой идентичностью (только по аффективному компоненту) и отсутствие связи между компонентами групповой и межличностной идентичности. В совокупности взаимовлияний групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности выявлено более высокое влияние групповой идентичности на микрогрупповую (по всем компонентам) и межличностную (по когнитивному и поведенческому компонентам). Обнаружена нелинейная связь между групповой и микрогрупповой идентичностью по всем компонентам. Она выражается в том, что повышение выраженности того или иного компонента групповой идентичности сопровождается снижением проявления соответствующего компонента микрогрупповой идентичности. Это происходит до определенного момента, после которого дальнейшее усиление компонентов групповой идентичности приводит, наоборот, к повышению выраженности компонентов микрогрупповой идентичности. Проинтерпретированы установленные закономерности.

Для цитаты:

Сидоренков А.В., Дорофеев В.А. Соотношение групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности работников в производственных группах // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 60–75. doi:10.17759/sps.2016070305

* Сидоренков Андрей Владимирович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии управления и юридической психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, sav@micro-cosm.ru

** Дорофеев Вадим Алексеевич — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии управления и юридической психологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ya.fagot2011@yandex.ru

Ключевые слова: групповая идентичность, микрогрупповая идентичность, межличностная идентичность, компоненты идентичности, идентификация.

В психологии сформировались два направления исследования идентификации и идентичности в контексте малой группы. Первое фокусируется на межличностной [3; 4], а второе — на групповой идентификации/идентичности [14; 18]. Межличностная идентификация играет важную роль в социальной перцепции и коммуникации, является одним из механизмов межличностного влияния во внутригрупповом общении, способствует поддержанию стабильных межличностных отношений и др. Групповая идентичность обуславливает социальное восприятие, межгрупповые и межличностные отношения, индивидуальное и групповое поведение, в том числе в организационном контексте. Когда работники идентифицируют себя с группой и имеют общие цели, отличные от целей других групп, они прикладывают больше усилий к достижению этих целей [19], лучше выполняют организационные обязательства и демонстрируют организационное гражданское поведение [15], более удовлетворены своей работой [16].

В литературе оперируют двумя терминами: «идентификация» и «идентичность», которые часто рассматривают в неразрывном единстве как процесс и результат, процесс и состояние, причину и следствие. Если придерживаться этой логики, то идентификация — это процесс единения и отождествления субъекта с некоторым объектом, а идентичность — это некоторый этап идентификации, предполагающий ощущение и переживание субъектом принадлежности к другому, воспроизведение некоторых характеристик другого. Несмотря на определенные отличия, и идентификация, и

идентичность представляют собой связь индивида с другим субъектом.

Групповая идентификация/идентичность является сложным феноменом. В частности, некоторые исследователи считают, что в его структуре есть несколько компонентов. Например, С. Хайнкель с коллегами указали на три компонента групповой идентификации: аффективный, когнитивный и взаимосвязь между групповыми и индивидуальными интересами [13], а К.Б. Генри и др. выделили когнитивный, аффективный и поведенческий аспекты в групповой идентификации [12]. Обобщение исследования межличностной и групповой идентификации позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, межличностная идентификация чаще рассматривается в диадическом взаимодействии, реже — в групповом контексте и крайне редко — в контексте социально-психологической структуры группы, т. е. внутри неформальных подгрупп, между представителями разных подгрупп и т. д. Исследование учебных и производственных групп показало, что межличностная идентичность значительно сильнее проявляется внутри неформальных подгрупп, чем в группе в целом, т. е. между членами разных подгрупп, между не включенными в подгруппы членами и т. д. [6; 9].

Во-вторых, существуют единичные исследования, направленные на изучение микрогрупповой идентичности, т. е. идентификации членов с какими-то неформальными подгруппами в группе [6]. Вместе с тем, подгруппы как коллективные субъекты возникают в разных группах, а микрогрупповая идентичность

сильнее выражена и играет не менее важную роль во внутригрупповых процессах, чем межличностная и групповая идентичность.

В-третьих, в настоящее время признается наличие у индивидов широкого спектра идентичностей, важность изучения их сочетания и связей [10]. Однако в сфере производства внимание ограничивается, в частности, исследованием согласованности между такими уровнями идентичности, как организационная и групповая [2; 11]. Фактически отсутствует комплексный подход к изучению идентичности работников в группе членства, который предполагает изучение как меры выраженности групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности, так и характера связей между ними. С этой точки зрения, важной является проблема линейности/нелинейности функциональных связей между этими уровнями идентичности.

В качестве концептуальной платформы была использована многомерная модель проявления идентичности индивидов в малой группе, которая включает два измерения: уровни и компоненты идентичности [5; 6]. К уровням идентичности, в зависимости от её объекта (индивид, подгруппа, группа), относятся: 1) межличностная идентичность (как результат идентификации индивида с другим(и) членом(ами) группы); 2) микрогрупповая идентичность (как результат идентификации индивида с какой-то неформальной подгруппой в группе); 3) групповая идентичность (как результат идентификации индивида со своей группой). Эти уровни составляют некоторую условную иерархию, с точки зрения восприятия индивидом степени обоб-

щенности объекта идентичности, что отражается на особенностях связей между ними. Каждый уровень включает три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий. Первый представляет собой ощущение индивидом своей сопричастности некоторому субъекту (индивиду, подгруппе, группе) и интегративной связи с ним, восприятие себя и других в соответствии с характеристиками этого субъекта. Второй заключается в переживании индивидом связи с другим субъектом, своего соответствия ему и событий, происходящих с ним, а также в оценке позитивности этой связи. Третий выражается в относительно устойчивом воспроизведении индивидом в своих действиях и поступках значимых характеристик другого субъекта, а также в его поведении в соответствии с ожиданиями этого другого.

Эмпирическое исследование

Цель исследования: изучить связи между групповой, микрогрупповой и межличностной идентичностью (с учетом трех компонентов) работников в производственных группах.

Гипотезы исследования:

1. Наиболее высокая детерминация по всем компонентам существует в связях между межличностной и микрогрупповой идентичностью, между микрогрупповой и групповой идентичностью.

2. Между разными уровнями идентичности работников существует различная связь, а именно: между микрогрупповой и межличностной идентичностью эта связь, более вероятно, является линейной, а между групповой и микрогрупповой идентичностью — нелинейной.

3. Параметры нелинейной связи между групповой и микрогрупповой идентичностью обусловлены компонентами этих уровней идентичности.

Выборка. В исследовании приняли участие 331 работник из 37 производственных групп. Это государственное учреждение, банк, автомобильный салон, агентство недвижимости, рекламная фирма, промышленное предприятие и др. Численный состав групп варьировался от 6 до 17 человек. Большинство групп состояло из 8-11 человек. Все группы имели историю и существовали не менее двух лет. Группы различались по возрастной и половой композиции. Возраст участников попал в диапазон от 18 до 59 лет. Были исследованы группы, состоящие только из женщин, только из мужчин, и группы с разным процентным соотношением мужчин и женщин. В целом по выборке 52.8% женщин и 47.2% мужчин.

Методический инструментарий. Для выделения в группе неформальных подгрупп и не включенных в них членов использовался формализованный алгоритм, в котором сочетается социометрический опрос членов группы по неспецифическому критерию со специальной математической процедурой «распознавания образа» [1].

Опросник межличностной идентичности в группе и подгруппах включает три субшкалы и позволяет изучать три компонента межличностной идентичности индивидов в группе и подгруппе: когнитивный, аффективный и поведенческий [8]. Он содержит 12 пунктов в виде утверждений с обратной формулировкой по четыре в каждой субшкале (например, «Я не переживаю, когда мое мнение расходится с мнением других», «Меня мало что связывает с другими членами группы»). В нем используется

7-балльная шкала Лайкерта. Опросник состоит из двух частей: «Среди тех, с кем поддерживаю тесные отношения» и «В группе в целом». Первая часть предназначена для изучения межличностной идентичности внутри подгрупп, а вторая — в группе в целом.

Опросник групповой и микрогрупповой идентичности также включает три субшкалы для измерения трех компонентов каждого из двух соответствующих уровней проявления идентичности индивидов [7]. Стимульный материал содержит 12 пунктов, которые имеют обратную формулировку (например, «Я не ощущаю себя частью целого», «Меня не волнуют общие успехи или неудачи»). Каждая шкала представлена четырьмя пунктами. Для измерения, как и в предыдущем опроснике, применялась семибалльная шкала типа шкалы Лайкерта. Опросник состоит из двух частей: «Общность тех, с кем поддерживаю тесные отношения» и «Группа в целом». Первая предназначена для изучения микрогрупповой, а вторая — групповой идентичности.

Процедура. Оба опросника включены в компьютерную технологию «Групповой профиль — Универсал (ГП-У)» и интегрированы с формализованным методом определения неформальных подгрупп и не включенных в них членов [17].

Исследование проводилось на компьютере посредством ГП-У, что позволило обеспечить постоянство условий исследования за счет неизменности реализуемой программы, автоматически контролировать работу испытуемых (в том числе, блокировать обследование в случае пропуска заданий или явного искажения ответов), обрабатывать результаты и др. Благодаря этому была обеспечена высокая достоверность ре-

зультатов по сравнению с «бланковой» формой исследования.

Методы статистического и математического анализа. Были использованы следующие методы: линейная корреляция, нелинейная детерминация, линейная и нелинейная регрессия, параметрический t-критерий Стьюдента, однофакторный ANOVA. Для нахождения параметров регрессионной модели использовался метод взвешенных наименьших квадратов. Для выбора вида функциональной связи и параметров регрессионной модели применялся тест различий R-квадратов аппроксимации кривой [curve fitting with R-squared difference tests] (SPSS 17.0 модуль «Подгонка кривой»).

Результаты

Неформальные подгруппы в группе. Неформальные подгруппы имели место во всех обследованных группах. Причем количество подгрупп в группах варьируется от двух до четырех (за исключением двух групп, в которых по одной подгруппе). Больше всего в группах было диад (51,3% подгрупп), достаточно часто встречались триады (28,9%) и реже всего возникали подгруппы из четырех (12,4%) и пяти (7,4%) человек. Эти результаты свидетельствуют о том, что надо исследовать не только межличностную и групповую идентичность, но и микрогрупповую идентичность, изучать связи между всеми тремя уровнями проявления идентичности работников в производственных группах.

Для повышения «чистоты» исследования мы рассматривали только средние результаты трех уровней идентичности, полученные среди членов неформальных

подгрупп. Это обусловлено тем, что микрогрупповая идентичность более ярко проявляется у членов неформальных подгрупп и в меньшей степени — у членов, не включенных в подгруппы.

Статистическая оценка взаимодействия переменных. Когда переменные находятся в сложных связях, как в нашем случае, то важной задачей в построении регрессионной модели становится определение зависимой и независимых переменных в модели. (Используемые в статье термины «зависимая переменная» и «независимая переменная» отражают лишь математическую зависимость, а не реальные причинно-следственные отношения). Один из вариантов решения этой задачи связан со сравнением объясненной дисперсии, детерминированной переменной-фактором при попарном сравнении этих переменных (определяется значением коэффициента детерминации). Для определения влияния переменной-фактора необходимо наличие условных средних. В нашем случае они вычислялись при шаге в один балл (размерность тестовых показателей опросников) той переменной, которая при попарном сравнении рассматривалась в качестве независимой. Для нахождения SS_{wg} и SS_{total} был использован однофакторный ANOVA. Результаты представлены в табл. 1.

Попарная детерминация между компонентами групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности оказалась неоднозначной по выраженности и соотношению значений коэффициента. Между групповой и микрогрупповой идентичностью установлена определенная детерминация; а именно: более высокая детерминация всеми компонентами групповой идентичности компонентов микрогрупповой идентичности (для ког-

нитивного — $\eta^2 = 0,53$, аффективного — $\eta^2 = 0,42$ и поведенческого — $\eta^2 = 0,54$), нежели, наоборот (для когнитивного — $\eta^2 = 0,31$, аффективного — $\eta^2 = 0,33$ и поведенческого — $\eta^2 = 0,27$). В свою очередь, между компонентами микрогрупповой и межличностной идентичности, между групповой и межличностной идентичности не обнаружено преобладание в детерминации того или иного уровня. Эти результаты частично подтвердили первую гипотезу.

Оценка «линейности — нелинейности» функциональной связи между переменными. Обнаруженная статистически достоверная линейная корреляция ($p < 0,01$) между микрогрупповой и межличностной идентичностью по всем трем компонентам свидетельствует о линейной функциональной зависимости между ними (табл. 1). Низкая линейная корреляция и низкое значение коэффициента детерминации между групповой

и межличностной идентичностью по всем трем компонентам показывает, что их связь в значительной степени опосредована неизвестными переменными. Низкая линейная корреляция в сочетании с высоким значением коэффициента детерминации между групповой и микрогрупповой идентичностью по всем трем компонентам может быть признаком того, что функциональная связь между ними существует, а ее вид является нелинейным.

Для статистической оценки «линейности / нелинейности» связи (через сравнение η^2 и r^2) был использован параметрический *t*-критерий Стьюдента. Расчет показал, что η^2 статистически достоверно превосходит r^2 по когнитивному и поведенческому компонентам ($p < 0,05$), а по аффективному компоненту это превосходство менее значимо ($p < 0,08$). Это явилось основанием для поиска вида функциональной связи, наи-

Таблица 1
Попарные коэффициенты детерминации и коэффициенты корреляции между компонентами групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности

Компоненты уровней идентичности					
Когнитивный		Аффективный		Поведенческий	
Коэффициенты попарной детерминации	Корреляция	Коэффициенты попарной детерминации	Корреляция	Коэффициенты попарной детерминации	Корреляция
МГ→Г = 0,31 Г→МГ = 0,53	0,06	МГ→Г = 0,33 Г→МГ = 0,42	0,35	МГ→Г = 0,27 Г→МГ = 0,54	0,21
М→Г = 0,21 Г→М = 0,36	-0,06	М→Г = 0,41 Г→М = 0,26	-0,19	М→Г = 0,22 Г→М = 0,29	0,12
М→МГ = 0,57 МГ→М = 0,61	0,71**	М→МГ = 0,66 МГ→М = 0,58	0,48**	М→МГ = 0,51 МГ→М = 0,58	0,83**

Примечание: 1) стрелка (→) показывает направление детерминации; 2) Г — групповая идентичность, МГ — микрогрупповая идентичность, М — межличностная идентичность: «**» — $p < 0,01$.

более адекватно отражающей имеющуюся каузальность между компонентами групповой (независимая переменная) и микрогрупповой идентичности (зависимая переменная). Такая задача решалась двумя способами — графическим и посредством теста различий R-квадратов аппроксимации кривой. Графическое решение представлено на рис. 1.

Было установлено (табл. 2), что между групповой и микрогрупповой идентичностью квадратичная функциональная связь (для когнитивного ком-

понента — $p < 0,001$, аффективного — $p < 0,001$ и поведенческого — $p < 0,001$) более адекватно отражает эмпирические результаты по сравнению с линейной (для когнитивного компонента $p < 0,56$, аффективного — $p < 0,14$ и поведенческого $p < 0,94$). Таким образом, подтвердилась вторая гипотеза.

Определение параметров регрессионной модели. Для решения этой задачи нами был использован метод наименьших квадратов. Чтобы повысить достоверность результатов, мы использовали

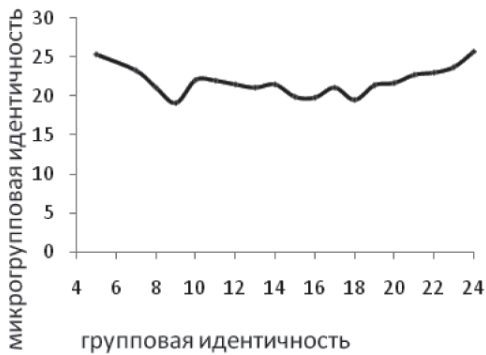

Рис. 1а. Когнитивный компонент

Рис. 1б. Аффективный компонент

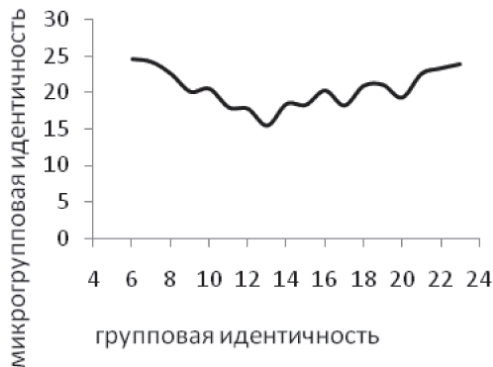

Рис. 1в. Поведенческий компонент

Рис. 1. Эмпирические кривые условных средних компонентов микрогрупповой идентичности (зависимая переменная) при шаге в 1 балл компонентов групповой идентичности (независимая переменная)

Таблица 2

Результаты тестирования линейной и квадратичной функциональной связи между компонентами групповой идентичности (независимая переменная) и микрогрупповой идентичности (зависимая переменная)

Уравнение	Сводка для модели					Оценки параметра		
	R-квадрат	F	Число степеней свободы для факторной СКО	Число степеней свободы для остаточной СКО	Уровень значимости	Константа	b1	b2
Когнитивный компонент								
Линейный	0,020	0,353	1	17	0,560	21,208	0,045	
Квадратичный	0,702	18,849	2	16	0,000	34,544	-1,905	0,062
Аффективный компонент								
Линейный	0,116	2,365	1	17	0,141	19,730	0,140	
Квадратичный	0,714	21,236	2	16	0,000	37,434	-2,680	0,093
Поведенческий компонент								
Линейный	0,000	0,004	1	17	0,948	20,439	0,008	
Квадратичный	0,785	27,406	2	16	0,000	30,709	-1,451	0,051

Примечание: 1) факторная СКО (сумма квадратов отклонений) показывает общую дисперсию зависимой переменной, обусловленную независимой переменной; 2) остаточная СКО (сумма квадратов отклонений) показывает общую дисперсию зависимой переменной, обусловленную случайными переменными.

модуль «Подгонка кривой» и «ручной» метод через решение системы нормальных уравнений для параболы 2-го порядка. Отметим, что значения параметров квадратичной модели, полученные двумя способами, различались только на сотые доли.

Были получены следующие уравнения квадратичной функциональной зависимости, отражающие изменение среднего значения компонентов микрогрупповой идентичности при изменении компонентов группой идентичности:

$\hat{y} = 0,05x^2 - 1,86x + 32,78$ (для когнитивного компонента), $\hat{y} = 0,08x^2 - 2,42x + 34,22$ (для аффективного компонента) и $\hat{y} = 0,04x^2 - 1,34x + 28,6$ (для поведенческого компонента). Положительное значение параметра при старшей степени (x^2) показывает, что во всех трех моделях на уровне усредненных значений зависимой переменной (микрогрупповая идентичность) обнаруживается одна и та же тенденция (рис. 1). А именно: при повышении выраженности того или иного компонента групповой идентичности

(независимая переменная) происходит снижение выраженности соответствующего компонента микрогрупповой идентичности (зависимая переменная). Это происходит до определенной точки, после которой дальнейшее усиление выраженности компонентов групповой идентичности сопровождается, наоборот, повышением выраженности компонентов микрогрупповой идентичности. Расчет вершин парабол для каждого компонента групповой идентичности показал следующие значения: для когнитивного компонента – 18,6, аффективного – 15,1 и поведенческого – 16,7. Эти разные значения указывают, что переход от одной тенденции к другой наступает раньше по аффективному компоненту и позже – по когнитивному. Следовательно, третья гипотеза подтвердилась.

Обсуждение

1. Групповая идентичность по всем компонентам обладает более высокой детерминирующей силой относительно микрогрупповой идентичности, чем наоборот. Возможно, это связано с той ролью, которую играют эти уровни идентичности в жизнедеятельности, соответственно, группы и подгруппы. Так, групповая идентичность индивидов способствует единству всей производственной группы, стабильному ее функционированию и более успешному достижению ее целевой функции. Микрогрупповая идентичность содействует, прежде всего, поддержанию связи членов со своей подгруппой и ее целостности внутри группы. Можно предположить, что если для работников более значимой является успешность той или иной стороны жизни группы

в целом (особенно профессиональной деятельности), чем неформальной подгруппы, то для них более актуальной будет групповая, чем микрогрупповая идентичность.

Вместе с тем, могут быть другие комбинации в детерминации уровней идентичности. Например, в связи между групповой и межличностной идентичностью первый уровень обладает большей детерминирующей силой, чем второй (по когнитивному компоненту), и, наоборот, второй уровень идентичности сильнее детерминирует первый (по аффективному компоненту). Это свидетельствует о сложной картине в причинно-следственных связях между уровнями идентичности в группе.

2. Между микрогрупповой и межличностной идентичностью существует высокая линейная связь. Однако уровень влияния друг на друга, выраженный через процент объясненной дисперсии, разный. Межличностная идентичность сильнее влияет на микрогрупповую идентичность. Чтобы понять эту связь, надо описать процессы, лежащие в основе образования неформальных подгрупп в группе. Их возникновение основано на сходстве людей по каким-то значимым для них характеристикам, возможности более полно реализовать актуальные персональные цели и социальные потребности, чем в контексте всей группы.

С начала образования группы и в течение ее жизни члены делают множественные межличностные сравнения по сходству и отличию, т. е. они сравнивают себя с другими членами и других членов между собой по совокупности признаков, доступных восприятию. Контрастное межличностное сравнение позволяет более четко категоризовать себя и других членов группы. Опре-

деленное сходство с другими и их значимость обуславливают проявление межличностной идентификации, которая усиливает процессы объединения людей в подгруппы. По мере формирования подгрупп начинают протекать процессы сравнения подгрупп между собой и категоризация выделяющихся подгрупп внутри группы. Эти процессы способствуют формированию дифференцированного восприятия подгрупп и отношений между ними. Наряду с этим развивается микрогрупповая идентичность. В свою очередь, усиливающаяся микрогрупповая идентичность может оказывать обратное влияние на усиление межличностной идентичности.

3. Между групповой и микрогрупповой идентичностью преобладает нелинейная связь. Ее особенность заключается в том, что повышение групповой идентичности сопровождается снижением микрогрупповой идентичности. Это происходит до вершины параболы. В точке перегиба тенденция меняется: дальнейшее усиление групповой идентичности сопровождается, наоборот, повышением микрогрупповой идентичности. Эту общую тенденцию можно объяснить следующим образом. Категоризация себя как члена группы блокирует восприятие себя как члена подгруппы. Во многих ситуациях, имеющих групповой контекст, люди мыслят, переживают и действуют в соответствии с характеристиками группы (групповая идентичность), а не с позиции своей неформальной подгруппы. Можно сказать, что в психологическом, а не математическом плане здесь имеет место некоторое взаимоисключение групповой и микрогрупповой идентичности. Вместе с тем, эта особенность не является универсальной. Т. е., усиление групповой идентичности

достигает определенной точки, когда начинает, наоборот, возрастать микрогрупповая идентичность. Это обусловлено тем, что в определенный момент времени члены начинают понимать, осознанно или неосознанно, что дальнейшее ослабление идентичности со своей подгруппой (при одновременном усилении идентичности с группой) может привести к разрушению связи с ней, а значит, к потере членства в ней, к ее частичному или полному распаду. В результате у индивидов начинает усиливаться микрогрупповая идентичность как проявление защитной реакции. Следовательно, актуальной может быть не только одна, но одновременно несколько идентичностей, т. е. идентичностей с разными коллективными субъектами. В данном случае можно с некоторой осторожностью предполагать о комплементарности между групповой и микрогрупповой идентичностью с точки зрения их актуальности для членов группы.

Переход от одной тенденции к другой раньше всего наблюдается по аффективному, а позже — по когнитивному компоненту, о чем свидетельствуют значения вершин парабол (точек перегиба кривой). Вероятно, индивиды первоначально начинают неосознанно, на эмоциональном уровне (аффективный компонент) ощущать возникающий дисбаланс между групповой и микрогрупповой идентичностью. Со временем они приходят к пониманию и осмыслению (когнитивный компонент) этого дисбаланса как нежелательного, угрожающего сохранению микрогрупповой идентичности.

Можно предположить, что для эффективного функционирования производственных групп необходимо существование некоего баланса между выраженностью компонентов групповой

и микрогрупповой идентичности. Повышение групповой идентичности на определенном этапе «запускает» социально-психологические механизмы поддержания данного баланса через возрастание выраженности микрогрупповой идентичности.

Выявленные в исследовании особенности связей между уровнями идентичности работников в группе могут быть использованы для прогноза изменения одного уровня в результате изменения другого, для управленческого воздействия на один уровень с целью направленного увеличения или снижения проявления другого.

Заключение

Идентичность индивидов в малой группе является многомерным феноменом, который имеет несколько уровней (групповой, микрогрупповой и межличностный), каждый из которых включает три компонента (когнитивный, аффективный и поведенческий). Уровни идентичности образуют определенную иерархию с точки зрения масштаба объекта (группа, подгруппа, индивид), с которым себя идентифицируют члены. Эти уровни имеют разную меру выраженности. Они также определенным образом связаны между собой. Между примыкающими друг к другу уровнями существует либо сильная (высокие значения корреляции) и полная (по всем трем компонентам) линейная связь, либо слабая и неполная связь. Дополнительно, между групповой и микрогрупповой идентичностью существует нелинейная связь, параметры которой имеют некоторое отличие в зависимости от компонентов идентичности. Имея пред-

ставление о том, как изменяется один уровень идентичности, можно прогнозировать изменение другого уровня и, на основе этого, изменение форм активности членов и группы в целом.

Однако есть несколько вопросов для дальнейшего исследования. Во-первых, мы изучали связь между уровнями идентичности. Вместе с тем, надо отдельно исследовать динамику соотношения этих уровней, например, в зависимости от характера взаимодействия группы / подгруппы с внешним контекстом и степени успешности взаимодействия. Можно предположить, что внешнее, относительно продолжительное и успешное интегративное взаимодействие группы / подгруппы (например, сотрудничество между группами / подгруппами) создает условия для ослабления групповой / микрогрупповой идентичности. Интенсификация дезинтегративного взаимодействия группы с внешней средой (например, межгрупповой конфликт, межгрупповая конкуренция) значительно усилит групповую идентичность и одновременно ослабит микрогрупповую и межличностную. При таком же внешнем взаимодействии подгруппы среди ее членов значительно усилится микрогрупповая и снизится межличностная идентичность. В случае регулярной неуспешности группы в дезинтегративном взаимодействии произойдет снижение групповой и возрастание микрогрупповой идентичности, а в случае неуспешности подгруппы — снижение у ее членов микрогрупповой идентичности и возрастание идентичности с какой-то другой подгруппой или группой в целом.

Во-вторых, наличие нелинейной связи между компонентами групповой и микрогрупповой идентичности можно

рассматривать в качестве одного из «индикаторов» процессов самоорганизации в группе, что может стать одним из направлений дальнейших исследований для построения моделей оптимизации развития производственных групп.

В-третьих, полная картина идентичности работников будет тогда, когда к трем указанным уровням будет добавлены еще два уровня — персональная и организационная идентичность, и изучены связи между пятью уровнями идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбатенко А.С., Горбатенко Т.М. Методика определения структуры малой группы с помощью формализованного анализа межличностных выборов // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 112—118.
2. Климов А.А. Идентификация с организацией и рабочей группой как фактор экстраролевого поведения работника: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.
3. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. О функции и механизме идентификации во внутригрупповом межличностном общении // Психология межличностного познания. / Под ред. А.А. Бодалева М.: Педагогика, 1981. С. 92—122.
4. Петровский А.В., Туревский М.А. Действенная групповая эмоциональная идентификация // Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. С. 74—94.
5. Сидоренков А.В. Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория: монография. Ростов н/Д: ЮФУ, 2010. 272 с.
6. Сидоренков А.В., Тришкина Н.С. Эмпирическое обоснование модели идентичности индивидов в малой группе // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 5. С. 17—29.
7. Сидоренков А.В. Методика изучения групповой и микрогрупповой идентичности // Методики социально-психологического изучения малых групп в организации: монография / Под ред. А.В. Сидоренкова. Ростов н/Д: ЮФУ, 2012. С. 145—157.
8. Сидоренков А.В. Методика изучения межличностной идентичности // Методики социально-психологического изучения малых групп в организации: монография / Под ред. А.В. Сидоренкова. Ростов н/Д: ЮФУ, 2012. С. 133—145.
9. Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И., Ульянова Н.Ю. Социально-психологические характеристики и эффективность малых групп в организации: монография. Ростов н/Д: Мини Тайп, 2014. 245 с.
10. Хухлаев О.Е., Хайт М.А. Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккас и М. Брюер // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 16—26.
11. Dick R. van et al. Interactive effects of work group and organizational identification on job satisfaction and extra-role behavior // Journal of Vocational Behavior. 2008. 72(3). P. 388—399. doi:10.1016/j.jvb.2007.11.009
12. Henry K.B., Arrow H. & Carini B. A tripartite model of group identification: theory and measurement // Small Group Research. 1999. 30(5). P. 558—581. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/104649649903000504>
13. Hinkle S. et al. Intragroup identification and intergroup differentiation: A multicomponent approach // British Journal of Social Psychology. 1989. 28. P. 305—317. doi:10.1111/j.2044-8309.1989.tb00874.x

14. *Jans L., Leach C.W., Garcia R.L. & Postmes T.* The development of group influence on in-group identification: A multilevel approach // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2015. 18(2). P. 190–209. doi: 10.1177/13684302145407
15. *Johnson M.D., Morgeson F.P. & Hekman D.R.* Cognitive and affective identification: Exploring the links between different forms of social identification and personality with work attitudes and behavior // *Journal of Organizational Behavior*. 2012. 33. P. 1142–1167. doi: 10.1002/job.1787
16. *Mael F.A. & Ashforth B.E.* Alumni and their alma mater: A partial test of the reformulated model of organizational identification // *Journal of Organizational Behavior*. 1992. 13. P. 103–123. <http://dx.doi.org/10.1002/job.4030130202>
17. *Sidorenkov A.V. & Pavlenko R.V.* GROUP PROFILE Computer Technique: A Tool for Complex Study of Small Groups // *SAGE Open*. 2015. 5(1). P. 1–13. <http://dx.doi.org/10.1177/2158244015569418>
18. *Wagoner J.A. & Hogg M.A.* Uncertainty and group identification: Moderation by warmth and competence as cues to inclusion and identity validation // *Self and Identity*. 2016. 15(5). P. 525–535.
19. *Wegge J. & Haslam S.A.* Group goal setting, social identity and self-categorization: Engaging the collective self to enhance group performance and organizational outcomes [Электронный ресурс] // *Social identity at work: Developing theory for organizational practice* / Eds. S.A. Haslam, D. Van Knippenberg, M. Platow & N. Ellemers. New York: Psychology Press, 2003. P. 43-60. URL: <http://www.tandf.co.uk/journals/pp/10463283.html> (дата обращения 22.01.13).

Interrelation of group, micro-group and interpersonal identities of employees in production groups

A. V. SIDORENKOV*,
Rostov-on-Don, Russia, sav@micro-cosm.ru

V. A. DOROFEEV**,
Rostov-on-Don, Russia, ya.fagot2011@yandex.ru

The article represents the results of mathematical and statistical analysis of the links between the levels of the identity of employees (group, micro-group and interpersonal) by three components (cognitive, affective and behavioral) in 37 industrial groups with expertise in different fields. The significant linear relationship between micro-group and interpersonal identity (for all components), high linear relationship between group identity and micro-group identity (only for affective component) and the lack of linear relationship between the components of interpersonal and group identity are revealed. Higher influence of group identity on micro-group (for all components) and interpersonal identity (for cognitive and behavioral components) is found out in the totality of intercorrelation between group, micro-group and interpersonal identities. Non-linear relationship between group and micro-group identity for all components is revealed. This non-linear relation indicates that increase in expressiveness of one of the components of group identity leads to decrease in expressiveness of the respective component of micro-group identity. This effect occurs until definite moment, after which, on the contrary, further reinforcement of the components of group identity leads to the increase in expressiveness of micro-group identity. These established consistent patterns are interpreted in the article.

Keywords: group identity, micro-group identity, interpersonal identity, the identity of components, identification.

For citation:

Sidorenkov A.V., Dorofeev V.A. Interrelation of group, micro-group and interpersonal identities of employees in production groups. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 60–75. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070305

* *Sidorenkov Andrey V.* — Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology of Management, Academy of Psychology and Pedagogics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, sav@micro-cosm.ru

** *Dorofeev Vadim A.* — PhD in Psychology, Associate Professor, Psychology of Management and Legal psychology Department, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ya.fagot2011@yandex.ru

REFERENCES

1. Gorbatenko A.S., Gorbatenko T.M. Metodika opredelenija struktury maloj gruppy s pomoshh'ju analiza mezhlichnostnyh vyborov [A method for identification of the structure of a small group using formalized analysis of interpersonal selections]. *Voprosy psichologii*. 1984. № 4. pp. 112–118.
2. Klimov A.A. Identifikacija s organizaciej i rabochej gruppoj kak faktor jekstrarolevogo povedenija rabotnika: avtoref. dis. ... kand.psihol. nauk. Moskow. 2015.
3. Krichevskij R.L., Dubovskaja E.M. O funkcii i mehanizme identifikacii vo vnutrigruppovom mezhlichnostnom obshhenii [On the function and mechanism of identification in intragroup interpersonal communication]. In Bodalev A.A. (eds.) *Psihologija mezhlichnostnogo poznanija [Psychology of interpersonal cognition]*. Moskow. Pedagogika, 1981. pp. 92–122.
4. Petrovskij A.V., Turevskij M.A. Dejstvennaja gruppovaja jemocional'naja identifikacija [Effective group emotional identification]. In Petrovskii A.V. (eds.) *Psihologicheskaja teorija kollektiva [Psychological community theory]*. Pod red. A.V. Retrovskogo. Moskow, Pedagogika, 1979. pp. 74–94.
5. Sidorenkov A.V. Malaja grupa i neformal'naja podgruppy: mikrogruppovaja teorija [Small group and informal subgroups: microgroove theory]: monografija. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuFU, 2010. 272 p.
6. Sidorenkov A.V., Trishkina N.S. Jempiricheskoe obosnovanie modeli identichnosti individov v maloj gruppe [Empirical grounds for the model of individuals' identity in small group]. *Psychological Journal*. 2010. no. 5. pp. 17–29.
7. Sidorenkov A.V. Metodika izuchenija gruppovoj i mikrogruppovoj identichnosti [Methods of studying group identity and microgrooves]. In Sidorenkov A.V. (eds.) *Metodiki social'no-psihologicheskogo izuchenija malyh grupp v organizacii: monografija. [The methods of social-psychological studies of small groups in the organization: monograph]*. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuFU, 2012. pp. 145–157.
8. Sidorenkov A.V. Metodika izuchenija mezhlichnostnoj identichnosti [Methodology of the study of interpersonal identity]. In Sidorenkov A.V. (eds.) *Metodiki social'no-psihologicheskogo izuchenija malyh grupp v organizacii: monografija [The methods of social-psychological studies of small groups in the organization: monograph]*. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuFU, 2012. pp. 133–145.
9. Sidorenkov A.V., Sidorenkova I.I., Ul'janova N.Ju. Social'no-psihologicheskie harakteristiki i jeffektivnost' malyh grupp v organizacii [Socio-psychological characteristics and efficiency of small groups in the organization]: monografija. Rostov-na-Donu: Mini-Tajp, 2014. 245 p.
10. Khukhlaev O.E., Khayt M.A. Sonia Roccas' and Marilyn Brewer's Concept of Social Identity Complexity. *Sotsial'naia psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2012. no. 3, pp. 16–26. (In Russ., abstr. in Engl.)
11. Dick R. van et al. Interactive effects of work group and organizational identification on job satisfaction and extra-role behavior. *Journal of Vocational Behavior*. 2008. 72(3). pp. 388–399. doi:10.1016/j.jvb.2007.11.009
12. Henry K.B., Arrow H. & Carini B. A tripartite model of group identification: theory and measurement. *Small Group Research*. 1999. 30(5). pp. 558–581. <http://dx.doi.org/10.1177/104649649903000504>

13. Hinkle S. et al. Intragroup identification and intergroup differentiation: A multicomponent approach. *British Journal of Social Psychology*. 1989. 28, pp. 305–317. doi:10.1111/j.2044-8309.1989.tb00874.x
14. Jans L., Leach C.W., Garcia R.L. & Postmes T. The development of group influence on in-group identification: A multilevel approach // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2015. 18(2), pp. 190–209. doi: 10.1177/13684302145407
15. Johnson M.D., Morgeson, F.P. & Hekman D.R. Cognitive and affective identification: Exploring the links between different forms of social identification and personality with work attitudes and behavior. *Journal of Organizational Behavior*. 2012. 33, pp. 1142–1167. doi: 10.1002/job.1787
16. Mael F. A. & Ashforth B. E. Alumni and their alma mater: A partial test of the reformulated model of organizational identification. *Journal of Organizational Behavior*. 1992. 13, pp. 103–123. <http://dx.doi.org/10.1002/job.4030130202>
17. Sidorenkov A.V. & Pavlenko R.V. GROUP PROFILE Computer Technique: A Tool for Complex Study of Small Groups // *SAGE Open*. 2015. 5(1), pp. 1–13. <http://dx.doi.org/10.1177/2158244015569418>
18. Wagoner J.A. & Hogg M.A. Uncertainty and group identification: Moderation by warmth and competence as cues to inclusion and identity validation. *Self and Identity*. 2016. 15(5), pp. 525–535.
19. Wegge J. & Haslam S.A. Group goal setting, social identity and self-categorization: Engaging the collective self to enhance group performance and organizational outcomes. In Haslam S.A., Van Knippenberg D., Platow M., Ellemers N. (eds.). *Social identity at work: Developing theory for organizational practice*. New York: Psychology Press, 2003. pp. 43–60. <http://www.tandf.co.uk/journals/pp/10463283.html> (Accessed 22.01.13).

Социокультурная интегрированность образной сферы и социальное самочувствие личности как предикторы приверженности своей стране

С.В. ФРОЛОВА*,
Саратов, Россия, frolovasv71@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме социально-когнитивных оснований приверженности социальной общности страны и описывает результаты эмпирического исследования роли образной сферы и социального самочувствия личности в ходе возникновения суверенных эмиграционных намерений. Для решения поставленных задач автором операционализировано понятие социокультурной интегрированности образной сферы личности и сконструирована методика образно-ассоциативного теста, служащего измерению выраженности феномена, обозначаемого данным понятием. Эмпирическим объектом исследования выступили 200 человек (120 женщин и 80 мужчин) в возрасте от 18 до 35 лет. Установлено, что приверженность своей стране связана с высоким уровнем социокультурной интегрированности образной сферы личности. Показано, что эмиграционные намерения возникают как при низком, так и при высоком уровне удовлетворенности социальным самочувствием. Наиболее важным предиктором суверенного эмиграционного намерения оказывается низкий уровень социокультурной интегрированности образной сферы личности. Материал статьи может представлять интерес с точки зрения дальнейших эмпирических и теоретических разработок.

Ключевые слова: приверженность своей стране, эмиграционные намерения, социальное самочувствие, социокультурная интегрированность образной сферы личности.

Введение

Глобальные и локальные общественные кризисы сказываются на изменении

переживаний, содержания идентичности [15; 19] и социальном поведении человека. Одной из макропсихологических форм социального поведения, связанных

Для цитаты:

Фролова С.В. Социокультурная интегрированность образной сферы и социальное самочувствие личности как предикторы приверженности своей стране // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 76–92. doi:10.17759/sps.2016070306

* Фролова Светлана Владимировна — кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия, frolovasv71@mail.ru

с целым рядом проблем адаптации и качества жизни, является миграция [17; 26; 30]. С позиции системного подхода [8] и при опоре на накопленные к настоящему моменту достижения психологического знания миграционное поведение может рассматриваться как полидетерминированное явление, обусловленное различными мотивами [27]. В качестве предикторов успешной миграции наряду с экономическими, социокультурными и психологическими условиями проверяется и участие генетических факторов [14].

Возрастание социально-географической мобильности [5; 13; 20] в современном мире создает предпосылки для постановки новых социально-психологических задач, связанных с изучением приверженности личности социальной общности своей страны. Приверженность социальным объектам преимущественно исследуется в организационной психологии [21; 29] и понимается как установка (attitude) работника по отношению к организации, связанная с процессом принятия решения относительно того, продолжать ли оставаться членом данной организации или уйти из нее [7, с. 79]. *Психологическая приверженность социальной общности страны*, по нашему мнению, может быть определена как когнитивно-эмоциональное и конативное целостное образование, выражающееся в психологической привязанности к социальным, культурным, климато-географическим и антропобиологическим особенностям жизни страны, в субъективных представлениях индивида о ее ценности, привлекательности, перспективности в удовлетворении ведущих потребностей, а также в желании и намерении строить свою дальнейшую жизнь в ее пределах [12, с. 80]. Одним из значимых проявлений ослабления при-

верженности своей стране становится суверенное эмиграционное намерение.

Приверженность стране, будучи сложным социально-психологическим феноменом, требует системного подхода к ее изучению и рассмотрению ряда групп ее предикторов. Нами была предложена модель системы факторов, детерминирующих приверженность стране [12], среди которых особую смыслообразующую роль выполняют значащие переживания образов своей страны, участвующие в формировании целостной образной сферы человека. Понятие образной сферы было концептуализировано А.А. Гостевым для обозначения многомерной, многоуровневой, динамической подсистемы психики, объединяющей в единое взаимосвязанное целое совокупность внутренних вторичных образов (переживаемых в отсутствие непосредственно воздействующих стимулов в качестве их прообразов) [2, с. 32, 33]. Данная система образов участвует в непрерывном взаимодействии окружающей реальности с содержанием внутреннего мира и тесно связана с мотивационной и эмоционально-волевой сферами. На наш взгляд, образная сфера имеет неоднородную структуру, в которой можно выделить периферию и ядро. Центральная, ядерная, часть образной сферы, в отличие от периферии, представлена наиболее значимо пережитыми образами мира, определяющими дальнейшее развитие личности.

Говоря о значащих переживаниях, мы опираемся на концепцию Ф.В. Басина. Под значащими переживаниями он подразумевал выступающие в разнообразных формах эмоций переживания, неразрывно спаянные с движущими мотивами и потребностями, сопутствующие созданию определенных убеждений и

производящие трансформации в способах восприятия окружающего [1, с. 107, 112]. Основная идея выделения значащих переживаний состоит в их способности воздействовать на дальнейшее развитие личности, оставляя когнитивно-эмоциональный след в психике человека в форме новых жизненных смыслов и обобщенных вторичных образов. Значащие переживания способны не только обновлять, но и трансформировать уже существующие образно-смысловые структуры.

Элементы образной сферы могут принимать интегрирующее или дифференцирующее значение, объединяющее или разъединяющее человека с культурой его социальной общности. В зависимости от объема и силы значимости интегрирующих образов, система образной сферы личности может в целом принимать более или менее интегрирующий с окружающей действительностью характер. Для обозначения такой специфической функции образной сферы нами было введено понятие *социокультурной интегрированности образной сферы личности* с культурой большой устойчивой группы, которая понимается как целостность, согласованность системы субъективно значимо пережитых личностью образов мира с нормами, ценностями, социальными и коллективными представлениями данной группы. Социокультурная интегрированность образной сферы позволяет человеку переживать себя как часть социальной общности группы, nasledовать на сознательном и бессознательном уровнях ее культуру, а также может выступать предиктором приверженности своей стране.

Заметим, что введенное нами понятие социокультурной интегрированности образной сферы личности отлично от понятия культурной интеграции, широ-

ко используемой в современной социологии, социальной и кросс-культурной психологии для обозначения процессов углубления культурного взаимодействия и взаимовлияния, преимущественно связанных с макросоциальным явлением миграции [15–18; 22; 24; 25; 30]. Проблема социокультурной интегрированности образной сферы личности в наши дни становится актуальной не только в связи с адаптацией мигрантов в новой культуре, но и в связи с социально-психологическим благополучием представителей коренного населения страны.

В условиях современного поликультурного мира с широкой доступностью восприятия экранных образов различных социокультурных объектов образная сфера человека обязательно содержит элементы, как интегрирующие личность с ее реальной социальной средой, так и разобщающие с ней. Учитывая данные обстоятельства, можно говорить лишь о некоторой степени интегрированности образной сферы личности с культурой социальной общности своей страны.

Помимо образно-когнитивных факторов предиктором приверженности стране может выступать уровень удовлетворенности жизнью в целом, или социальное самочувствие. О.В. Коломиец, анализируя проблему социального самочувствия, пришла к выводу, что оно выражает и оценивает специфический образ жизни и деятельности представителей той или иной социальной группы, формирующийся под влиянием характерных социально-психологических, политических и экономических условий [4]. Социальное самочувствие рассматривается в ряде работ как комплексный показатель отношения к окружающему миру [11] и индикатор общественного настроения [6].

А.А. Грачев и А.А. Русалинова предлагают несколько вариантов рассматривания социального самочувствия: как социально-психологический феномен, формируемый на определенной стадии развития общества; как психологическая характеристика субъектности личности; как целостное эмоционально-установочное состояние, складывающееся на основе оценки общей личностно-социальной ситуации [3, с. 9]. Авторами такой концептуализации понятия социального самочувствия предложен инструмент для его диагностики, учитывающий разные уровни социума, в которые включена личность: уровень ближайшего социального окружения, уровень социально-трудовой организации, уровень государственной организации или социальной общности страны. Среди функций социального самочувствия можно выделить функции регуляции поведения и детерминации принятия жизненно важных решений.

И социальное самочувствие, и социокультурная интегрированность образной сферы являются показателями субъективной стороны переживания личностью происходящих социальных процессов, однако, они могут играть разную роль в процессах формирования приверженности своей стране и возникновения эмиграционных намерений. На наш взгляд, социальное самочувствие является преимущественно отражением эмоциональной стороны отношения личности к социальной общности и носит более реактивный характер, будучи индикатором социальных изменений, в то время как социокультурная интегрированность образной сферы личности является в первую очередь результатом когнитивных процессов становления отношения к социальной общности, закладывающих-

ся еще в раннем возрасте и носящих не всегда осознаваемый характер.

Мы предположили, что приверженность стране и желание эмигрировать связаны как с социальным самочувствием, так и с уровнем социокультурной интегрированности образной сферы, однако определяющую роль для возникновения привязанности к своей социальной общности играет именно социокультурная интегрированность образной сферы личности.

Программа исследования

Для проверки наших предположений мы поставили задачу сравнения уровня социокультурной интегрированности образной сферы личности и показателей социального самочувствия у лиц, приверженных своей стране и желающих эмигрировать. Было предпринято исследование, в котором приняли участие 200 жителей г. Саратова в возрасте от 18 до 35 лет, в том числе 120 женщин (средний возраст 23,5 года) и 80 мужчин (средний возраст 24,5 года). Все представители выборки являются гражданами Российской Федерации, считают себя русскими, имеют высшее или неоконченное высшее образование. В качестве психодиагностического инструментария использовались структурированное психологическое интервью и психологическая анкета, направленные на выявление приверженности своей стране и эмиграционных намерений; анкета для определения социального самочувствия, разработанная А.А. Грачевым и А.А. Русалиновой [10] и использующая количественную шкалу субъективных оценок, а также разработанный нами образно-ассоциативный тест для определения уров-

ня социокультурной интегрированности образной сферы.

Сконструированный образно-ассоциативный тест позволяет выявлять наличие в образной сфере положительно и отрицательно значимо пережитых образов социальной общности своей страны и зарубежья [12]. Испытуемым предлагается поочередно представлять образы, с которыми ассоциируются различные природные, культурные и социальные аспекты жизни в своей стране (субтест 1) и за рубежом (субтест 2) и оценивать привлекательность и силу значимости этих образов с помощью субъективной шкалы оценок от «-10» до «+10» баллов. Количество вербальных элементов стимульного материала для получения субъективных ассоциативных ответов в каждом из двух субтестов равно 28, и их содержание отражает аналогичные аспекты жизни своей страны и зарубежья (например, «народные сказки России» — «зарубежные народные сказки»; «природа России» — «природа зарубежья» и т. п.). Обработка образно-ассоциативного теста предполагает подсчет количества положительно высоко оцененных (свыше +5 баллов) образов своей страны (показатель i_{c+}), количества положительно высоко оцененных образов зарубежья (i_n), количества отрицательно оцененных (все значения с «-») образов своей страны (показатель i_{c-}), а также вычисление показателя «культурно дифференцирующие элементы образной сферы личности» ($i_d = i_n + i_{c-}$). Полученные показатели позволяют определить уровень социокультурной интегрированности образной сферы личности с культурой социальной общности страны при помощи формулы:

$$I_{sc} = \frac{i_{c+}}{1 + i_d}, \text{ где } i_d = i_n + i_{c-}$$

Предварительно проведенные испытания данного теста позволили установить значение коэффициента корреляции, характеризующего надежность методики, равное 0,86, что считается довольно высоким показателем [12].

Для статистически-математического решения поставленных исследовательских задач применялись t-критерий Стьюдента (после проверки полученных количественных данных на соответствие условию нормального распределения), а также кластерный анализ методом «К-средних». Обработка первичных данных осуществлялась при помощи компьютерной программы «Statistical Package for the Social Sciences» (SPSS Statistics 17.0).

Результаты исследования

Полученные данные с использованием структурированного психологического интервью и психологической анкеты позволили первоначально выделить 3 группы испытуемых: 1) полностью приверженных своей стране (31%), 2) желающих временно эмигрировать (45%); 3) желающих эмигрировать с целью постоянного проживания в другой стране (24%). Статистически-математический анализ способствовал установлению достоверных различий между лицами всех трех выделенных подгрупп по показателю социокультурной интегрированности образной сферы личности (табл. 1).

Наиболее высоким уровнем социокультурной интегрированности образной сферы характеризуется группа приверженных своей стране, желающих строить дальнейшую жизнь в ее пределах ($I_{sc} = 1,57$). Наименьшая социокуль-

Таблица 1

Уровень социокультурной интегрированности образной сферы лиц, приверженных своей стране, и лиц с эмиграционными намерениями

Диагностируемое свойство образной сферы личности	1. Группа лиц, приверженных своей стране (n = 62)		2. Группа лиц, желающих временно эмигрировать (n = 90)		3. Группа лиц, желающих эмигрировать безвозвратно (n = 48)	
	М	σ	М	σ	М	σ
Уровень социокультурной интегрированности образной сферы личности	1,57* ^{2,3}	0,48	0,95* ^{1,3}	0,26	0,59* ^{1,2}	0,17

Примечание: знаком «*» отмечены показатели, достоверно значимо различающиеся, уровень статистической значимости $p \leq 0,01$; «^{1,2,3}» — группы, с которыми обнаружены достоверные различия.

турная интегрированность наблюдается у лиц, желающих навсегда эмигрировать из страны ($I_{sc} = 0,59$). Лица, желающие лишь временно покинуть свою страну, имеют промежуточные значения коэффициента социокультурной интегрированности образной сферы ($I_{sc} = 0,95$). Коэффициент социокультурной интегрированности образной сферы увеличивается по мере возрастания приверженности своей стране.

Следующей задачей, поставленной в исследовании, служило сравнение показателей социального самочувствия у лиц, приверженных своей стране и желающих эмигрировать безвозвратно. Первичное сравнение средних значений интересующих нас параметров не дало положительных результатов. Однако нами была замечена тенденция в группе потенциальных эмигрантов давать крайние оценки своему самочувствию: либо значительно ниже, либо значительно выше среднего значения. Данные эмпирические наблюдения нами были проверены с помощью кластерного анализа, позволившего выделить три группы испытуемых: 1) желающих эмигрировать, характеризующихся

низким уровнем удовлетворенности социальным самочувствием (n = 18); 2) приверженных своей стране, характеризующихся средним уровнем удовлетворенности социальным самочувствием (n = 62); 3) желающих эмигрировать, характеризующихся высоким уровнем удовлетворенности социальным самочувствием (n = 30) (см. табл. 2).

Выделенные в результате кластеризации группы были сопоставлены по ряду параметров социального самочувствия (см. табл. 3). Все три группы достоверно различаются по показателям общего социального самочувствия (см. рис.), самочувствия в городе и уровню переживаемого социального дискомфорта. Лица, приверженные своей стране, занимают промежуточное положение по данным показателям среди всех групп, обнаруживая средний уровень удовлетворенности своим социальным самочувствием. Желающие эмигрировать безвозвратно обнаруживают тенденции к крайним оценкам самочувствия в социуме и подразделяются на две категории: удовлетворенные и неудовлетворенные своим социальным самочувствием.

Таблица 2

Конечные центры кластеров

Анализируемые параметры	Кластер		
	1 (n = 18)	2 (n = 62)	3 (n = 30)
Выраженность эмиграционных намерений	14,37	0,30	14,42
Коэффициент социокультурной интегрированности образной сферы	0,50	1,44	0,53
Общий показатель социального самочувствия	92,82	147,28	186,09
Социальное самочувствие в стране	-0,23	14,95	18,89

Таблица 3

Средние значения показателей социального самочувствия для лиц, приверженных своей стране, и лиц с эмиграционными намерениями

Показатели благополучия социального самочувствия	1. Приверженные своей стране (n = 62)		2. Потенциальные эмигранты, не удовлетворенные социальным самочувствием (n = 18)		3. Потенциальные эмигранты, удовлетворенные социальным самочувствием (n = 30)	
	М	σ	М	σ	М	Σ
Общий (суммарный) показатель социального самочувствия	148,4**2,3	5,32	94**1,3	7,03	181,3**1,2	11,59
Социальное самочувствие в городе	13,6**2,3	1,59	4**1,3	3,9	21,3**1,2	3,7
Социальное самочувствие в организации	21,2*2	3,76	11,6*1,**3	6,07	24,7**2	2,43
Социальное самочувствие в группе (коллективе)	22,8	1,35	20,3**3	1,63	25,7**2	1,41
Социальное самочувствие в стране	15**2	2,17	-2,7**1,3	2,9	18,7**2	2,19
Социальное самочувствие в профессии	21,6**2	2,05	12**1,3	5,53	24,3**2	4,29

Социальное самочувствие в связи с материальным положением	11,6**2	4,02	5**1.3	5,78	14,2**2	3,86
Социальное самочувствие в семье	22,4	3,86	21**3	1,79	26**2	0,87
Уровень социального дискомфорта	48**2.3	13,26	73**1.3	14,61	25,5**1.2	15,65

Примечание: знаком «*» отмечены показатели, достоверно значимо различающиеся в строках, уровень статистической значимости $p \leq 0,05$; «**» — уровень статистической значимости $p \leq 0,01$ «1,2,3» — группы, с которыми обнаружены достоверные различия.

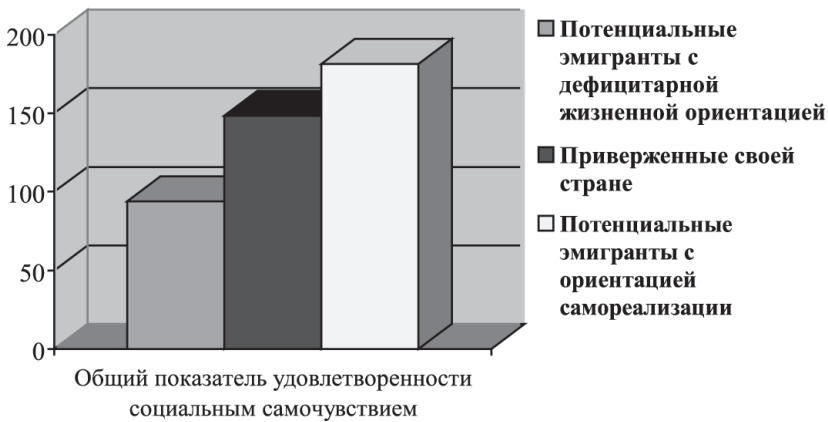

Рис. Удовлетворенность социальным самочувствием у лиц, приверженных своей стране, и группы потенциальных эмигрантов

Две выделенные подгруппы желающих эмигрировать, удовлетворенные и неудовлетворенные социальным самочувствием, по-разному ощущают себя в стране, в городе, в организации, в семье, в профессии и в сфере материального благосостояния (см. табл. 3), а также различаются характером переживаемых чувств в связи с разными социальными объектами (табл. 4).

Потенциальные эмигранты, не удовлетворенные самочувствием в социуме, значительно чаще других переживают по отношению к стране и своему городу такие чувства, как огорчение и досада,

стыд, беспомощность. Приверженные своей стране чаще переживают по отношению к ней чувство гордости и желание активно участвовать в ее жизни.

Сравнение показателей функционирования образной сферы личности в выделенных группах и подгруппах показало, что лица, желающие эмигрировать безвозвратно, как удовлетворенные, так и не удовлетворенные своим социальным самочувствием, имеют одинаково низкий уровень социокультурной интегрированности образной сферы и этим значительно отличаются от лиц, приверженных своей стране ($p \leq 0,01$),

Характер переживаемых чувств в связи с разными социальными группами у лиц, приверженных своей стране, и у лиц с эмиграционными намерениями

Особенности выявленных переживаний	1. Приверженные своей стране (n = 62)		2. Потенциальные эмигранты, не удовлетворенные социальным самочувствием (n = 18)		3. Потенциальные эмигранты, удовлетворенные социальным самочувствием (n = 30)	
	М	σ	М	Σ	М	σ
Выраженность отрицательных переживаний в связи с принадлежностью к разным социальным группам	10,6 ^{**2}	3,89	19,5 ^{*1,3}	1,19	11 ^{*2}	4,21
Выраженность положительных переживаний в связи с мыслями о стране	7 ^{*2}	1,26	4,5 ^{*1}	1,42	6,4	1,57
Выраженность отрицательных переживаний в связи с мыслями о стране	2,4 ^{**2}	1,11	7 ^{**1,3}	1,5	2,6 ^{**2}	1,67
Выраженность отрицательных переживаний в связи с мыслями о городе	3,2 ^{*2}	1,09	6,7 ^{*1,***3}	1,36	2,4 ^{**2}	1,74

Примечание: знаком «*» отмечены показатели, достоверно значимо различающиеся в строках внутри подгрупп испытуемых, уровень статистической значимости $p \leq 0,05$; «**» — уровень статистической значимости $p \leq 0,01$; «^{1,2,3}» — группы, с которыми обнаружены достоверные различия.

характеризующихся высоким уровнем социокультурной интегрированности образной сферы (табл. 5).

Обсуждение результатов

В жизненных стратегиях молодых людей наряду с приверженностью стране нередко присутствуют эмиграционные намерения. По результатам нашего ис-

следования было выявлено, что желание выехать из страны, временно или навсегда, присуще значительной части лиц молодого возраста. Почти половина принявших участие в исследовании отметили желание временно уехать из страны с целью продолжить обучение, заработать денег или приобрести новый опыт. Для четверти выборки характерно намерение эмигрировать безвозвратно. Несмотря на то, что желания и намерения изменить

Таблица 5

Уровень социокультурной интегрированности образной сферы у лиц, приверженных своей стране, и у лиц с эмиграционными намерениями

Диагностируемое свойство образной сферы личности	1. Группа лиц, приверженных своей стране (n = 62)		2. Группа лиц с эмиграционными намерениями			
			2.1. Подгруппа с неудовлетворенным социальным самочувствием (n = 18)		2.1. Подгруппа с удовлетворенным социальным самочувствием (n = 30)	
	М	Σ	М	σ	М	Σ
Уровень социокультурной интегрированности образной сферы личности	1,57 ^{*2.1; 2.2}	0,48	0,58 ^{*1}	0,17	0,61 ^{*1}	0,16

Примечание: знаком «*» отмечены показатели, достоверно значимо различающиеся в строках, уровень статистической значимости $p \leq 0,01$; «^{1; 2.1; 2.2}» — группа и подгруппы, с которыми обнаружены достоверные различия.

свою жизнь далеко не всегда бывают реализованными, они отражают ценности, идеалы и жизненный замысел человека. Поскольку желание строить дальнейшую судьбу за пределами своей страны является достаточно распространенным, оно может являться отражением таких макропсихологических изменений, как привязанность к высокоскоростному темпу жизни [31], адаптация к условиям поликультурного общества [15], появление нового типа глобальной идентичности [19; 23] и переживание системного кризиса культуры [20]. Однако поскольку выборку в исследовании составили лица молодого возраста, эмиграционные настроения могут также являться и отражением возрастных особенностей поведенческих стратегий, характеризующихся большей склонностью к новизне и риску, чем у представителей старших возрастов [28].

Приверженность своей стране взаимосвязана с уровнем социокультурной интегрированности образной сферы личности. Проведенное исследование позволило установить, что коэффициент социокультурной интегрированности образной сферы увеличивается по мере возрастания приверженности своей стране. Наиболее высокий уровень социокультурной интегрированности образной сферы присущ желающим строить дальнейшую жизнь в пределах своей страны. Лица, желающие навсегда эмигрировать из страны, характеризуются низким уровнем социокультурной интегрированности образной сферы.

Наблюдаемое возрастание коэффициента социокультурной интегрированности образной сферы по мере увеличения социально-географической привязанности подтверждает наше предположение

об участии когнитивных процессов в развитии приверженности своей стране.

Намерение эмигрировать безвозвратно может возникать как при низком, так и при высоком уровне удовлетворенности социальным самочувствием. Приверженность своей стране сопряжена со средним уровнем удовлетворенности социальным самочувствием. В ходе исследования было замечено, что желающие эмигрировать безвозвратно обнаруживают тенденцию давать крайние оценки своему самочувствию: либо значительно ниже, либо значительно выше среднего значения. Лица с эмиграционными намерениями, таким образом, делятся на две категории: удовлетворенные и не удовлетворенные своим социальным самочувствием. Полученные различия позволяют говорить о существовании двух типов потенциальных эмигрантов, один из которых ориентирован на удовлетворение дефицитарных потребностей [9], другой — на дальнейшую самореализацию, предполагающую стремление к постоянной актуализации своего потенциала. Содержание жизненных переживаний потенциальных эмигрантов с дефицитарным типом ориентации носит преимущественно негативно окрашенный характер, сопровождается чувствами досады и беспомощности. При реализации своих жизненных планов представители двух выделенных типов, по всей видимости, будут использовать различные способы и стратегии для устранения возникающих противоречий между желаниями и требованиями среды. Отсутствие у человека прямой взаимосвязи между степенью приверженности своей стране и социальным самочувствием может говорить о недостаточности только лишь его участия в принятии решения об эмиграции.

Определяющую роль для возникновения привязанности к своей социальной общности играет социокультурная интегрированность образной сферы личности. Исследование позволило установить, что желающие эмигрировать безвозвратно, как удовлетворенные, так и не удовлетворенные своим социальным самочувствием, имеют низкий уровень социокультурной интегрированности образной сферы. Такие результаты, констатирующие существование разного уровня удовлетворенности социальным самочувствием и одинаково низкого уровня социокультурной интегрированности образной сферы личности у желающих эмигрировать, говорят в пользу того, что объединяющим для разных типов потенциальных эмигрантов с различной мотивационной направленностью является фактор когнитивно-образной детерминации. Для потенциальных эмигрантов характерны дефицит положительно значащих переживаний образов своей страны и разнообразие положительно значащих переживаний образов зарубежья, которые в совокупности служат предпочтению в большей степени иных культур и консолидации с другими большими социальными общностями.

Выводы

В ходе предпринятого исследования подтвердилось предположение о том, что социальное самочувствие и уровень социокультурной интегрированности образной сферы личности могут выступать предикторами приверженности своей стране и суверенных эмиграционных намерений, осуществляя различное участие в процессе их формирования.

Приверженность своей стране находится в тесной прямой взаимосвязи с

уровнем социокультурной интегрированности образной сферы: чем больше в индивидуальной истории жизни человека содержится положительно значащих переживаний образов различных аспектов жизни своей страны, тем больше готовность к построению своего будущего в ее пределах.

Социальное самочувствие имеет более сложную, нелинейную взаимосвязь с приверженностью стране и возникновением эмиграционных намерений. Лица, приверженные своей стране, склонны давать средние оценки своему социальному самочувствию. Суверенные эмиграционные намерения могут возникать как при низком, так и при высоком уровне удовлетворенности социальным самочувствием.

Результаты исследования позволили выделить два типа потенциальных эмигрантов, представители одного из которых ориентирован на удовлетворение дефицитарных потребностей, другого — на дальнейшую самореализацию, предполагающую стремление к постоянному личностному развитию. Для потенциальных эмигрантов, вне зависимости от их типа,

общей особенностью является низкий уровень социокультурной интегрированности образной сферы личности.

Наиболее важным предиктором приверженности своей стране является социокультурно интегрированная образная сфера личности, поскольку именно ее низкий уровень развития, невзирая на степень удовлетворенности социальным самочувствием, является определяющим для возникновения желания эмигрировать безвозвратно.

Выявленная взаимосвязь приверженности личности своей стране с уровнем социокультурной интегрированности образной сферы подтверждает наше предположение об участии в формировании эмиграционных намерений не только социальных, экономических, политических факторов, но и когнитивно-эмоциональных процессов наследования культуры социальной общности. Полученные результаты могут представлять интерес с точки зрения дальнейших эмпирических и теоретических разработок в области психологии приверженности личности большим устойчивым группам.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 16-06-50134 «Приверженность своей стране и эмиграционные намерения: социально-когнитивные основания».

Благодарности

Автор выражает особую признательность сотруднику лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН А.А. Грачеву за конструктивную обратную связь по отношению к промежуточным результатам данного исследования, а также за любезно предоставленный психодиагностический материал анкеты для оценки социального самочувствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бассин Ф.В.* «Значащие» переживания и проблема собственно-психологической закономерности // Вопросы психологии. 1972. № 3. С. 105—124.
2. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 512 с.
3. *Грачев А.А., Русалинова А.А.* Социальное самочувствие человека в организации // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2007. Выпуск № 30. Т. 8. С. 7—17.

4. Коломиец О.В. Социальное самочувствие как проблема социальной психологии // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 3. С. 14–25.
5. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–46.
6. Кузьмичева Л.Н. Социальное самочувствие российской молодежи: влияние культурных установок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 160–163.
7. Ловаков А.В., Лунатов С.А. Организационная идентификация и приверженность персонала: сходство и различие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 2. С. 69–80.
8. Ломов Б.Ф. Системность в психологии: Избранные психологические труды. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2003. 424 с.
9. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997. 300 с.
10. Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека как социально-психологический феномен. СПб.: Астерион, 2013. 246 с.
11. Садкова Д.А. Социальное самочувствие молодежи: адаптация к общественным трансформациям // Проблемы развития территории. 2014. № 6. С. 91–99.
12. Фролова С.В. Модель факторов приверженности личности социальной общности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 80–86.
13. Фролова С.В. Смыслообразующие факторы эмиграционных намерений студентов // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 3. С. 58–67.
14. Belsky D.W., Moffitt T.E., Corcoran D.L., Domingue B., Harrington H., Hogan S., Houts R., Ramrakha S., Sugden K., Williams B.S., Poulton R., Caspi A. The genetics of success: How single-nucleotide polymorphisms associated with educational attainment relate to life-course development // Psychological Science. 2016. Vol. 27. №. 7. P. 957–972. doi: 0.1177/0956797616643070.
15. Berry J.W. Intercultural relations in plural societies: A comparative perspective // Identity and participation in culturally diverse societies / Eds. A. Azzi, E.X. Chryssochoou, B. Klandermans, B. Simon. Oxford: Wiley Blackwell, 2012. P. 279–295.
16. Berry J.W. Research on multiculturalism in Canada // International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37. №. 6. P. 663–675. doi: 10.1016/j.ijintrel.2013.09.005
17. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: acculturation, identity, and adaptation // Applied Psychology: an International Review. 2006. Vol. 55. № 3. P. 303–332.
18. Borup J., Ahlin L. Religion and cultural integration: Vietnamese Catholics and Buddhists in Denmark // Nordic journal of migration research. 2011. Vol. 1. Is. 3. P. 176–184. doi: 10.2478/v10202-011-0015-z
19. Buchan N.R., Brewer M.B., Grimalda G., Wilson R.K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation // Psychological science. 2011. Vol. 22. № 6. P. 821–828. doi: 10.1177/0956797611409590.
20. Buchanan P.J. State of emergency. The third world invasion and conquest of America Edge of destruction. New York: Thomas Dunne Books / St. Martin's Press, 2006. 320 p.

21. *Cole M.S., Bruch H.* Organizational identity strength, identification, and commitment and their relationship to turnover intention: Does organization hierarchy matter? // *Journal of Organizational Behavior*. 2006. Vol.27. № 5. P. 585–605. doi: 10.1002/job.378
22. *Eriksen T.H.* Complexity in social and cultural integration: Some analytical dimensions // *Ethnic and Racial Studies*. 2007. Vol. 30. №. 6. P. 1055–1069. doi: 10.1080/01419870701599481
23. *Hermans H.J.M., Kempen H.J.G.* Moving cultures: The perilous problem of cultural dichotomies in a globalizing society // *American Psychologist*. 1998. Vol. 53. P. 1111–1120. doi: 10.1037/0003-066X.53.10.1111
24. *Huff K.C., Song P., Gresch E.B.* Cultural intelligence, personality, and cross-cultural adjustment: A study of expatriates in Japan // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. №. 38. P.151–157. doi: 10.1016/ijintrel.2013.08.005
25. *Hussain D.* Social policy, cultural integration and faith: a muslim reflection // *Social Policy and Society*. 2012. Vol. 11. Is. 04. P. 625–635. doi: 10.1017/S1474746412000292,
26. *Laurin K., Shepherd S., Kay A.C.* Restricted emigration, system inescapability, and defense of the status quo: system-justifying consequences of restricted exit opportunities // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21. № 8. P. 1075–1082. doi:10.1177/0956797610375448
27. *Lüthke F., Cropley A.* Motive zur Auswanderung aus psychologischer Sicht. Empirische Befunde und theoretische Überlegungen // *Zeitschrift für Kulturaustausch*. 1989. Jg. 39. № 3. S. 363–368.
28. *Mata R., Josef A.K., Hertwig R.* Propensity for risk taking across the life span and around the globe // *Psychological Science*. 2016. Vol. 27. № 2. P. 231–243. doi:10.1177/0956797615617811
29. *Meyer J.P., Becker T.E., van Dick R.* Social identities and commitment at work: Toward an integrative model // *Journal of Organizational Behavior*. 2006. Vol. 27. № 5. P. 665–683. doi: 10.1002/job.383
30. *Remennick L.* The 1.5 Generation of Russian Immigrants in Israel: Between Integration and Sociocultural Retention. *Diaspora* // *A Journal of Transnational Studies*. 2003. Vol. 12. № 1. P. 39–66. doi: 10.1353/dsp.2011.0043
31. *Toffler A.* *Future shock*. N.Y.: Random house, 1970. 362 p.

The sociocultural integratedness of figurative sphere and social well-being as predictors of commitment to a country

S. V. FROLOVA*,
Saratov, Russia, frolovasv71@mail.ru

The article is devoted to the topical issue of social and cognitive grounds of commitment to a social community of a country and describes the results of the empirical research of the role of figurative sphere and social well-being of an individual in emergence of sovereign emigration intentions. The author has operationalized the notion of socioculturally integrated personality imaginative sphere and has designed the image and association test procedure to determine the intensity of the phenomenon, meant by the notion. 200 people (120 females and 80 males) aged 18 to 35 took part in the experiment. The research has revealed that commitment to one's country is connected with high socioculturally integrated personality imaginative sphere. It has also proved that emigration intentions occur among both individuals with low and high satisfaction with social well-being. Low socioculturally integrated personality imaginative sphere appears to be one of the major predictors of sovereign emigration intentions. The article can be an interesting basis for further empirical and theoretical studies.

Keywords: commitment to one's country, emigration intentions, social well-being of an individual, socioculturally integrated personality imaginative sphere.

Financing

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 16-06-50134 "Commitment to one's country and emigration intentions: social and cognitive grounds").

REFERENCES

1. Bassin F.V. "Znachashhie" perezhivaniya i problema sobstvenno-psihologicheskoy zakonmernosti ["Meaningful" experiences and a problem of psychological regularities in substance]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1972, no. 3, pp. 105–124.
2. Gostev A.A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza [Psychology of secondary image]*. Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN, 2007. 512 p.
3. Grachev A.A., Rusalina A.A. Social'noe samochuvstvie cheloveka v organizacii [Social «self-feeling» of the person at an organization]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni. A.I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences]*, 2007, is. 30, vol. 8, pp. 7–17.

For citation:

Frolova S.V. The sociocultural integratedness of figurative sphere and social well-being as predictors of commitment to a country. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 76–92. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070306

* Frolova Svetlana V. — Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, National Research Saratov State University, Saratov, Russia, frolovasv71@mail.ru

4. Kolomic O.V. Social'noe samochuvstvie kak problema social'noj psihologii [Social well-being as a problem of social psychology]. *Sovremennaja social'naja psihologija: teoreticheskie podhody i prikladnye issledovanija* [Contemporary social psychology: theoretical approaches and applied research], 2012, no. 3, pp. 14–25.
5. Kuznecova S.A. Migracionnye ustanovki kak predmet social'no-psihologicheskikh issledovanij [Migration attitudes as the subject of social psychological research]. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social Psychology and Society], 2013, no. 4, pp. 34–46.
6. Kuz'micheva L.N. Social'noe samochuvstvie rossijskoj molodezhi: vlijanie kul'turnyh ustanovok [Social well-being of the Russian youth: influence of cultural installations]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, social-economic and social sciences], 2015, no. 6, pp. 160–163.
7. Lovakov A.V., Lipatov S.A. Organizacionnaja identifikacija i priverzhennost' personala: shodstvo i razlichie [Organizational identification and personnel commitment: similarity and difference]. *Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher school of economics], 2011, vol. 8, no. 2, pp. 69–80.
8. Lomov B.F. Sistemnost v psihologii: Isbrannye psihologicheskie trudy [Systemness in psychology: the Elected psychological works]. Moscow: Publ. Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publ. MODEK, 2003. 424 p.
9. Maslou A. Psihologija bytija [Toward a psychology of being]. Moscow: Refl-book, 1997. 300 p.
10. Rusalina A.A. Social'noe samochuvstvie cheloveka kak social'no-psihologicheskij fenomen [Social self-feeling of the person as a socio-psychological phenomenon]. Saint Petersburg: Asterion, 2013. 246 p.
11. Sadkova D.A. Social'noe samochuvstvie molodezhi: adaptacija k obshhestvennym transformacijam [Social well-being of young people: adaptation to social transformation]. *Problemy razvitija territorii* [Problems of development of the territory], 2014, no. 6, pp. 91–99.
12. Frolova S.V. Model' faktorov priverzhennosti lichnosti social'noj obshhnosti [The Model of Individual Commitment Factors to Social Community]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2013, vol. 13, no. 4, pp. 80–86.
13. Frolova S.V. Smysloobrazujushhie faktory jemigracionnyh namerenij studentov [The sense-formation factors of students emigratory intentions]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2006, vol. 27, no. 3, pp. 58–67.
14. Belsky D.W., Moffitt T.E., Corcoran D.L., Domingue B., Harrington H., Hogan S., Houts R., Ramrakha S., Sugden K., Williams B.S., Poulton R., Caspi A. The genetics of success: How single-nucleotide polymorphisms associated with educational attainment relate to life-course development. *Psychological Science*, 2016, vol. 27, no. 7, pp. 957–972. doi: 10.1177/0956797616643070.
15. Berry J.W. Intercultural relations in plural societies: A comparative perspective. In A. Azzi, E. X. Chrysochoou, B. Klandermans, B. Simon (Eds.). *Identity and participation in culturally diverse societies*. Oxford: Wiley Blackwell, 2012, pp. 279–295.
16. Berry J.W. Research on multiculturalism in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013, vol. 37, no. 6, pp. 663–675. doi: 10.1016/j.ijintrel.2013.09.005

17. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology: an International Review*, 2006, vol. 55, no. 3, pp. 303–332.
18. Borup J., Ahlin L. Religion and cultural integration: Vietnamese catholics and buddhists in Denmark. *Nordic journal of migration research*, 2011, vol. 1, is. 3, pp. 176–184. doi: 10.2478/v10202-011-0015-z
19. Buchan N.R., Brewer M.B., Grimalda G., Wilson R.K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation. *Psychological science*, 2011, vol. 22, no. 6, pp. 821–828. doi: 10.1177/0956797611409590.
20. Buchanan P.J. State of emergency. The third world invasion and conquest of America Edge of destruction. New York: Thomas Dunne Books / St. Martin's Press, 2006. 320 p.
21. Cole M.S., Bruch H. Organizational identity strength, identification, and commitment and their relationship to turnover intention: Does organization hierarchy matter? *Journal of Organizational Behavior*, 2006, vol. 27, no. 5, pp. 585–605. doi: 10.1002/job.378
22. Eriksen T.H. Complexity in social and cultural integration: Some analytical dimensions. *Ethnic and Racial Studies*, 2007, vol. 30, no. 6, pp. 1055–1069. doi: 10.1080/01419870701599481
23. Hermans H.J.M., Kempen H.J.G. Moving cultures: The perilous problem of cultural dichotomies in a globalizing society. *American Psychologist*, 1998, vol. 53, pp. 1111–1120. doi: 10.1037/0003-066X.53.10.1111
24. Huff K.C., Song P., Gresch E. B. Cultural intelligence, personality, and cross-cultural adjustment: A study of expatriates in Japan. *International Journal of Intercultural Relations*, 2014, no. 38, pp.151–157. doi: 10.1016/ijintrel.2013.08.005
25. Hussain D. Social policy, cultural integration and faith: a muslim reflection. *Social Policy and Society*, 2012, vol. 11, is. 4, pp. 625–635. doi: 10.1017/S1474746412000292
26. Laurin K., Shepherd S., Kay A.C. Restricted emigration, system inescapability, and defense of the status quo: system-justifying consequences of restricted exit opportunities. *Psychological Science*, 2010, vol. 21, no. 8, pp. 1075–1082. doi:10.1177/0956797610375448
27. Lühke F., Cropley A. Motive zur Auswanderung aus psychologischer Sicht. Empirische Befunde und theoretische Überlegungen. *Zeitschrift für Kulturaustausch*, 1989, jg. 39. № 3, s. 363–368.
28. Mata R., Josef A.K. , Hertwig R. Propensity for risk taking across the life span and around the globe. *Psychological Science*, 2016, vol. 27, no. 2, pp. 231–243. doi:10.1177/0956797615617811
29. Meyer J.P., Becker T.E., van Dick R. Social identities and commitment at work: Toward an integrative model. *Journal of Organizational Behavior*, 2006, vol. 27, no. 5, pp. 665–683. doi: 10.1002/job.383
30. Remennick L. The 1.5 Generation of Russian Immigrants in Israel: Between Integration and Sociocultural Retention. Diaspora. *A Journal of Transnational Studies*, 2003, vol. 12, no. 1, pp. 39–66. doi: 10.1353/dsp.2011.0043
31. Toffler A. Future shock. N.Y.: Random house, 1970. 362 p.

Ассимиляция или интеграция: роль ценностей «Самоутверждение»

Т.А. РЯБИЧЕНКО*,
Москва, Россия, tryabichenko@hse.ru

В исследовании рассматривается роль ценностей при выборе стратегий аккультурации этническими меньшинствами. Мы использовали модель двух измерений аккультурации Дж. Берри и уточненную теорию индивидуальных ценностей Ш. Шварца. Мы предположили, что индивидуальные ценности взаимосвязаны со стратегиями аккультурации этнических меньшинств. Выборку составили две группы: русские и поляки в возрасте от 15 до 21 года (N = 298). Используя кластеризацию методом k-средних, мы разделили выборку на четыре аккультурационных кластера: интеграции, ассимиляции, маргинализации и сепарации. Профили, соответствующие четырем ценностям высшего уровня, по Шварцу, сравнивались внутри групп и кластеров при помощи однофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями (ANOVA). Было установлено, что в кластере ассимиляции ценности «Самоутверждение» участников исследования оказываются значимо выше, чем в кластере, соответствующем интеграции.

Ключевые слова: аккультурационные предпочтения, ценности по Шварцу, этнические меньшинства.

При исследованиях аккультурации внимание ученых чаще всего направлено на результаты аккультурационного процесса: психологическую или социокультурную адаптацию мигрантов или этнических меньшинств [1; 4; 19; 29]. Также рассматриваются факторы, влияющие на аккультурацию, такие как: наличие либо отсутствие дискриминации [4; 15], совпадение или несовпадение аккуль-

турационных установок мигрантов и принимающего населения [19], воспринимаемое сходство либо различия в ценностях [22], время пребывания мигрантов в стране [14]. Меньшее внимание уделяется внутренним психологическим причинам выбора мигрантами и представителями этнических меньшинств тех или иных стратегий аккультурации. При этом учет активности самих индивидов в

Для цитаты:

Рябиченко Т.А. Ассимиляция или интеграция: роль ценностей «Самоутверждение» // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 93–104. doi:10.17759/sps.2016070307

* Рябиченко Татьяна Анатольевна — младший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория Экспертного института Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики», Москва, Россия, tryabichenko@hse.ru

аккультурационном процессе является важным [9], а кроме того, при изучении аккультурации необходимо принимать во внимание индивидуальные характеристики участников аккультурационного процесса [26]. Эти два факта и послужили отправной точкой нашего исследования. Мы предположили, что различия в аккультурационных предпочтениях могут быть обусловлены различиями в мотивации индивидов. В свою очередь, индивидуальные различия в мотивации могут быть объяснены различием в ценностях, поэтому мы сконцентрировались на поиске возможных взаимосвязей индивидуальных ценностей со стратегиями аккультурации этнических меньшинств.

Стратегии аккультурации

Аккультурация является результатом межкультурного контакта. Джон Берри предположил, что различные комбинации позитивных или негативных установок мигрантов по отношению к собственной культуре и культуре принимающего общества можно свести к четырем стратегиям аккультурации: интеграции, ассимиляции, сепарации и маргинализации [3]. В случае интеграции речь идет о сохранении мигрантами или этническими меньшинствами собственной культуры наряду с принятием культуры «большого» общества. При сепарации культура «большого» общества отвергается, а при ассимиляции, наоборот, происходит отказ от собственной культуры. При маргинализации оказываются не важными как собственная культура, так и культура принимающего общества. С точки зрения психологической и социокультурной адаптации, наилучшие результаты дает стратегия интеграции,

в то время как маргинализация считается наименее успешной [4; 5; 29]. Однако если существуют «более адаптивные» и «менее адаптивные» стратегии, то что лежит за выбором каждой из них? Почему в условиях одного и того же общества существуют индивидуальные различия в стратегиях аккультурации?

Мы считаем, что привлечение теории ценностей при ответах на поставленные вопросы может оказаться полезным, поскольку ценности выступают в качестве направляющего поведение «внутреннего морального компаса» личности и играют определяющую роль в активности человека [13]. Кроме того, анализ ценностей оказывается релевантным при объяснении поведения и причин принятия тех или иных решений [24], а также установок в отношении аутгрупп [8], что позволяет сделать предположение о том, что ценности и выбираемые индивидом стратегии аккультурации взаимосвязаны.

Ценности и аккультурация мигрантов и этнических меньшинств

Что касается использования теорий ценностей в исследованиях аккультурации, то их не так много. Так, в исследовании Е. Тартаковского и Ш. Шварца (2001) было показано, что разные ценности эмигрантов из России были связаны с различающимися типами мотивации к эмиграции [27]. Стратегии аккультурации турецких подростков в Бельгии оказались медиаторами во взаимосвязи между ценностями и адаптацией. В частности, сепаративность, характеризующаяся высокой степенью самостоятельности и низкой эмоциональной привязанностью, давала лучший результат социокультурной адаптации. Медиато-

ром в данном случае выступало принятие культуры «большого» общества. В свою очередь, конформизм, подразумевающий следование нормам группы, был связан с лучшей психологической адаптацией. Медиатором в данной взаимосвязи выступало сохранение собственной культуры [11; 12]. Ценности потенциальных эмигрантов из России в Финляндию и воспринимаемая конгруэнтность собственных ценностей с ценностями финнов были взаимосвязаны с предполагаемой успешностью адаптации [30]. Также было выявлено, что мигранты и представители этнических меньшинств с различными аккультурационными предпочтениями различаются по степени совпадения ценностей с представителями большинства. Наибольшее совпадение ценностей демонстрировали респонденты, ориентированные на ассимиляцию, наименьшее совпадение — ориентированные на сепарацию [22].

В нашем исследовании использовалась теория ценностей Ш. Шварца [23]. В теории Шварца ценности рассматриваются как «желаемые, транситуативные цели, различающиеся по степени важности и служащие руководящими принципами в жизни людей» [23, с. 21]. Ценности связаны с универсальным для всех людей набором потребностей. Они могут как находиться в непротиворечивых отношениях друг с другом, так и вступать в противоречия, тогда их называют ценностями-оппозициями. Все ценности могут быть сведены к двум парам ценностей-оппозиций. Первую пару образуют «Открытость изменениям» и «Сохранение», вторую — «Самоутверждение» и «Выход за пределы Я». Ценности «Открытость изменениям» предполагают приоритет самостоятельности в мыслях и действиях, а также готовность к принятию нового опыта. Напротив, ценности

«Сохранение» подразумевают сопротивление переменам и сохранение традиций. В ценностях «Самоутверждение» заложено стремление к достижению личного статуса и успеха в противовес ценностям «Выход за пределы Я», предполагающим заботу об интересах и благе других.

Мы предположили, что индивиды с различающимися аккультурационными предпочтениями будут различаться в своих ценностных приоритетах, поэтому целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи ценностей и стратегий аккультурации.

Ценности «Открытость изменениям» связаны с автономией во взглядах и действиях, поиском новизны. Поэтому данные ценности могут быть позитивно взаимосвязаны со стратегией интеграции, предполагающей обширные межкультурные контакты, а также негативно взаимосвязаны с сепарацией и ассимиляцией, поскольку независимость во взглядах не предполагает «растворения» в культуре «большого» общества, впрочем, как и отказа от собственной культуры.

Ценности «Сохранение» связаны со следованием традициям, поддержанием стабильности группы и общества, гармоничным взаимодействием с другими людьми. Следовательно, данные ценности могут быть взаимосвязаны как с предпочтением стратегии интеграции, так и с предпочтением сепарации, так как обе эти стратегии предполагают сохранение собственной культуры.

Ценности «Самоутверждение» взаимосвязаны с достижением индивидуального успеха, а также с активным поиском ресурсов для достижения статуса в обществе. Данные ценности выражают стремление к власти и предполагают поиск ресурсов для ее достижения. Следовательно, эти ценности могут вести к

предпочтению слияния с группой большинства, обладающей большими ресурсами, т. е. к выбору стратегии ассимиляции. В случае, когда собственная группа воспринимается в качестве достаточно сильной и влиятельной, то здесь возможен выбор стратегии сепарации.

Ценности «Выход за пределы Я» предполагают заботу о других, стремление к кооперации и позитивному взаимодействию со всеми людьми, поэтому здесь возможна взаимосвязь с интеграцией.

Литовский аккультурационный контекст

Поляки и русские являются наиболее многочисленными этническими меньшинствами на территории Литвы. По данным всеобщей переписи населения (2011), в Литве поляки составляют 6,7%, за ними следуют русские — 5,8%. Несмотря на общее преобладание этнических литовцев, в силу исторически сложившейся неравномерности распределения различных этнических групп на территории государства, в некоторых местностях Литвы этнические литовцы не всегда являются численным большинством. Поляки преимущественно проживают в Восточной Литве, являясь к тому же численно доминирующей этнической группой в нескольких регионах вблизи от Вильнюса. Русские являются более урбанизированными и проживают, как правило, в городах [16].

В 1989 г., после отделения Литвы от Советского Союза и провозглашения независимости, был принят Закон о гражданстве, в соответствии с которым все жители Литвы приобретали право на гражданство (так называемый «нулевой» вариант гражданства). Более 90%

нелитовцев воспользовались этой возможностью и получили гражданство. Впоследствии правила получения гражданства стали более строгими [10; 21]. Несмотря на то, что официальная политика Литвы в отношении этнических меньшинств является достаточно благоприятной, «...этническое понимание нации имеет глубокие корни» [16, с. 7]. В результате среди этнических меньшинств до сих пор возникает беспокойство по поводу «литуанизации» процесса школьного обучения [21], дискриминации на рынке труда и угрозы ассимиляции [10]. Исследователи также отмечают существование неравномерности в распределении власти между этническими группами [16].

В фокусе нашего исследования оказалось молодое поколение представителей этнических меньшинств, т. е. те, кто родился, социализировался и стал участником аккультурационного процесса уже после распада Советского Союза в независимом Литовском государстве. Нас интересовало, какая мотивация будет взаимосвязана со стратегиями аккультурации данного поколения.

Метод

Участниками исследования стали 298 представителей этнических меньшинств из Вильнюса и Вильнюсского района. Выборку составили 169 русских и 129 поляков в возрасте от 14 до 21 года, 43,6% юношей и 55,4% девушек.

В исследовании использовались русская и польская версии опросника MIRIPS (проект «Mutual Intercultural Relations in Plural Societies») [18] и опросника ценностей PVQ-R2 уточненной теории ценностей Ш. Шварца [2; 25].

Использованные шкалы

Ценности. Для измерения 19-ти индивидуальных ценностей использовался опросник PVQ-R2 (Portrait Values Questionnaire — Revised) на русском языке для русских [2; 25], и на польском языке для поляков [7]. Опросник состоит из 57 утверждений, сформулированных в виде вербального портрета человека. Каждое утверждение описывает человека с точки зрения его целей и отражает ценность, которая является для него важной. Респонденты по шестибальной шкале оценивают, насколько описанный человек похож на них самих («1» — совсем не похож на меня, «6» — очень похож на меня). Например, «Быть богатым очень важно для него» (ценности «Власть-ресурсы»), «Для него важно, чтобы никто никогда не мог его пристыдить» (ценности «Репутация»). Каждой из 19-ти ценностей соответствуют три утверждения. Впоследствии 19 ценностей были сведены к четырем ценностям высшего уровня: «Открытость изменениям» (показатель α Кронбаха составил 0,81), «Сохранение» ($\alpha = 0,77$), «Самоутверждение» ($\alpha = 0,64$) и «Выход за пределы Я» ($\alpha = 0,63$).

Аккультурационные предпочтения. Шкала включала по четыре утверждения для каждого из четырех аккультурационных предпочтений: интеграции ($\alpha = 0,69$), ассимиляции ($\alpha = 0,72$), сепарации ($\alpha = 0,70$), маргинализации ($\alpha = 0,62$). Использовалась пятибалльная шкала Лайкерта («1» — абсолютно не согласен, «5» — абсолютно согласен). Примеры: «Русские/поляки, проживающие в Литве, должны владеть в совершенстве и родным, и литовским языками» (интеграция); «Русским/полякам, проживающим в Литве, важнее владеть в совершенстве литовским языком, чем родным» (асси-

миляция); «Русским/полякам, проживающим в Литве, важнее владеть в совершенстве родным языком, чем литовским» (сепарация); «Для русских/поляков, проживающих в Литве не важно владеть в совершенстве ни родным, ни литовским языками» (маргинализация).

Демографические переменные: возраст, пол, этническая принадлежность.

Аккультурационные кластеры

Используя подход Круусвала и коллег [17], мы использовали кластеризацию k -средними для определения принадлежности каждого респондента к одному из четырех аккультурационных кластеров: интеграции, ассимиляции, сепарации и маргинализации. При кластеризации использовались средние значения аккультурационных предпочтений респондентов по каждой из шкал. Наибольшее количество респондентов попало в кластер, соответствующий интеграции: 108 человек (71 из них — русские, 37 — поляки); за ним следуют кластеры сепарации — 96 человек (56 русских и 40 поляков), маргинализации — 51 человек (25 русских и 26 поляков), и ассимиляции — 43 человека (17 русских и 26 поляков).

Ценностные профили

Ценности респондентов могут различаться не только в зависимости от их принадлежности к тому или иному аккультурационному кластеру, но и от принадлежности к этнической группе либо русских, либо поляков. Для сравнения профилей ценностей высшего уровня в кластерах и группах использовался одномерный дисперсионный анализ с

повторными измерениями. В качестве межгрупповых факторов выступали группа (2 градации – русские и поляки) и кластер (4 кластера аккультурации); внутригрупповым фактором стали ценности (4 ценности высшего уровня). Анализ выявил значимый основной эффект для ценностей: $F(3, 831) = 34,02$, $p < .001$, $\eta^2 = 0,11$, при этом для группы и кластера эффекты не были выявлены: $F(1, 277) = 2,87$, $p = 0,09$, $\eta^2 = 0,01$ и $F(3,277) = 1,94$, $p = 0,10$, $\eta^2 = 0,02$ соответственно. Выявлены значимые эффекты взаимодействия ценностей и группы: $F(3, 831) = 6,08$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,02$, ценностей и кластера: $F(9, 831) = 2,05$, $p = 0,03$, $\eta^2 = 0,02$. Эффект взаимодействия ценностей, группы и кластера оказался незначимым: $F(9, 831) = 1,33$, $p = 0,22$, $\eta^2 = .01$.

В нашем случае рассмотрение эффектов взаимодействия ценностей и кластера, а также взаимодействия ценностей, группы и кластера является наиболее важным. Если взаимодействие ценностей и кластера дает значимый эффект, то это означает, что респонденты из разных ак-

культурационных кластеров различаются по их ценностным предпочтениям. То, что эффект взаимодействия ценностей, группы и кластера оказался незначимым, свидетельствует о том, что внутри кластеров нет значимых различий в ценностных предпочтениях в зависимости от этнической группы, несмотря на то, что группы все же несколько различаются в ценностях, что показал выявленный эффект взаимодействия ценностей и группы.

Процедура одномерного дисперсионного анализа (ANOVA), проведенная отдельно для каждой из четырех ценностей высшего уровня с кластером и группой, используемых в качестве межгрупповых факторов, выявила только значимый основной эффект кластера для ценностей Самоутверждения: $F(3, 285) = 3,67$, $p = 0,01$, $\eta^2 < 0,05$. Средние значения ценностей высшего уровня в каждом из кластеров приведены в табл. 1. Последующие апостериорные тесты выявили, что у респондентов в кластере ассимиляции выраженность ценностей «Самоутверждение» значимо выше, чем у респондентов в кластере интеграции.

Таблица 1

Средние значения ценностей высшего уровня в аккультурационных кластерах

Кластер	Ценности							
	«Открытость изменениям»		«Сохранение»		«Выход за пределы Я»		«Самоутверждение»	
	М	М	М	SD	М	SD	М	SD
Интеграция	4,24	0,41	3,83	0,41	4,13	0,33	3,80 ^a	0,55
Ассимиляция	4,18	0,33	3,77	0,37	4,04	0,29	4,06 ^b	0,50
Сепарация	4,21	0,47	3,81	0,40	4,11	0,34	3,87	0,46
Маргинализация	4,30	0,43	3,72	0,55	4,05	0,36	3,97	0,60

Примечание: Средние в одинаковом столбце с различными индексами указывают на значимость различий, выявленных в апостериорных тестах (использовался критерий Тьюки, уровень значимости 0,05).

Другим способом, также позволяющим определить взаимосвязь между индивидуальными ценностями и аккультурационными предпочтениями, может выступать корреляционный анализ. В табл. 2 представлены его результаты для ценностей и аккультурационных предпочтений.

Как видно из представленной таблицы, результаты корреляционного анализа подтверждают результат, полученный для ценностей «Самоутверждение» при сравнении кластеров. Ценности «Самоутверждение» отрицательно взаимосвязаны с интеграцией и положительно — с ассимиляцией. В аккультурационном кластере интеграции выраженность ценностей «Самоутверждение» респондентов также оказалась ниже, чем в кластере ассимиляции. Корреляционный анализ дополнительно выявил отрицательные взаимосвязи ценностей «Открытость изменениям» с ассимиляцией и сепарацией.

Обсуждение результатов

Целью нашего исследования был поиск взаимосвязей между индивидуальными

ми ценностями респондентов и выбором ими стратегий аккультурации. Несколько таких взаимосвязей нам удалось найти.

В частности, исследование показало, что существуют значимые различия в ценностях «Самоутверждение» между респондентами, предпочитающими стратегию интеграции, и респондентами, ориентированными на ассимиляцию. Данный результат был дополнительно подтвержден при помощи корреляционного анализа. Проведенный дополнительный анализ для отдельных ценностей, входящих в состав ценностей «Самоутверждение» («Власть-доминирование», «Власть-ресурсы» и «Достижение»), показал, что различия обусловлены различием в ценности «Власть», а по ценности «Достижение» респонденты из различных кластеров не различаются. Следует отметить, что ценности «Власть» предполагают стремление к социальному статусу и престижу, тогда как ценности достижения предполагают постановку целей и стремление к их достижению.

Так же как и стратегия интеграции, стратегия ассимиляции предполагает принятие культуры «большого» общества и активное участие в контактах с

Таблица 2
Корреляции индивидуальных ценностей и аккультурационных предпочтений

Кластер	Ценности			
	«Открытость изменениям»	«Сохранение»	«Выход за пределы Я»	«Самоутверждение»
Интеграция	0,106	0,035	0,034	-0,147*
Сепарация	-0,117*	0,034	-0,011	0,060
Ассимиляция	-0,131*	0,041	-0,075	0,137*
Маргинализация	-0,051	-0,080	0,005	0,113

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$.

группой большинства. Основное различие — это желание сохранять культуру своей группы или его отсутствие. Наши результаты показывают, что для молодых представителей этнических меньшинств Литвы средством достижения личного успеха, власти и статуса может казаться выбор стратегии ассимиляции, т. е. присоединение к доминирующей группе и отказ от собственной культуры. Данный путь является более простым и требующим меньших усилий, чем интеграция, предполагающая личностную активность, позволяющую принять и освоить культуру «большого» общества, а также поддерживать собственную.

Для ценностей «Открытость изменениям» отрицательные взаимосвязи со стратегиями ассимиляции и сепарации были обнаружены только в корреляциях.

Ни для ценностей «Сохранение», ни для ценностей «Выход за пределы Я» взаимосвязи с аккультурационными предпочтениями обнаружены не были. Данный результат можно объяснить особенностями нашей выборки: мы проводили исследования только среди молодежи, для которой ценности, выражающие интересы группы, а не личности, могут оказаться не столь важными при выборе стратегий аккультурации, как для старшего поколения [6; 28]. Данный вопрос требует дополнительной проверки.

В проведенном в Бельгии исследовании было показано, что ценности сепаративности и конформизма могут быть взаимосвязанными с аккультурацией и адаптацией мигрантов [11]. У нас нет возможности для прямого сопоставления результатов данного исследования с полученными нами, поскольку в исследованиях использовались различающиеся подходы к измерению ценностей и стратегий аккультурации. Однако в

контексте Литвы различия в ценностях «Сохранение» (которые включают в себя ценности «Конформизм» и «Традиция») для респондентов с разными аккультурационными предпочтениями найдены не были. Для ценностей «Открытость изменениям» (включающих ценности «Самостоятельность») были найдены слабые отрицательные корреляции со стратегиями сепарации и ассимиляции.

Поэтому мы считаем, что необходима проверка выявленных взаимосвязей в других культурных контекстах, а также при изучении аккультурационных установок большинства.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что представители русской и польской молодежи Литвы, предпочитающие стратегии интеграции и ассимиляции, различаются по выраженности ценностей «Самоутверждение»: в кластере ассимиляции средние значения этих ценностей оказались значимо выше. Также обнаружены отрицательные взаимосвязи ценностей «Открытость изменениям» со стратегиями ассимиляции и сепарации. Для ценностей «Сохранение» и «Выход за пределы Я» предполагаемых взаимосвязей выявлено не было.

Наше исследование также показало, что использование теории ценностей может быть полезным при исследовании аккультурационных предпочтений этнических меньшинств. Мы считаем, что выявление мотивации, лежащей за выбором как более успешных с точки зрения адаптации стратегий, так и менее успешных, может дать дополнительную информацию при изучении аккультурационного процесса.

Финансирование

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Григорьев Д.С. Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 71–85. doi:10.17759/chp.20151110109
Grigor'ev D.S. Vzaimosvjaz' vyrazhennosti jetniceskoj identichnosti i akkul'turacionnyh ustanovok migrantov s urovnem ih sociojekonomicheskoj adaptacii [Relationship between Ethnic Identification and Acculturation Attitudes of Immigrants with Level of Their Socio-Economic Adaptation]. *Kul'turno-istoricheskaja psikhologija* [Cultural-Historical Psychology]. 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 71–85. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/chp.20151110109
2. Шварц Ш.Х., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
Shvartz Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaja teorija bazovyh individual'nyh cennostej: primenenie v Rossii [A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2012. Vol. 9, no. 2, pp. 43–70. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Berry J. Psychology of acculturation. In J. Berman (Ed.). Cross-cultural perspectives: Nebraska Symposium on motivation. Vol. 37. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1990. P. 201–34.
4. Berry J.W., Sabatier C. Acculturation, discrimination and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris // International Journal of Intercultural Relations, 2010. 34(3). P. 191–207. doi:10.1016/j.ijintrel.2009.11.007
5. Berry J.W., C. Sabatier C. Variations in the assessment of acculturation attitudes: Their relationships with psychological wellbeing // International Journal of Intercultural Relations, 2011. 35. P. 658–669. doi:10.1016/j.ijintrel.2011.02.002
6. Boehnke K., Hadjar A., Baier A. Parent-Child Value Similarity: The Role of Zeitgeist // Journal of Marriage and Family. 2007. 69 (3). P. 778–792. doi: 10.1111/j.1741-3737.2007.00405.x
7. Ciecuch J. Pomiar wartości w zmodyfikowanym modelu Shaloma Schwartza // Psychologia Społeczna, 2013. 1 (24). P. 22–41.
8. Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. Values and Support for Immigration: A Cross-Country Comparison // European Sociological Review. 2008. Vol. 24. Is. 5. P. 583–599. doi: 10.1093/esr/jcn020
9. Gezentsvey M., Ward C. Unveiling agency: A motivational perspective on acculturation and adaptation // R. Sorrentino S. Yamaguchi (Eds.). Handbook of motivation and cognition across cultures. San Diego: Elsevier, 2008. P. 213–236. doi:10.1016/B978-0-12-373694-9.00010-6

10. *Glăvan O.-R., Andrievschi-Bartkiene L.* Multiculturalism versus Nationalism and the role of ethnic minorities in the public life of Lithuania // *Romanian Journal for Baltic and Nordic Studies/Revista Romana de Studii Baltice si Nordice*. 2012. Vol. 4. Is. 2. P. 73–86.
11. *Güngör D.* The interplay between values, acculturation and adaptation: A study on Turkish-Belgian adolescents // *International Journal of Psychology*. 2007. 42 (6). P. 380–392. doi: 10.1080/00207590600878657
12. *Güngör D., Bornstein M.H.* Gender, Development, Values, Adaptation, and Discrimination in Acculturating Adolescents: The Case of Turk Heritage Youth Born and Living in Belgium // *Sex Roles: A Journal of Research*. 2009. 60(7). P. 537–548. doi: 10.1007/s11199-008-9531-2
13. *Hitlin S., Piliavin J.A.* Values: Reviving a Dormant Concept // *Annual Review of Sociology*. 2004. 30. P. 359–393. doi: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110640
14. *Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T.* Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. 37. P. 1423–1440. doi:10.1080/1369183X.2011.623617
15. *Jasinskaja-Lahti, I., Liebkind K., Horenczyk, G., Schmitz P.* The interactive nature of acculturation: perceived discrimination, acculturation attitudes and stress among young ethnic repatriates in Finland, Israel and Germany // *International Journal of Intercultural Relations*. 2003. 27 (1). P. 79–97. doi:10.1016/S0147-1767(02)00061-5
16. *Kasatkina N., Beresnevičiūtė V.* Ethnic Structure, Inequality and Governance of the Public Sector in Lithuania // *Etniškumo studijos. Socialinių tyrimų institutas*. 2010. № 1. Vilnius: Eugrimas. P. 7–25.
17. *Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W.* The Strategies of Inter-Ethnic Adaptation of Estonian Russians // *Studies of Transition States and Societies*. 2009. Vol. 1. Is. 1. P. 3–24.
18. MIRIPS Questionnaire [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips/mirips-questionnaires-and-presentations/MIRIPSquestionnaire.pdf> (дата обращения: 24.08.2016).
19. *Piontkowski U., Rohman A., Florack A.* Concordance of acculturation attitudes and perceived threat // *Group Processes and Intergroup Relations*, 2002. № 5. P. 221–232. doi:10.1177/1368430202005003003
20. *Pisarenko, O.* The acculturation modes of the Russian-speaking adolescents in Latvia: perceived discrimination and knowledge of the Latvian language // *Europe- Asia Studies*, 2006. Vol. 58(5). P. 751 – 773. doi:10.1080/09668130600732100
21. *Potashenko G.* Russians of Lithuania (1990–2010): integration in civil society // *Ethnicity. Russian minorities in the Baltic states*. № 3. Daugavpils: Daugavpils University, 2010. P. 98–109.
22. *Schiefer D., Möllering A., Daniel E.* Cultural Value Fit of Immigrant and Minority Adolescents: The Role of Acculturation Orientations // *International Journal of Intercultural Relations*. 2012. 36. P. 486–497. doi:10.1016/j.ijintrel.2012.02.001
23. *Schwartz S.H.* Are there Universal Aspects in the Structure and Content of Human Values? // *Journal of Social Issues*. 1994. 50. P. 19–45. doi:10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x

24. *Schwartz S.* Basic Values: How They Motivate and Inhibit Prosocial Behavior // *Prosocial Motives, Emotions, and Behavior: the Better Angels of Our Nature* / Ed. by M. Mikulincer, P. Shaver. Washington: American Psychological Association Press, 2010. P. 221–241. doi:10.1037/12061-012
25. *Schwartz S. H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lonnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M.* Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. № 103. P. 663–688. doi:10.1037/a0029393
26. *Tartakovsky E.* Factors affecting immigrants' acculturation intentions: A theoretical model and its assessment among adolescent immigrants from Russia and Ukraine in Israel // *International Journal of Intercultural Relations*. 2012. 36. P. 83–99. doi:10.1016/j.ijintrel.2011.02.003
27. *Tartakovsky E., Schwartz S.H.* Motivation for emigration, value priorities, psychological well-being, and cultural identifications among young Russian Jews // *International Journal of Psychology*. 2001. 36(2). P. 88–99. doi:10.1080/00207590042000100
28. *Vollebergh W., Iedema J., Raaijmakers Q.* Intergenerational Transmission and the Formation of Cultural Orientations in Adolescence and Young Adulthood // *Journal of Marriage and Family*. 2001. Vol. 63(4). P. 1185–1198. doi: 10.1111/j.1741-3737.2001.01185.x
29. *Ward C., Rana-Deuba A.* Acculturation and adaptation revisited // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1999. 30(4). P. 422–442. doi:10.1177/0022022199030004003
30. *Yijälä A., Lönnqvist J.-E., Jasinskaja-Lahti I., Verkasalo M.* Values as Predictors of Anticipated Socio-cultural Adaptation Among Potential Migrants from Russia to Finland // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 22 (2). P. 95–110. doi:10.1002/casp.1104

Assimilation or Integration: the role of self-affirmation values

T.A. RYABICHENKO*,
Moscow, Russia, tryabichenko@hse.ru

This study examines the role of ethnic minorities' values in preferences for different acculturation strategies. We used Berry's bidimensional model of acculturation, and Schwartz's refined theory of 19 basic values. We hypothesized that individual values associate with acculturation preferences of ethnic minorities'. The sample consisted of two groups of adolescents, Russians and Poles, aged from 15 to 21 years old (N = 298). Using k-means clustering we assigned participants in four acculturation clusters: integration, assimilation, marginalization, and separation. Profiles, which correspond to the four Schwartz higher-order values across clusters and groups, were compared through ANOVA measures. The analysis has shown that participants in the assimilation cluster scored significantly higher on Self-Enhancement than participants in the integration cluster.

Keywords: acculturation preferences, Schwartz' values, ethnic minorities.

Funding

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project '5-100'.

For citation:

Ryabichenko T.A. Assimilation or Integration: the role of self-affirmation values. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 93–104. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070307

* *Ryabichenko Tatiana A.* – Junior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation, tryabichenko@hse.ru

Зависимость от компьютерных онлайн-игр как разновидность аддиктивного поведения

О.В. ЗАРЕЦКАЯ*,
Москва, Россия, bazeda@bk.ru

В статье рассматривается зависимость от компьютерных онлайн-игр как разновидность аддиктивного поведения, анализируются различные точки зрения исследователей на проблему. Приводятся результаты эмпирического исследования личностных и поведенческих особенностей игроков, которое позволило обнаружить статистически значимые различия по таким характеристикам, как локус контроля (интернальность/экстернальность) и копинг-поведение. В группе игроков уровень интернальности оказался ниже, чем в контрольной группе, а частота выбора копинг-стратегии избегания — выше. Также была обнаружена взаимосвязь между этими показателями: уровень интернальности отрицательно коррелирует с частотой выбора стратегии избегания. Эти данные позволяют говорить о том, что в основе формирования аддиктивного поведения, в частности зависимости от компьютерных онлайн-игр, может лежать такой фактор, как осознание степени ответственности за свою жизнь, возможности влиять на ее течение. Данные результаты открывают новые перспективы для последующего исследования проблемы компьютерной и интернет-зависимости. Помимо эмпирических данных, полученных в результате авторского исследования, в работе анализируются известные теоретические концепции и практические работы в области интернет-зависимости, копинг-поведения и локуса контроля.

Ключевые слова: интернет-зависимость, копинг-поведение, копинг-стратегии, локус контроля, интернальность, экстернальность, межличностное взаимодействие.

Зависимость от компьютерных онлайн-игр представляет собой феномен аддиктивного поведения в рамках проблемы интернет-зависимости и является актуальным объектом иссле-

дования многих современных ученых в разных областях науки. Рассмотрим различные точки зрения на проблему зависимости от компьютерных онлайн-игр.

Для цитаты:

Зарецкая О.В. Зависимость от компьютерных онлайн-игр как разновидность аддиктивного поведения // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С.105–120. doi:10.17759/sps.2016070308

* Зарецкая Ольга Владимировна — магистрант, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, bazeda@bk.ru

К.С. Янг определяет зависимость от компьютерных онлайн-игр как пристрастие к онлайн-видеоиграм, ролевым играм или любым другим формам игровой активности, доступным в интернете [20], и приводит ряд симптомов, характерных, по ее мнению, для этого вида аддикции:

- чрезмерная увлеченность, поглощенность игрой;
- ложь или утаивание факта участия в онлайн-играх;
- ненормированность времени, затрачиваемого на этот вид деятельности;
- потеря интереса к другим видам деятельности;
- социальная самоизоляция от семьи и друзей;
- психологический дискомфорт вне игры или при невозможности быть в игре;
- использование игры в качестве средства ухода от реальности;
- продолжение игры вопреки наличию негативных последствий.

К.С. Янг считает, что зависимости от компьютерных игр особенно подвержены люди подросткового и юношеского возраста. Среди факторов риска возникновения компьютерно-игровой аддикции она выделяет следующие: низкая самооценка, малочисленность и бедность социальных контактов, высокий интеллект и творческий потенциал личности, потребность в признании собственной силы другими людьми, ранний возраст начала игры, наличие зависимого поведения у других членов семьи.

В терапевтической работе с аддиктами и их семьями в Центре помощи интернет-зависимым особое внимание уделяют объединению усилий семьи и ее сплочению (забота друг о друге, совместная деятельность, активный образ

жизни, четкие правила и планирование времени). Это в целом перекликается с эмпирическим исследованием специфики семейных взаимоотношений, интернет-зависимых [16], что позволяет говорить о социогенной природе формирования зависимости от компьютерных онлайн-игр.

Существует также представление, будто бы сами игры созданы с применением некоторых психотехник, формирующих привыкание к ним. Журналисты и популярные психологи пугают обывателей провокационными статьями [19], искажая факты и преувеличивая возможный вред от этого вида развлечений. Тем не менее, научных исследований, позволяющих подтвердить или опровергнуть опасность компьютерных игр для человека, также не существует.

На сегодняшний день достоверно известно, что компьютерные игры строятся на принципах необихевиоризма, а конкретно — на различных комбинациях режимов подкрепления. Скиннеровскую модель оперантного обусловливания в 2002 г. переложил на геймдизайн американский психолог Дж. Хопсон. Нельзя сказать, что его работа «Behavioral game design» [17] явилась новым словом в создании компьютерных игр. Эта работа до сих пор вызывает оживленные дискуссии в игровой индустрии, касающиеся, в первую очередь, этичности использования бихевиоральных приемов в игровой механике. Поскольку режимы подкрепления заложены в самой сути компьютерной игры независимо от того, осознает это геймдизайнер или нет, использует ли он теорию оперантного обусловливания или не использует. Вопрос скорее заключается в том, этично ли использовать режимы подкрепления с целью получить определенную модель поведения игроков.

Ответить на этот вопрос не так-то просто, поскольку современные компьютерные игры представляют собой коммерческий продукт, направленный, в первую очередь, на извлечение прибыли. И, как любой коммерческий продукт, они содержат в себе большое количество маркетинговых приемов, которые точно так же строятся на психотехниках. Следовательно, этика использования бихевиоральных принципов в процессе создания игры вызывает сомнения и отходит на второй план, но приемы «принудительной монетизации» [18], основанные на тех же самых принципах, не вызывают ни сомнений, ни споров и активно используются в игровой индустрии как современный тренд.

Тем не менее, подобные уловки гейм-дизайнеров вряд ли могут считаться первопричиной формирования зависимости от компьютерных игр. К тому же у самих создателей нет цели «посадить на крючок» как можно большее количество людей и заставить их играть вечно по той простой причине, что не хватит никаких производственных мощностей для того, чтобы содержать постоянно растущую армию геймеров. Количество обитателей игрового сервера редко достигает критической для его производительности величины, но должно поддерживаться на определенном уровне для сохранения экономической эффективности проекта. По теории монетизации продолжительность «жизни» (т. н. LTV – Lifetime Value) игрока в одном проекте редко достигает полутора лет. Поэтому основной задачей разработчиков является максимальное извлечение прибыли из игрока на протяжении этой его недолгой «жизни» и перманентное привлечение новых и новых потребителей, что опять же свидетельствует о социально-экономической привлекательности феномена за-

висимого поведения как такового. И это должно переводить исследовательский интерес в область последствий воздействия маркетинговых технологий на человеческую психику.

Возвращаясь к зависимости от компьютерных онлайн-игр, следует отметить, что А.Е. Войскунский рассматривает игровую деятельность в интернет-среде, как и любую другую игровую деятельность, в качестве необходимой составляющей деятельности человека в целом [1]. Подобно любой другой игре игра в интернете может выступать необходимым условием развития личности. «“Проигрывая” в разных сообществах игроков разные личности, — пишет он, — индивид лучше, чем прежде, познает себя и, по сути, проходит тренинг личностного развития» [5, с. 11]. Однако по мнению философа И.Е. Гутмана, виртуальные игры хотя и удовлетворяют большинству характеристик игры, причисляться к играм должны с большими оговорками, поскольку являются скорее новой, интерактивной формой искусства, где человек «...выступает не пассивным зрителем, а квазиактивным соучастником» [19, с. 175].

В работе «Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных ролевых онлайн-игр» [13] приводится подробный разбор механизмов удовлетворения различных потребностей личности в контексте многопользовательской ролевой игры «Аллоды Онлайн», сопровождаемый исследованием мотивационно-потребностной сферы игроков этого проекта. Его результаты показывают наличие высокого уровня мотивации к самореализации у игроков с длительным стажем. Этот факт может толковаться в пользу описанного выше мнения А.Е. Войскунского.

Дж. Семпси в обзорной работе по исследованиям социально-психологических феноменов в играх типа MUD (Multi User Dungeon) отмечает следующие фактические находки.

- Раскрепощенность — люди менее сдержанны в общении, опосредованном игрой. Этот феномен объясняют, с одной стороны, анонимностью, присущей интернет-взаимодействию в целом, а с другой, — отсутствием социального контекста реального общества.

- Различия в поведении мужчин и женщин — женщины чаще, чем мужчины, используют «смайлы» и другие эмоционально-графические акценты в общении, более тепло относятся к чужим персонажам, а также свободнее по сравнению с реальной жизнью ведут себя во взаимодействии, но более склонны к конфликтным провокациям и «выяснению отношений» [5]. Женщины, как правило, берут на себя подчиненную роль в групповом взаимодействии, доминирование и инициатива принадлежат мужчинам. Общение мужчин носит более формальный и фактический характер, касающийся в основном игровой деятельности, а суждения выглядят более жестко и безапелляционно.

- Пол персонажа зачастую не соответствует полу игрока, причем, как правило, это не связано ни с гомосексуальностью, ни с трансвестизмом. Мужчины чаще выбирают в качестве аватара женских персонажей, женщинам же не свойственно выступать в роли мужских, такие случаи крайне редки.

- Феномен множественной идентичности — «открытие себя заново» в многопользовательской среде. Большинству игроков свойственно иметь несколько идентичностей (различных имен, ролей и характеров в разных игровых средах).

- Дружелюбие — в виртуальном пространстве люди более дружелюбны по отношению друг к другу, выше степень сплоченности и сотрудничества групп. Однако партнеры по взаимодействию обычно не склонны обмениваться интимной и личностной информацией, что, тем не менее, не мешает сокращению социальной дистанции.

- Зависимость — патологическое пристрастие к игре в ущерб реальной жизни.

Таким образом, можно сказать, что существуют как минимум две противоположные точки зрения, каждая из которых представляет собой крайность, а потому не может приниматься всерьез. Игровая деятельность в интернет-среде, вероятно, являет собой амбивалентный феномен, не исключая ни положительного, ни отрицательного воздействия на личность и психику человека, а ее социальная составляющая должна быть первостепенным предметом глубокого изучения.

Многие исследователи феномена интернет-зависимости отмечают среди прочего его эскапистический характер [5; 11; 20], подразумевая в большинстве случаев такую особенность увлечения интернет-активностью, как избегание реальной жизни, предпочтение ей виртуальности. Эскапизм сам по себе является сложным, многофакторным явлением. Д.Г. Литинская выделяет два типа современного эскапизма: инструментальный — как способ адаптации человека в обществе и экзистенциальный — как сложное философское понятие [13]. Традиционно в психологии имеют дело с инструментальным эскапизмом и разделяют его на конструктивный как форму адаптации и деструктивный как защитное поведение [11]. Таким образом, психологический

эскапизм можно определить как *защитно-совладающее поведение* человека в кризисных ситуациях.

Копинг-поведение определяется как деятельность личности, направленная на восстановление или сохранение баланса между требованиями внешней среды и имеющимися ресурсами, удовлетворяющими эти требования. Это определение включает в себя понятия копинга и как свойства личности, и как способа психологической защиты, поскольку динамический процесс этой деятельности подразумевает под собой и определенные способы реагирования, формирующиеся у личности в процессе социализации, и определенные психологические защиты. Поскольку стрессовые и кризисные ситуации сопровождают человека от рождения и до конца жизни, то и копинг-поведение как деятельность должно быть социально обусловлено и неотрывно от окружающей индивида среды в процессе его социализации. Об этом писал и А.Н. Леонтьев: «...деятельность человека нельзя рассматривать как изъятую из общественных отношений, из жизни общества... <...> ...деятельность каждого отдельного человека зависит от его места в обществе, от условий, выпадающих на его долю, и от того, как она складывается в неповторимых индивидуальных обстоятельствах» [12, с. 293].

Чаще всего выделяют три стратегии защитно-совладающего поведения:

- разрешение проблем — активная поведенческая стратегия, при которой человек направляет все свои личностные ресурсы на поиск эффективных путей преодоления сложившейся ситуации;
- поиск социальной поддержки — активная поведенческая стратегия, при которой человек для эффективного разрешения проблемы обращается за помо-

щью и поддержкой к своему близкому окружению;

- избегание — поведенческая стратегия, при которой человек старается избежать взаимодействия с окружающим миром, уйти от решения возникших проблем.

Следуя логике динамического подхода к копинг-поведению, наиболее эффективным может считаться сочетание всех трех стратегий. Это обусловлено различностью ситуаций, различностью их влияния на каждого конкретного индивида и различностью состояния его внутриличностных ресурсов в конкретный момент актуальной кризисной ситуации. В одном случае та или иная стратегия будет эффективна, а в другом, наоборот, может причинить вред. Тем не менее, выделяют ряд психосоциальных факторов, способствующих адаптации к сложным ситуациям, относительно независимых от характеристик собственно ситуаций. Это индивидуальные особенности личности и свойства его социального окружения.

Таким образом, человек с детства под влиянием социальной среды может интериоризировать как адаптивные, так и дезадаптивные копинг-стратегии и лишь при наличии достаточного количества внутренних ресурсов в более взрослом возрасте способен осознавать и изменять их. В этой логике мы можем проследить формирование копинг-стратегии зависимого поведения как социальной установки. Например, употребление алкоголя — как способ расслабиться, снять стресс, поднять настроение. Хотя эксперименты показывают [3], что сам по себе алкоголь не способен улучшать настроение, легенды об этом его чудодейственном свойстве передаются из поколения в поколение на протяжении столетий и существуют по сей день.

Эскапическую сущность зависимости можно также раскрыть и как реализацию субъект-объектных отношений [8]. В основе субъект-объектного вектора, по мнению авторов этого подхода, лежит отсутствие доверия в отношениях между личностью и ее окружением. В таком случае неодушевленный объект зависимости будет более предпочтителен как способ удовлетворения основных потребностей, поскольку не предполагает выстраивания доверительных взаимоотношений.

Миры компьютерных онлайн-игр, как обладающие набором социальных особенностей, также могут способствовать определенной самореализации игроков. Анонимность личности в сети гарантирует достаточную степень безопасности и, соответственно, возможность более широкого раскрытия личности, а социальность виртуальных сообществ позволяет реализовывать в них всю совокупность связанных с ней потребностей человека. Потребность в принадлежности, уважении, любви, признании — это то, что зачастую очень сложно реализовать в реальном мире многим людям. Но без этого невозможно существование личности. Здесь необходимо отметить, что группы игроков в отдельно взятом игровом проекте зачастую формируются на добровольно-принудительной основе. То есть, групповое взаимодействие предусмотрено сюжетом и механикой игры, следовательно, игроки вынуждены объединяться в сообщества, чтобы иметь возможность полноценно осваивать игровой контент. Таким образом, важно подчеркнуть эту специфику как возможную составляющую субъект-объектного вектора отношений игрок–игра. Игра не в состоянии оторгнуть игрока как другой человек, зато в состоянии безуслов-

но принимать. Для выхода из подобных отношений аддикт–объект для аддикции всегда необходимо волеизъявление только аддикта.

По мнению А.Е. Войскунского, игровая деятельность в интернете как проявление эскапизма может рассматриваться лишь в смысле бегства от Я-реального к Я-идеальному, чтобы впоследствии интериоризировать этот опыт [1]. Д.А. Кутузова также предполагает, что в подростковом возрасте эскапизм, в том числе и в виртуальную реальность, является необходимым процессом развития и самоопределения [11]. Высокий уровень потребности в самореализации игроков проекта «Аллоды Онлайн» [9] можно истолковать по-разному, однако, не выходя за рамки рассматриваемого здесь подхода, зависимость от компьютерных онлайн-игр может представлять собой как конструктивную, так и деструктивную форму эскапизма.

В противовес этому мнению можно привести цитату из работы М.А. Грекова, где он говорит следующее: «Современные компьютерные технологии обеспечивают глубокое погружение в виртуальную реальность. Переживания в компьютерной симуляции воспринимаются нашим сознанием как реальные. Когда компьютерная игра моделирует жизнь человека, то азарт и удовольствие от переживаемых приключений могут превращаться в попытку и привычку псевдореализации в виртуальном мире. Посредством интернет-общения нивелируются границы между реальностью и фантазией, вместо реальных действий происходит их декларация» [6, с. 121] Греков считает, что пропагандируемая в современном обществе культура потребления порождает отчуждение человека от собственной жизни и потребительское

отношение к ней, вследствие чего эскапизм предстает способом преодоления этого отчуждения посредством еще большего отчуждения и перемещения реальности в виртуальность. Автор не дает оценку этому феномену, но в его логике эскапизм имеет скорее негативный характер, при этом сочетая в себе и защитное, и совладающее поведение.

Е.П. Белинская, автор исследования взаимосвязи интернет-зависимости и защитно-совладающих стратегий поведения, отмечает некоторую специфику последних [2]. Так, гипотеза о предпочтении неадаптивных стратегий совладания группой интернет-зависимых подтвердилась лишь частично. Инструкция к опроснику позволяла испытуемым конкретизировать характер трудной ситуации, в отношении которой они отвечали на вопросы методики. По результатам такой конкретизации оказалось, что интернет-зависимые, отметившие в качестве трудной ситуации «проблемы, связанные с отношениями в игре», предпочитали конструктивные стратегии совладания, а указавшие в качестве трудных ситуаций из реальной жизни чаще выбирали стратегии избегания и дистанцирования.

Таким образом, представленные позиции различных исследователей дают основание полагать, что интернет-зависимость в целом и зависимость от компьютерных онлайн-игр в частности помимо прочих предпосылок для формирования имеют в своем основании определенную специфику устройства современного общества как такового, которая способствует проявлению феномена эскапизма как защитно-совладающей стратегии поведения. Что же касается влияния интернет-деятельности на психику и сознание человека, то оно, бесспорно, существует, однако определить

его характер на сегодняшний день не представляется возможным. Эпоха информационных технологий, как некогда эпоха письменности или эпоха книгопечатания, безусловно, изменит человека и общество, это неизбежно. Но сейчас более важным представляется рассмотреть некоторые аспекты поведения игроков, выявленные с помощью эмпирического исследования.

Эмпирическое исследование

В исследовании особенностей поведения и его личностной составляющей у людей, увлекающихся компьютерными онлайн-играми, приняли участие 70 человек от 18 до 40 лет, из них — 40 мужчин и 30 женщин. Группа игроков со стажем более 1 года (далее — ИГр) составила 38 человек; контрольная (далее — КГр) — 32 человека. В контрольной группе участвовали респонденты, имеющие незначительный игровой опыт или не имеющие такового вовсе. Гендерный состав групп: ИГр — 30% женщин, 70% мужчин, что в целом соотносится с данными других исследователей; КГр — 60% женщин, 40% мужчин.

Целью исследования было изучение особенностей поведения и его личностной составляющей у людей, увлекающихся компьютерными онлайн-играми. В качестве **основной гипотезы** было выдвинуто предположение о том, что игроки могут обладать некоторыми особенностями поведения и его личностной составляющей по сравнению с контрольной группой. В частности, игроки предположительно более склонны избегать разрешения сложных жизненных ситуаций, а также имеют более выраженную экстернальность. **Объектом исследова-**

ния выступила зависимость от компьютерных онлайн-игр, **предметом** — особенности поведения и его личностной составляющей у людей, увлекающихся компьютерными онлайн-играми.

В исследовании были использованы следующие **методики**: «Индикатор копинг-стратегий» Н.А. Сироты, В.М. Ялтонского [14], «Уровень субъективного контроля» (далее — УСК) Е.Ф. Бажина, Е.А. Гольнкиной, А.М. Эткинда [15], а также общая анкета, позволяющая описать социальный портрет испытуемых.

Результаты исследования

В результате проделанной работы были выявлены значимые различия по всем шкалам методики «Уровень субъективного контроля». Медианные значения общей интернальности (далее — Ио) по группам: ИГр = 5, КГр = 7, $p = 0,003$.

Распределение испытуемых в группах по уровню Ио с помощью коэффициента Хи-квадрат Пирсона показано на рис. 1. На графике видно, что в контрольной группе интернальность выше, поскольку основная масса игроков (97%) имеют средний и низкий уровень Ио. В контрольной группе распределение имеет более равномерный характер, 73% испытуемых имеют средний и высокий уровень Ио.

Анализ результатов методики «Индикатор копинг-стратегий» показал существенные различия между группами испытуемых по частоте выбора стратегии избегания (далее — ИП), $p = 0,004$. При этом существенных различий в частоте выбора стратегий разрешения проблем и поиска социальной поддержки выявлено не было. То есть такое копинг-поведение используется испытуемыми из обеих групп примерно с одинаковой частотой.

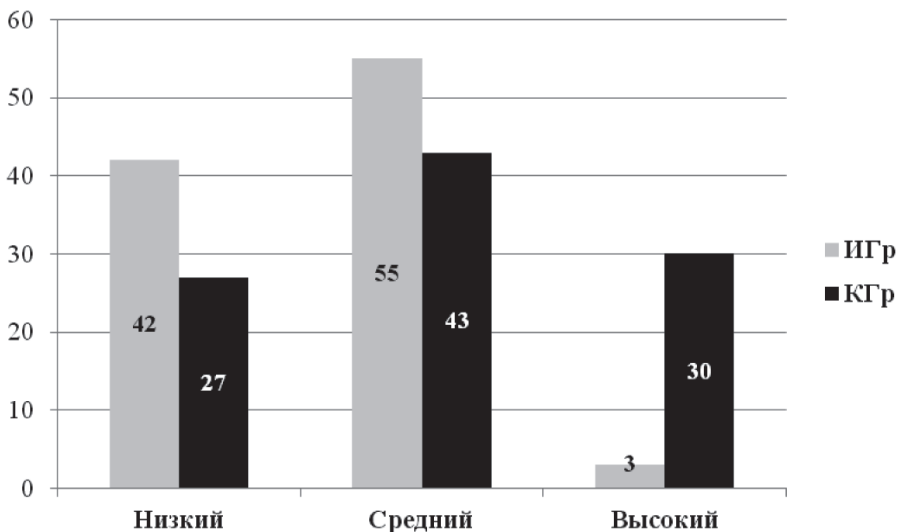

Рис. 1. Уровень общей интернальности (в %) в группах респондентов с разным отношением к онлайн-играм

С помощью коэффициента корреляции Спирмена была выявлена устойчивая обратная взаимосвязь между уровнем общей интернальности и шкалой избегания решения проблем ($k = -0.323$, $p = 0,006$).

Обсуждение полученных результатов

Полученные результаты позволяют говорить о том, что игроки с длительным стажем обладают определенными особенностями по сравнению с контрольной группой. Основные различия, выявленные с помощью статистических методов, можно истолковать как устойчивый поведенческий паттерн избегания или неосознанное нежелание разрешать возникающие жизненные трудности в связи с тем, что человек не видит своей активной роли в этой деятельности. Экстернальный локус контроля подразумевает, что события происходят случайным образом и человек не может влиять на их ход. А если неприятности возникают случайным образом, то случайным образом должны и исчезать, поэтому неблагоприятное время можно просто переждать, например, в приятной компании единомышленников (других участников виртуального сообщества). Поскольку стратегия поиска социальной поддержки используется респондентами из обеих групп примерно с одинаковой частотой, можно сказать, что социальную поддержку они используют по-разному: первые — с целью разрешения проблем, а вторые — с целью избегания.

Здесь также интересно отметить результаты исследования особенностей ближайшего окружения (семей) интернет-зависимых, которое позволило вы-

делить следующие характеристики их семейных взаимоотношений [16]:

- низкая степень заботы друг о друге, слабо выраженное чувство принадлежности к семье;
- не принято открыто выражать свои чувства;
- не характерно явное выражение гнева, агрессии и других отрицательных эмоций;
- низкая степень поощрения членов семьи к самоутверждению, независимости и самостоятельности в обдумывании проблем и принятии решений;
- невысокая степень приверженности этико-нравственным ценностям и правилам в семье;
- низкая степень активности членов семьи в социальной, культурной и политической сферах деятельности;
- низкая степень участия в различных видах активного отдыха и спорта;
- отсутствие порядка и организованности в отношении структурирования семейной активности, финансового планирования, ясности и определенности семейных правил и обязанностей.

Эти особенности в целом подтверждают предположение о том, что определенный тип отношений в семье способствует развитию определенных личностных черт у ее членов, которые впоследствии и могут приводить к формированию дезадаптивных, аддиктивных стратегий поведения [4].

Неэффективные семейные сценарии, кроме всего прочего, подвергаются влиянию современной социокультурной обстановки. Научно-технический прогресс, реклама и маркетинговые технологии предоставляют почти неограниченные возможности для реализации аддиктивных форм поведения, которые транслируются через современное искусство.

Сложно представить, например, алкоголизм в обществе, где нет алкоголя и, соответственно, нет рекламы алкоголя, которая обещает рай и блаженство после его употребления. Или интернет-зависимость в обществе, где нет компьютеров и выхода в сеть. Поэтому стоит предположить, что аддиктивная реализация личности во многом обусловлена социокультурной составляющей.

По мнению современных социальных философов, агрессивный и обильный маркетинг, являющийся нормой для настоящего времени, а также продукты современного искусства, куда включаются в том числе и компьютерные игры, влекут за собой формирование феномена отчуждения личности от самой себя [6; 7]. Отчуждение — марксистский экономический термин, в данном случае описывающий не только отношение трудящегося к собственности на средства производства, но и степень принадлежности человека самому себе. Феномен отчуждения также использовался Дж. Роттером при создании теории локуса контроля, поэтому весьма вероятно, что экстернальный локус контроля — это есть высшая форма отчуждения. В этом исследовании была обнаружена взаимосвязь между интернальностью личности и предпочитаемыми стратегиями поведения: на экстернальном полюсе находится высокая частота использования стратегии избегания разрешения проблем. То есть, также вероятно, что эскапическое поведение является прямым результатом отчуждения личности человека от самого себя.

Что касается компьютерных игр, то здесь феномен отчуждения является дискуссионным. С одной стороны, игрок неосознанно идентифицирует себя с игровым персонажем, то есть с кем-то другим,

не с самим собой, но с другой стороны, — подобная идентификация может, наоборот, способствовать более глубокому и искреннему проявлению собственной личности благодаря существующей в виртуальном взаимодействии безопасности. Некоторые игроки действительно отмечают, что виртуальное взаимодействие, игра дают возможность побыть собой в обществе, свободном от многих условностей реального. Приведем цитату из письма, написанного одним из игроков, участвовавших в исследовании: *«<...> в игре открывается твоя натура, без масок, без лицемерия, без комплексов, <...> в игре не будет интересовать людей, кто ты и кем работаешь, тут важен сам человек, именно твоя личность <...>»*. Немаловажным является также и ощущение принадлежности к группе, необходимость быть частью единого целого, чувство сплоченности. Таким образом, мы можем наблюдать парадоксальную ситуацию, когда возвращение к себе происходит посредством максимального отчуждения от себя.

По результатам работы можно сделать следующие **выводы**.

1. Общая тенденция в современной разработке проблемы зависимости от интернета и компьютерных онлайн-игр представляет социально-психологический вектор исследований, включающий в себя такие компоненты, как межличностное взаимодействие и связанную с ним мотивационно-потребностную сферу, фрустрация которой, в свою очередь, может повлечь отчуждение и формирование поведенческого паттерна избегания.

2. Испытуемые из группы игроков показали более высокие результаты в использовании копинг-стратегии избегания при столкновении со сложными

жизненными ситуациями, как и предполагалось в начале исследования.

3. Интернальность у респондентов контрольной группы значительно выше, чем в группе игроков со стажем.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что интернальность как одно из базовых свойств личности тесно взаимосвязана с такими характеристиками, как самооценка личности и ощущение доброжелательности окружающего мира, или потребность в безопасности. Интернальность прямо взаимосвязана с предпочитаемым копинг-поведением. Говоря иными словами, интернальность определяет степень социализации личности и особенности ее межличностного взаимодействия. Интернальность формируется в процессе социализации, первично — в семейных отношениях, основными факторами здесь, предположительно, могут выступать стратегии контроля и защиты, принятые в семье. Неэффективные стратегии могут приводить к трансформации субъект-субъектных отношений в субъект-объектные, которые, по сути, и являются реализацией аддиктивного поведения в рамках социальной психологии.

В заключение проделанной работы хотелось бы отметить, что вопрос о вреде и пользе компьютерных онлайн-игр до сих пор остается открытым. С одной стороны, они являются доступным способом удовлетворения фрустрированных потребностей личности, что само по себе достаточно неплохо. Копинг-стратегия избегания, несмотря на свою, казалось бы, очевидную неэффективность, тем не менее является защитным механизмом, позволяющим если не сохранить психику человека, то хотя бы замедлить ее разру-

шение в заведомо патологических социально-экономических условиях. С другой стороны, аддиктивное поведение не является здоровой формой решения личностных проблем, а зачастую усугубляет имеющиеся и создает новые. Поэтому на данный момент наиболее важным представляется поиск эффективных способов помощи людям, проявляющим признаки зависимого поведения, в частности от компьютерных онлайн-игр. Особенно это касается подростков и молодых людей, так как они наиболее подвержены воздействию маркетинговых технологий и находятся в группе риска.

Зависимость — очень выгодный психологический феномен, с экономической точки зрения. Современное социально-экономическое пространство в России и мире имеет массу возможностей для формирования отчуждения и развития на его почве зависимого поведения. В этом свете совершенно не представляется удивительным факт невозможности медикаментозного излечения какой бы то ни было зависимости, когда даже эти бесплодные попытки приносят немалые прибыли владельцам клиник и фармацевтических компаний. Исследовательская и практическая работа современных социальных психологов должна быть направлена на осознание и преодоление фрустрационного отчуждения, на возврат ответственности за свою жизнь в руки самого человека. Психотерапевтическая работа с зависимым поведением должна быть распространена и общедоступна. Ведь будущее определяется не только научно-техническим, но и общественным прогрессом, который невозможен без осознанности и ответственности за будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смылова О.В.* Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. 432 с.
2. *Белинская Е.П.* Взаимосвязь Интернет-зависимости и стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Ред.-сост. А.Е. Войскунский. М.: Акрополь, 2009. С. 188–197.
3. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
4. *Бурова В.А.* Интернет-зависимость в медицинской парадигме // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Ред.-сост. А.Е. Войскунский. М.: Акрополь, 2009. С. 101–111.
5. *Войскунский А.Е.* Групповая игровая деятельность в Интернете [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 126–132. URL: http://www.psy.msu.ru/science/public/voyskunskiy/voyskunskiy_1999.pdf (дата обращения: 22.06.2016).
6. Греков М.А. Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе: дисс. ... канд. философ. наук. Омск, 2008.
7. Гутман И.Е. Компьютерные виртуальные игры: культурно-антропологические аспекты анализа: дисс. ...канд. философ. наук. СПб., 2009.
8. *Запесоцкая И.В., Никушина В.Б.* Состояние зависимости: метапсихологический подход [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/p2/62045.shtml> (дата обращения: 22.06.2016).
9. *Корсакова Л.И.* Копинг-поведение и защитные механизмы системы адаптации личности [Электронный ресурс] // ТРУДЫ СГА. 2010. № 8. URL: http://www.edit.muh.ru/content/mag/trudy/08_2010/11.pdf (дата обращения: 22.06.2016).
10. *Кутузова Д.А.* Эскапизм как форма самоопределения в подростковом и юношеском возрасте: Тезисы докладов участников конференции «Ломоносов-2001» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/lomonosov/2001/index.html> (дата обращения: 22.06.2016).
11. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга по требованию, 2011. 352 с.
12. *Литинская Д.Г.* Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. 1 (Гуманитарные науки). URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2012_1g/69.pdf (дата обращения: 22.06.2016).
13. *Маринова Т.Ю., Зарецкая О.В.* Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных многопользовательских ролевых онлайн-игр // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 109–119. doi:10.17759/sps.2015060308
14. Методика «Индикатор копинг-стратегий» [Электронный ресурс] // URL: http://psylab.info/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%C2%AB%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80_%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B3-%D1

- %81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B9%C2%BB#.D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B0 (дата обращения: 22.06.2016).
15. Методика «Уровень субъективного контроля» [Электронный ресурс] // URL: http://psylab.info/%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%C2%AB%D0%A3%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8F%C2%BB (дата обращения: 22.06.2016).
16. *Шайдулина А.Ф.* Сравнительное исследование особенностей ближайшего окружения пациентов, страдающих патологической склонностью к азартным играм, и пациентов с компьютерной зависимостью // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Ред.-сост. А.Е. Войскунский. М.: Акрополь, 2009. С. 237–250.
17. *Hopson J.* Behavioral Game Design [Электронный ресурс] // URL: http://www.gamasutra.com/view/feature/131494/behavioral_game_design.php (дата обращения: 22.06.2016).
18. *Shokrizade R.* The Top F2P Monetization Tricks [Электронный ресурс] // URL: http://www.gamasutra.com/blogs/RaminShokrizade/20130626/194933/The_Top_F2P_Monetization_Tricks.php (дата обращения: 22.06.2016).
19. *Wong D.* 5 Creepy Ways Video Games Are Trying to Get You Addicted [Электронный ресурс] [Поймать на крючок по науке] / Пер. И. Якутенко // URL: <http://lenta.ru/columns/2010/08/11/games/> (дата обращения: 22.06.2016).
20. *Young K.S.* When Gaming becomes an Obsession: Help for Parents and their Children to treat Online Gaming Addiction [Электронный ресурс] // URL: <http://netaddiction.com/articles/Online%20Gaming%20Treatment.pdf> (дата обращения: 22.06.2016).

Dependance on online computer games as a type of addictive behaviour

O. V. ZARETSKAYA*,
Moscow, Russia, bazeda@bk.ru

The article discusses the dependence on online computer games as a kind of addictive behavior, analyzing different viewpoints of researchers. The author represents the results of empirical studies of personality and behavioral characteristics of players, which enable to detect statistically significant differences in characteristics such as locus of control (internality / externality) and coping behavior. In the group of players internality level was lower than in the control group, and the frequency of selection of coping strategy avoidance was higher. Moreover, the author found out the correlation between these parameters: the level of internality is negatively correlated with the frequency of selection of avoidance strategies. These data indicate that the one of the basic factors, which forms addictive behavior, in particular, addiction to computer online games, is the consciousness of the degree of responsibility for one's live, of opportunities to influence its course. These results open new perspectives for further study of the problem of computer and Internet addiction. In addition to empirical data, obtained as a result of the author's research, the article analyses well-known theoretical concepts and practical work in the field of Internet addiction, coping behavior and locus of control.

Keywords: Internet addiction, coping behavior, coping strategies, locus of control, internality, externality, interpersonal interaction.

REFERENCES

1. Babaeva Yu.D., Voiskunskii A.E., Smyslova O.V. Internet: vozdeistvie na lichnost' [Internet: impact on individuals]. In Voiskunskiy A.E. (eds.) *Gumanitarnye issledovaniya v Internete [Humanities research on the Internet]*. Moscow: Mozhaisk-Terra, 2000. 432 p. (In Russ.).
2. Belinskaya E.P. Vzaimosvyaz' Internet-zavisimosti i strategii sovladaniya s trudnymi zhiznennymi situatsiyami [The relationship of Internet addiction and coping strategies in difficult life situations]. In Voiskunskiy A.E. (eds.) *Internet-zavisimost': psichologicheskaya priroda i dinamika razvitiya [Internet addiction: psychological nature and dynamics of development]*. Moscow: Akropol', 2009. pp.188–197. (In Russ.).

For citation:

Zaretskaya O.V. Dependance on online computer games as a type of addictive behaviour. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 105–120. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070308

* Zaretskaya Olga V. — MA student, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, bazeda@bk.ru

3. Bratus` B.S. Anomalii lichnosti [Anomalies of personality]. Moscow: Mysl`, 1988.
4. Burova V.A. Internet-zavisimost` v medicinskoj paradigme [Internet addiction in the medical paradigm]. In Voiskunskiy A.E. (eds.) *Internet-zavisimost`: psihologicheskaya priroda i dinamika razvitiya* [Internet addiction: psychological nature and dynamics of development]. Moscow: Akropol`, 2009. pp.101–111
5. Voiskunskii A.E. Gruppovaya igrovaya deyatelnost` v Internete [Elektronnyi resurs] [The group's online activities] // *Psihologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 1999. Vol. 20, no. 1, pp.126–132. URL: http://www.psy.msu.ru/science/public/voyskunskiy/voyskunskiy_1999.pdf (Accessed 22.06.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
6. Grekov M.A. Fenomen eskapizma v medianasyshennom obshestve: Diss. ... kand. filosof. nauk. [The phenomenon of escapism in a media-saturated society. PhD Sci. (Philosophy) diss.]. Omsk, 2008.
7. Gutman I.E. Komp`yuternye virtual`nye igry: kul`turno-antropologicheskie aspekty analiza: Diss. ... kand. filosof. nauk. [Computer-virtual games: cultural and anthropological aspects of the analysis. PhD Sci. (Philosophy) diss.]. St. Petersburg, 2009.
8. Zapesockaya I.V., Nikishina V.B. Sostoyanie zavisimosti: metapsihologicheskii podhod [Elektronnyi resurs] [A state of dependence: the metapsychological approach] // *Klinicheskaya i special'naya psihologiya* [Clinical psychology and special psychology]. 2013, no. 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n2/62045.shtml> (Accessed 22.06.2016). (In Russ.).
9. Korsakova L.I. Koping-povedenie i zashitnye mehanizmy sistemy adaptacii lichnosti [Elektronnyi resurs] [The coping-behaviors and defense mechanisms of the system of an individual adaptation] // *TRUDY SGA* [Proceedings of the SGA]. 2010, no. 8. URL: http://www.edit.muh.ru/content/mag/trudy/08_2010/11.pdf (Accessed 22.06.2016). (In Russ.).
10. Kutuzova D.A. Eskapizm kak forma samoopredeleniya v podrostkovom i yunosheskom vozraste: Tezisy dokladov uchastnikov konferencii «Lomonosov-2001» [Elektronnyi resurs] [Escapism as a form of self-determination in adolescence and early adulthood: Abstracts of the participants of the conference «Lomonosov-2001»]. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/lomonosov/2001/index.html> (Accessed 22.06.2016). (In Russ.).
11. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activities. Consciousness. Personality.]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2011. 352 p.
12. Litinskaya D.G. Tipy sovremennogo eskapizma i fenomen ekzistencial'nogo eskapizma [Elektronnyi resurs] [Types of Modern Escapism and the Phenomenon of Existential Escapism]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Gazette]. 2012. Vol. 1, no. 1 (*Gumanitarnye nauki* [Humanitarian sciences]). URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2012_1g/69.pdf (Accessed 22.06.2016). (In Russ.).
13. Marinova T.Yu., Zaretskaya O.V. Social'no-psihologicheskie aspekty zavisimosti ot komp`yuternyh mnogopol'zovatel'skih onlain-igr [Social Psychological Aspects of Addiction to Massively Multiplayer Online Role`Playing Games] // *Social'naya psihologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. 2015. Vol. 6, no. 3, pp. 109–119. doi:10.17759/sps.2015060308 (In Russ.).
14. Metodika «Indikator koping-strategiy» [Elektronnyi resurs] [The method of «indicator coping strategies»]. URL: <http://psylab.info/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%>

BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%C2%AB%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80_%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B3-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B9%C2%BB#.D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B0 (Accessed 22.06.2016).

15. Metodika “Uroven’ sub’ektivnogo kontrolya” [Elektronnyi resurs] [The method of «subjective control level»] URL: http://psylab.info/%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%C2%AB%D0%A3%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8F%C2%BB (Accessed 22.06.2016).

16. Shaidulina A.F. Sravnitel’noe issledovanie osobennostei blizhaishego okruzheniya pacientov, stradayuschih patologicheskoi sklonnost’yu k azartnym igram, i pacientov s komp’yuternoi zavisimost’iu [The comparative study of features nearest environment of the patients of pathological gamblers, and the patients with computer addiction]. In Voiskunskiy A.E. (eds.) *Internet-zavisimost’: psihologicheskaya priroda i dinamika razvitiya* [Internet addiction: psychological nature and dynamics of development]. Moscow: Akropol’, 2009, pp. 237–250. (In Russ.).

17. Hopson J. Behavioral Game Design [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.gamasutra.com/view/feature/131494/behavioral_game_design.php (Accessed 22.06.2016).

18. Shokrizade R. The Top F2P Monetization Tricks [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.gamasutra.com/blogs/RaminShokrizade/20130626/194933/The_Top_F2P_Monetization_Tricks.php (Accessed 22.06.2016).

19. Wong D. 5 Creepy Ways Video Games Are Trying to Get You Addicted [Elektronnyi resurs] [Poimat’ na kryuchok po nauke] // In I. Yakutenko (trans.). URL: <http://lenta.ru/columns/2010/08/11/games/> (Accessed 22.06.2016).

20. Young K.S. When Gaming becomes an Obsession: Help for Parents and their Children to treat Online Gaming Addiction [Elektronnyi resurs]. URL: <http://netaddiction.com/articles/Online%20Gaming%20Treatment.pdf> (Accessed 22.06.2016).

Влияние на выбор кинофильмов уровня эмоционального напряжения зрителей

Н.Г. ВОСКРЕСЕНСКАЯ*,
Нижний Новгород, Россия, navoskr@mail.ru

Исследуются особенности выбора зрителями киножанров с разными динамическими характеристиками с учетом субъективного восприятия насыщенности жизни во временной перспективе. Студентам, участникам исследования, предлагалось выбрать из 16 фильмов тот, который они в данный момент времени предпочли бы посмотреть. Данный список был предварительно составлен на основании оценок 187 популярных у студентов фильмов. Отобранные фильмы имели статистически-значимые различия по временным и динамическим характеристикам и были хорошо узнаваемы респондентами исследуемой выборки в количестве 60 человек. Студентам также предлагалось дать оценку насыщенности собственной жизни во временной перспективе. Анализ полученных результатов выявил, что предпочтение студентами тех или иных художественных фильмов носит компенсаторный характер. Восприятие своей жизни как скучной и бедной событиями определяет выбор динамичных фильмов со стимулирующей непроизвольного внимания за счет ориентировочного рефлекса и актуализации базовых потребностей. Восприятие своей жизни как динамичной и наполненной переживаниями способствует выбору в пользу обстоятельного киноповествования и стимуляции произвольного внимания за счет актуализации в процессе кинопросмотра социальных потребностей.

Ключевые слова: *временная перспектива, оптимальный диапазон эмоционального напряжения, контент-анализ (КА), психологически напряженное событие, художественный фильм.*

В настоящее время роль киноиндустрии в современном обществе не подлежит сомнению. Кинобестселлеры собирают огромные аудитории людей, желающих приятно провести время, позволяя им отдохнуть, отвлечься от

Для цитаты:

Воскресенская Н.Г. Влияние на выбор кинофильмов уровня эмоционального напряжения зрителей // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 121–134. doi:10.17759/sps.2016070309

* Воскресенская Наталья Геннадьевна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры теории политики и коммуникации, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ФГБОУ ВПО ННГУ), Нижний Новгород, Россия, navoskr@mail.ru

повседневных проблем. Современное киноискусство влияет на особенности восприятия зрителем окружающего мира, создавая некую виртуальную реальность, которая подтверждает или замещает объективную действительность, оказывает мягкое и не всегда осознаваемое воздействие на нравственные идеалы и мировоззренческие позиции [1; 2; 5; 12; 16 и др.]. Художественные фильмы способны корректировать настроение зрителя. Ряд исследователей предполагают, что выбор зрителя часто носит компенсаторный характер, заменяя недостающие в жизни эмоции, помогая расслабиться или снять излишнее возбуждение [12; 13; 15; 19]. При этом для того, чтобы получать удовольствие при просмотре кино, эмоции не должны быть чрезмерными [18]. Существует некий диапазон эмоционального напряжения художественного киносюжета, который вызывает чувство удовлетворения у зрителя. Отклонение от этого уровня в ту или другую сторону может вызвать раздражение, обусловленное переутомлением или скукой. Этот диапазон будет зависеть от личностных особенностей зрителя, определяя склонность придерживаться некой постоянной линии в процессе принятия решения, какой фильм посмотреть. Он также обусловлен и конкретным эмоциональным состоянием человека в момент выбора. Здесь в действие вступает ситуативная мотивация, в результате которой зритель то предпочитает погрузиться в кинореальность, полную динамики, то получает удовольствие от неспешного повествования [16].

Влияние эмоционального состояния зрителя на выбор кинофильмов с разными динамическими характеристиками не достаточно полно исследован. Во многом это связано с методикой исследований,

основывающейся на различных вариантах опросов и самоотчетах с просьбами проанализировать причины своего поведения. В силу того, что наши эмоции не всегда осознаваемы, данные методы не позволяют составить полную картину психологических причин выбора зрителями кинопроизведений с разной степенью динамики. Серьезное затруднение вызывает также отсутствие приемлемой для данных исследований классификации кинопроизведений по критерию динамики. Это выдвигает проблему разработки собственных качественно-количественных категорий анализа содержания фильмов, позволяющих изучать взаимосвязь динамических характеристик кино с психическим состоянием зрителей, осуществляющих выбор.

В психологии под динамикой принято понимать произвольную ситуативную направленность энергии человека. У зрителя она будет тем выраженной, чем больше в сюжете киноповествования элементов, привлекающих повышенное внимание и способных стимулировать динамические процессы в человеке. Такие элементы в дальнейшем мы будем именовать *психологически-напряженными событиями*. Чем приближенней к реализму, тем в большей мере обеспечивается включенность зрителей в киносюжет [1; 17]. Насыщенность психологически-напряженными событиями наиболее свойственна жанру «экшен», сюжеты которого состоят из быстро сменяющихся друг друга действий. Напротив, концентрация психологически-напряженных событий будет минимальной в фильмах с неспешным, размеренным повествованием, где детально обрисовываются характеры персонажей, а также специфические особенности ситуаций взаимодействия киногероев, их быт и социально-культурный контекст.

Анализируя выбор кинофильмов через психические состояния зрителей можно отметить: интенсивность проявления эмоциональных переживаний связана с субъективным восприятием насыщенности событиями собственной жизни, с тем, насколько рационально, с точки зрения индивида, он тратит свое время на реализацию собственных целей. В этом плане представляет интерес рассмотрение проблемы выбора фильмов с разными динамическими характеристиками с позиции временной перспективы. Под *временной перспективой* понимается широкая совокупность представлений индивида о своем психологическом будущем и психологическом прошлом, существующая в данный момент как динамическое базовое свойство человеческого существования. Данное понятие широко используется в исследованиях потребностно-мотивационных предпосылок поведения личности. Оно позволяет рассматривать глубокое и широкое влияние на человека непосредственной ситуации, в которой он находится, исходя из его воспоминаний прошлого, ожидаемых последствий своего поведения, а также позитивной или негативной настроенности по отношению к своему прошлому, настоящему и будущему [3; 4; 6; 8; 9; 11; 14 и др.].

Так как результаты ряда исследований говорят о том, что кинофильмы позволяют управлять эмоциями зрителей и выдвигается предположение, что выбор зрителем художественного фильма может носить компенсаторный характер, представляется интересным сопоставить насыщенность кинофильма психологически-напряженными событиями с субъективным восприятием зрителя, делающим выбор в его пользу, насыщенности событиями собственной жизни во временной перспективе. В психическом состоянии

человека, влияющем на особенности его адаптации к окружающей среде, выделяют две дихотомии: напряжение — расслабление и возбуждение — успокоение [10]. При этом экстремальные для личности состояния, вызывающие дискомфорт, возникают при условии выхода за пределы *личного диапазона оптимальных переживаний*: когда жизнь воспринимается слишком напряженной и чрезмерно насыщенной событиями, это вызывает утомление; напротив, бедная событиями жизнь ведет к возникновению апатии, скуки, внутренней неудовлетворенности собой. Соотнося личный диапазон оптимальных переживаний зрителей с особенностями их выбора художественных фильмов с разной степенью концентрации психологически-напряженных событий, можно подтвердить или опровергнуть гипотезу о компенсаторной роли кинофильмов в жизни людей применительно к их психическим состояниям в момент свершения выбора.

Эмпирическое исследование

Цель исследования — изучить особенности выбора зрителями кинофильмов с разными динамическими характеристиками с учетом их субъективного восприятия насыщенности собственной жизни во временной перспективе.

Задачи:

- составить классификацию художественных фильмов, проведя контент-анализ динамических характеристик популярных художественных фильмов;
- сравнить полученные в ходе контент-анализа динамические характеристики художественных фильмов с субъективными оценками студентов дидактизма в анализируемых фильмах;

— дать характеристику способов привлечения зрительского внимания в художественных фильмах, максимально различающихся по степени насыщенности сюжета событиями;

— проанализировать роль субъективных оценок степени насыщенности собственной жизни в выборе художественных фильмов с разными динамическими характеристиками.

Гипотезы:

отобранные фильмы с разными динамическими характеристиками будут качественно отличаться по способам эмоциональной стимуляции зрителей;

выбор в пользу фильмов с разной степенью насыщенности событиями будет носить компенсаторный характер, позволяя нивелировать неудовлетворенность насыщенностью реальной жизни событиями.

Выборка: 41 девушка и 19 юношей в возрасте 20–21 год, обучающихся по специальности «Реклама и связи с общественностью» ННГУ имени Н.И. Лобачевского.

Методика исследования. Для исследования субъективной оценки степени насыщенности собственной жизни и субъективного эмоционального диапазона использовался метод незаконченных предложений. Студентам предлагалось, воспользовавшись 12-бальной шкалой, достроить следующее предложение: «Прошедший месяц можно оценить на ... баллов, в настоящем у меня ..., в ближайшем будущем, скорее всего, меня ожидает ...». Для выявления личного диапазона оптимальных переживаний, предлагалось завершить следующее высказывание: «Мне нравится, когда в моей жизни ..., но я терпеть не могу, когда у меня ... баллов». Максимальный балл (12) студенты ставили, если считали что их жизнь в рас-

сматриваемые временные промежутки максимально насыщены событиями, 0 — когда диагностировали «полный штиль» в эмоциональном плане.

Для исследования субъективных оценок динамичности фильмов предлагалось проранжировать шестнадцать фильмов. По результатам опроса рассчитывался удельный вес субъективных оценок студентов динамичных характеристик по каждому из фильмов (ДХ), где 1 балл ставился самому динамичному, с точки зрения студентов, фильму, а 16 баллов — наиболее спокойному. Данные фильмы были отобраны в результате предыдущего исследования, где студентов просили назвать самые любимые фильмы, не ограничивая их в количестве названий [2]. Все эти фильмы хорошо узнаваемы студентами, но при этом отличаются друг от друга динамикой и продолжительностью (табл. 1). Содержание данных фильмов было подвергнуто контент-анализу (КА) по концентрации психологически-напряженных событий.

При разработке процедуры КА мы руководствовались следующими соображениями. Классическая структура кинофильма состоит из трех актов: завязка, борьба героев на пути достижения цели и кульминация [7]. Каждый акт отличается по концентрации психологически насыщенными событиями. Так как по продолжительности показа отобранные нами фильмы значительно отличались друг от друга, для удобства анализа киносюжеты фильмов разбивались на девять частей. При анализе фильмов использовались такие категории, как: Т — общая продолжительность фильма (в мин); ПНС — общее количество психологически насыщенных событий; ПНС1–ПНС9 — количе-

ство психологически насыщенных событий в каждый из исследуемых 9-ти отрезков времени; ПНС/Т – удельный вес психологически насыщенных событий; ПНС1/Т–ПНС9/Т – удельный вес психологически насыщенных событий в один из девяти отрезков времени. Индикаторами ПНС являлись непредсказуемый поворот событий; поведение, отходящее от привычных ролевых образцов; социально нежелательные действия; события несущие угрозу жизни, здоровью и душевному благополучию главных персонажей. Подсчет баллов по категории ПНС осуществлялся посредством фиксирования проявления одного из индикаторов данной категории.

Результаты исследования и их обсуждение

Корреляционный анализ разработанного нами категориального аппарата динамических характеристик фильмов с субъективными характеристиками этих фильмов, данными студентами, показал высокую статистическую значимость (табл. 1). К безусловным лидерам по количеству психологически напряженных событий, характеризующих динамику фильма, относятся такие фильмы, как «Техасская резьба бензопилой» (ПНС=103), «007: Координаты Скайфолл» (98); «Остров проклятых» (80); «Аватар» (79) «Бойцовский клуб» (74); «Бесславные ублюдки» (72).

Таблица 1

Фильмы, выбранные для социально-психологического анализа киномифов

Фильмы	ДХ, данные студентами	Т (мин)	ПНС	ПНС/Т (%)
007: Кординаты Скайфолл (США, 2012)	4,73 (3)	143 (11)	98 (2)	0,69 (2)
Аватар (США, Великобритания, 2009)	4,93 (4)	162 (13)	79 (4)	0,49 (8)
Безумный Макс (Австралия, 1979)	8,01 (9)	93 (3)	53 (11)	0,57 (5)
Бесславные ублюдки (США, Герм., 2009)	6,51 (7)	153 (12)	72 (6)	0,47 (9)
Бойцовский клуб (США, Герм., 1999)	4,42 (1)	131 (9)	74 (5)	0,56 (6)
Высоцкий. Спасибо, что живой (Россия., 2011)	8,33 (11)	128 (8)	25 (15)	0,20 (15)
Крестный отец (США 1979)	8,21 (10)	175 (14)	24 (16)	0,14 (16)
Обвилион (США, 2013)	8,62 (13)	125 (6)	65 (9)	0,52 (7)
Остров проклятых (США, 2009)	6,21 (5)	138 (10)	80 (3)	0,58 (4)
Паранормальные явления (США, 2007)	6,69 (8)	86 (1)	57 (10)	0,66 (3)

Перл Харбор (США, 2001)	6,42 (6)	183 (15)	66 (8)	0,36 – 10,5
Привидение (США, 1990)	9,27 (15)	127 (7)	45 (12)	0,35 (12,5)
Свадебный переполох (США, 2001)	9,42 (16)	102 (4)	26 (14)	0,25 (14)
Сумерки (США, 2008)	8,87 (14)	120 (5)	42 (13)	0,35 (12,5)
Техасская резня бензопилой (США, 2006)	4,57 (2)	90 (2)	103 (1)	1,05 (1)
Титаник (США, 1997)	8,47 (12)	194 (16)	71 (7)	0,36 (10,5)
Ранговые корреляции Спирмана, при значимости 0,05 $p=0,50$; 0,01 $p=0,64$:				
ДХ	X	-0,182	0,791	0,688
T	-0,182	X	-0,162	0,323
ПНС	0,791	-0,162	X	0,801
ПНС/T	0,688	0,323	0,801	X

Условные обозначения: ДХ – удельный вес субъективных оценок студентов динамичных характеристик по каждому из шестнадцати фильмов; T – общая продолжительность фильма (в мин.); ПНС – общее количество психологически насыщенных событий; ПНС/T – удельный вес психологически насыщенных событий.

Примечание: в скобках указаны ранговые значения.

К фильмам, в меньшей степени расчитанным на эмоциональную стимуляцию, можно отнести следующие: «Крестный отец» (14), «Высоцкий. Спасибо, что живой» (25), «Свадебный переполох» (26).

Выявлены три группы фильмов, различающихся степенью насыщенности событиями и хронометража: 1) фильмы с высокой концентрацией ПНС продолжительностью более двух 2 час.; 2) фильмы с высокой концентрацией ПНС продолжительностью менее 1,5 час.; 3) фильмы с низкой концентрацией ПНС продолжительностью около 3 час. (рис. 1).

Фильмы с высокими показателями психологической насыщенности событий относительно скоротечны. Для них характерна достаточно сильная прибли-

женность к реальной жизни, а их продолжительность редко превышает 1,5 часа («Безумный Макс», «Паранормальные явления», «Техасская резня бензопилой»). При достаточно высоких показателях ПНС в начале фильма наибольшая концентрация событий, способных вызвать эмоциональное напряжение, отмечается в последней трети кинопроизведения. При этом можно наблюдать чередование фаз с постепенным усилением к концу фильма.

Такой характер распределения событий в данных фильмах оправдан в силу следующих моментов:

– максимальная приближенность к реальности в данных фильмах позволяет зрителю очень быстро «включиться» в жизнь героев и эмоционально реагировать на них;

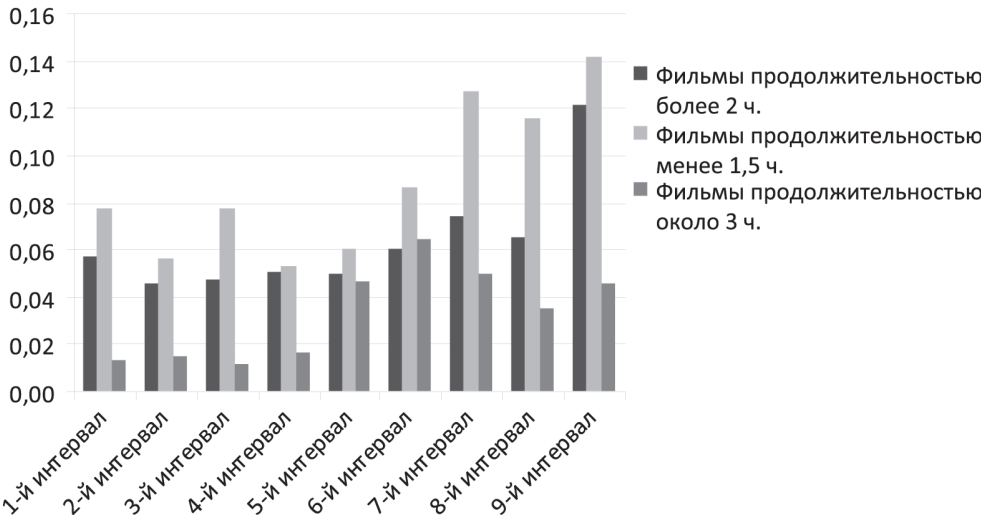

Рис. 1. Специфика распределения психологически напряженных событий (средне-арифметические значения ПНС), способных вызвать эмоциональное напряжение зрителей, в фильмах с разными динамическими и временными характеристиками

— очень схематично представленные зрителю персонажи позволяют достаточно отстраненно наблюдать за их перипетиями, вызывая у зрителя ощущение небожителя, наблюдающего за людьми с вершины Олимпа;

— относительно небольшая продолжительность фильмов связана с тем обстоятельством, что сильная эмоциональная вовлеченность у зрителя не может поддерживаться долго, чтобы не появилась угроза переутомления, а, следовательно, и отторжения самого фильма;

— чередование фаз интенсивности ПНС включает режим тренировки, позволяя плавно выводить зрителя к максимальной дозе эмоциональной стимуляции;

— ПНС в данных фильмах в основном обращены к непроизвольному вниманию зрителя и включают неожиданные события в виде резких движений, кардинальное изменение ауди- и визуальных сигналов в кадре, социально нежелатель-

ные действия и события, несущие угрозу жизни, здоровью и душевному благополучию персонажей, с которыми идентифицирует себя зритель.

Фильмы, продолжительность показа которых превышает два часа, занимают второе место по частоте психологически насыщенных событий (ПНС). Такие фильмы, как «007: Координаты Скай-фолл», «Остров проклятых», «Аватар», «Бойцовский клуб» отличаются довольно высокой оторванностью от реальной жизни. Даже в фильмах «Остров проклятых» и «Бойцовский клуб» главные герои при внешнем, на первый взгляд, сходстве с людьми, которых можно встретить в реальной действительности, по мере развития сюжета демонстрируют свое резкое отличие во внутреннем, психологическом плане от обычных людей. Для этих фильмов характерны чередования плавного повествования и постепенного нарастания насыщенности событий со стремительным усилением концен-

трации насыщенности в конце фильма. Такое распределение насыщенности событий оправдывает себя, так как:

- бережет силы зрителя для финальной части с максимальным накалом страстей;

- позволяет постепенно накапливать напряжение зрителя с целью достижения кумулятивного эффекта;

- во второй части наращивание напряженности идет в режиме тренировки: сначала подается блок достаточно сильных стимулов, провоцирующих эмоциональное напряжение, затем идет фаза расслабления, после чего напряжение достигает своего пика, значительно превосходящего по силе предыдущие стимулы;

- обостряет ощущения, используя принцип контраста: знание того, что впереди героев ждут серьезные испытания, позволяет зрителю по-настоящему насладиться неторопливой размеренностью событий;

- обстоятельное введение зрителей в жизнь киногероев позволяет зрителю их приключения переживать более лично, а, соответственно, сильнее;

- размеренность в первой части фильма помогает наиболее полно погрузиться в вымышленный мир. В результате виртуальная реальность в какой-то момент вытесняет реальную действительность, помогая зрителю уйти от собственных проблем;

- ПНС в данных фильмах опираются как на активацию произвольного внимания зрителей с помощью характерных для первой группы стимулов, так и на постпроизвольное внимание, вызывая у зрителя заинтересованность в сюжете за счет таких факторов, как опасность прекращения межличностных отношений, возникновение статусной неопределенности, риск утраты членства в референтной группе, появление неконтролируемых факторов, способных изменить запланированный героем ход событий.

В *следующую группу* входят фильмы-повествования с обстоятельным и неторопливым развитием сюжета, продолжительность которых превышает 174 минуты (рис. 1). Для таких фильмов, как «Крестный отец», «Перл Харбор», «Титаник» характерен низкий удельный вес насыщенности событий в начале фильма, усиление эмоционального воздействия в середине и плавное снижение в конце. Привлекательность таких фильмов для зрителей обеспечивается следующими факторами:

- вовлеченность зрителя достигается за счет детального прописывания характера персонажей, относительной сложности сюжетной линии, а не психологически напряженных действий, активирующих произвольное внимание;

- возникновение идентификации с персонажами заставляет эмоционально реагировать на относительно (по сравнению с фильмами из первых двух групп) невысокие показатели ПНС в середине фильма;

- ПНС, как правило, основываются на постпроизвольном внимании зрителя, заинтересованно следящего за жизненными коллизиями персонажей и движением их к удовлетворению своих социальных потребностей.

Выбор студентами фильмов, различающихся по динамическим характеристикам, во многом определен такими аспектами, как суммарный показатель субъективного восприятия насыщенностью событиями во временной перспективе (ОНЖ), в том числе удовлетворенность настоящим (УН), будущим (УБ) и прошлым (УП), а также субъективная удовлетворенность этой насыщенностью во временной перспективе (ОУН) (табл. 2).

Таблица 2

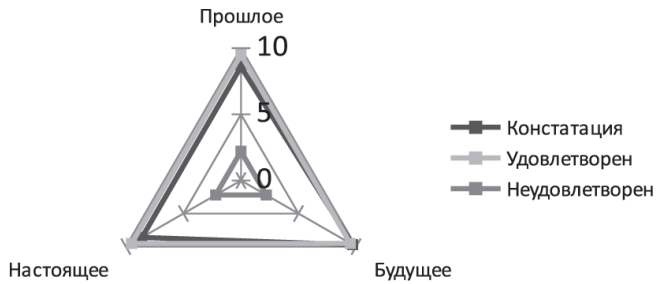
Значимые корреляции (по Пирсону) динамики и субъективного отношения студентов к насыщенности событиями собственной жизни

Характеристики	ПНС/Т	ОНЖ	ОУН	УН	УБ	УП
ПНС/Т	1	-0,105	-0,123**	-0,158**	0,111**	-0,128**
ОНЖ	-0,105	1	0,260*	0,209	0,002	0,278*
ОУН	-0,123**	0,260*	1	0,900**	-0,047**	0,848**
УН	-0,158**	0,209	0,900**	1	-0,052**	0,635**
УБ	0,111**	0,002	-0,047**	-0,052**	1	-0,013**
УП	-0,128**	0,278*	0,848**	0,635**	-0,013**	1

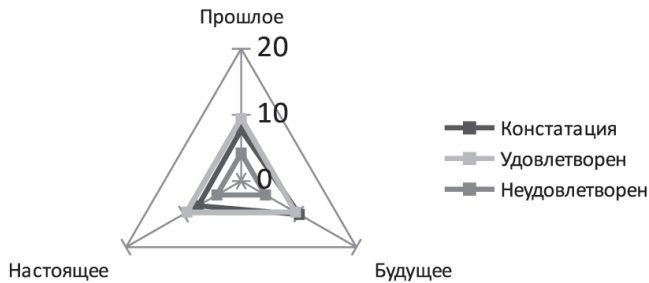
Примечание: «*» — корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.); «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).

В процессе исследования обнаружена тенденция к отрицательной корреляционной связи между склонностью студентов выбирать фильмы с высокой степенью насыщенности событиями и суммарным показателем субъективного восприятия насыщенностью событиями во временной перспективе собственной жизни (ОНЖ) ($r = -0,105$, по Пирсону, табл. 2). Так, если ОНЖ по 12-бальной шкале у студентов, выбирающих фильмы с размеренными событиями, равна 8,97, то у студентов, предпочитающих фильмы с умеренной динамикой, средняя оценка насыщенности собственной жизни — 8,43, а у студентов, любящих динамический сюжет, она снижается до 8,16 баллов (рис. 2). В оценках идеальной насыщенности событиями жизни, выраженных в показателях удовлетворенности, динамика была противоположной. Любители динамических фильмов и свою жизнь в будущем мечтали видеть более динамичной, хотя вероятность этого ими оценивается как невысокая ($p < 0,01$, табл. 2). Так, в среднем по вы-

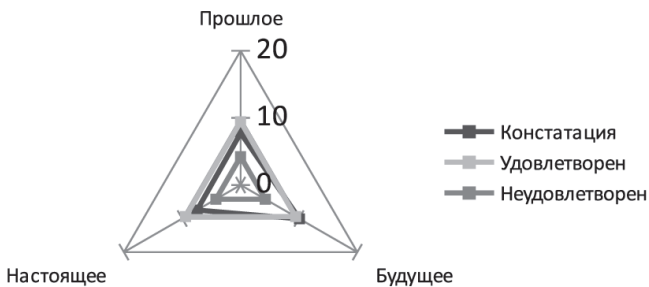
борке ожидаемая оценка насыщенности событий в будущем составила 8,16, тогда как в идеале их удовлетворило бы 10,13 (рис. 2, В). Любители фильмов с умеренным динамизмом ожидают, что в будущем насыщенность их жизни событиями, наоборот, будет больше, чем хотелось бы (рис. 2, В). Так, у любителей фильмов с умеренной насыщенностью событиями средняя оценка насыщенности собственной жизни в будущем составляет 10,08 при желаемой 9,42 (рис. 2, Б). Третья группа, предпочитающая спокойные фильмы, имеет минимальные расхождения между констатирующими и идеальными оценками насыщенности событиями не только в будущем, но также в прошлом и настоящем (рис. 2, А). Таким образом, для студентов, любящих динамические фильмы, насыщенность событиями виртуальной реальности позволяет замечать субъективную событийную бедность в жизни, для любителей умеренно-динамических фильмов киносюжеты служат своеобразным тренажером, помогающим встретить на-

А. Оценки студентов, предпочитающих фильмы с низкими динамическими характеристиками

Б. Оценки студентов, предпочитающих фильмы с умеренными динамическими характеристиками

В. Оценки студентов, предпочитающих фильмы с высокими динамическими характеристиками

Рис. 2. Отношение студентов, предпочитающих фильмы с разными показателями динамичности, к своему прошлому, настоящему и будущему в континуме «удовлетворенность/неудовлетворенность насыщенностью жизни»

пряженное будущее, тогда как почитатели фильмов с низкими динамическими характеристиками стремятся к отдыху, релаксации, возможности расслабиться. Студенты, выбирающие фильмы с умеренной динамикой, имеют более узкую зону удовлетворенности/неудовлетворенности насыщенностью жизни, чем студенты, выбирающие другие группы фильмов. Так, если у студентов, выбирающих фильмы с высокими и низкими показателями динамических характеристик, разница составляет 7,6 и 7,3 соответственно, то у любителей фильмов с умеренной насыщенностью — всего 5,2.

Таким образом, вероятность того, что студенты, выбирающие фильмы с умеренной насыщенностью, окажутся в зоне либо слишком спокойной, либо слишком бурной для ощущения психологического комфорта у этих студентов выше, чем у остальных. Соответственно, психологически комфортная стимуляция для таких зрителей будет связана с осознанием того, что героев ждут серьезные испытания, но при этом эти испытания должны быть ограничены по времени и интенсивности протекания.

Выводы

1. Разработанная нами процедура контент-аналитического исследования динамических характеристик художественных фильмов в целом совпадает с субъективными оценками студентов. При этом фильмы с разными динамическими характеристиками качественно отличаются по способам эмоциональной

стимуляции представителей исследуемой выборки и по продолжительности показа, а их популярность соответствует личным диапазонам оптимальных переживаний студентов, их выбирающих. Выбор в пользу фильмов с высокой концентрацией психологически насыщенных событий позволяет студентам нивелировать неудовлетворенность насыщенностью реальной жизни событиями; фильмы с умеренной насыщенностью событий часто служат своеобразным тренажером в преддверии испытаний; фильмы со спокойным повествованием, наоборот, позволяют отдохнуть от богатой событиями личной жизни.

2. Гипотеза о том, что выбор в пользу фильмов с разной степенью насыщенности событий будет носить компенсаторный характер, в ходе исследования подтвердилась. Неудовлетворенность студентов низкой насыщенностью событиями в собственной жизни в ближайшем прошлом и настоящем и ожидание большей насыщенности событий в будущем обуславливают ориентацию студентов при выборе фильмов на динамизм и стимуляцию непроизвольного внимания за счет ориентировочного рефлекса и актуализации базовых потребностей. Наоборот, восприятие студентами своей жизни как динамичной и наполненной переживаниями способствует выбору в пользу плавного и обстоятельного киноповествования, где психологическое напряжение в большей степени достигается за счет постпроизвольного внимания, когда в процессе наблюдения за перипетиями персонажей актуализируются социальные потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брайант, Дж., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ: пер. с англ. М.: Издательский Дом «Вильямс», 2004. С. 377–390.
2. *Воскресенская Н.Г.* Социально-психологическая характеристика любителей определенных киножанров // Вопросы психологии. 2015. № 2, С. 78–87.
3. *Зейгарник Б.Ф.* Теория поля Курта Левина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 118 с.
4. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
5. *Кирилова Н.Б.* Медиакультура: теория, история, практика. М.: Академический Проект; Культура, 2008. 496 с.
6. *Митина О.В., Сырцова А.* Опросник по временной перспективе Ф.Зимбардо (ZIRI): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Московского университета. Сер.14: Психология. 2008. № 4. С. 67–89.
7. *Молчанов А.* Букварь сценариста. М.: Эксмо, 2016. 352 с.
8. *Неяскина Ю.Ю., Мазуркевич А.В.* Взаимосвязь субъективного качества жизни и временной перспективы личности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (23). С. 94–105.
9. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл. 2004. 608 с.
10. Психические состояния: Хрестоматия / Сост. и общая ред. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2001. С. 105–167; С. 299–316.
11. *Толстых Н.Н.* Время думать о будущем // Мир психологии. 2013. № 2. С. 96–107.
12. *Bartsh A.* Emotional Gratification in Entertainment Experience. Why Viewers of Movies and Television Series Find it Rewarding to Experience Emotions // Media Psychology. 2012. Vol. 15, I. 3. P. 267–302. doi: 10.1080/15213269.2012.693811
13. *Bryant J., Zillmann D.* Using television to alleviate boredom and stress // Journal of Broadcasting. 1984. № 28. P. 1–20.
14. *Frank L.K.* Time perspective // Journ. of Philosophy. 1939. Vol. 4. P. 293–312.
15. *Knobloch-Westerwick S.* Mood management: Theory, evidence, and advancements // J. Bryant & P. Vorderer (eds.). Psychology of entertainment. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2006. P. 239–254.
16. *Petty R.E., Cacioppo J.T.* The Effects of Involvement on Responses to Argument Quantity and Quality: Central and Peripheral Routes to Persuasion // Journ. of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 4. № 1. P. 69–81.
17. *Rooney B., Hennessy E.* Actually in Cinema: A Field Study Comparing Real 3D and 2D Movie Patrons' Attention, Emotion, and Film Satisfaction // Media Psychology. 2013. № 16. P. 441–460. doi: 10.1080/15213269.2013.838905
18. *Zillmann D.* Mood management through communication choices // American Behavioral Scientist. 1988. № 31(3). P. 327–340. doi: 10.1177/000276488031003005
19. *Zillmann D., Hezel R.T. & Medoff N.J.* The effect of affective states on selective exposure to televised entertainment fare // Journal of Applied Social Psychology. 1980. № 10. P. 323–339. doi: 10.1111/j.1559-1816.1980.tb00713.x

The impact of viewer's emotional tension on the choice of films

N.G. VOSKRESENSKAYA*,
Nizhny Novgorod, Russia, navoskr@mail.ru

The author analyses peculiarities of choices of motion pictures with different dynamic characteristics, taking into consideration spectator's subjective perception of intensity of his or her life in time perspective. The student participants were offered a choice of 16 films from which they were required to select the one they would prefer to watch at the moment. The film set was formed based on the ratings of films that are popular amongst students, in which survey 187 students participated. The selected films differed in terms of temporal and dynamic characteristics, and they were familiar to all the 60 participants in the sample. The students were also required to rate the fullness of their life in temporal perspective. The analysis of the data revealed that the film preference appears to be compensatory in nature. The perception of one's life as boring and barren determines the choice of dynamic films with stimulation of forced attention by means of attention reflex and actualization of basic needs. The perception of one's life as dynamic and full of new experiences contributes to the selection of circumstantial cinematic narrative and stimulation of voluntary attention through actualization of social needs.

Keywords: temporal perspective; the optimal range of emotional stress, content analysis, psychologically stressful event, fiction film.

REFERENCES

1. Brajant, Dzh., Tompson S. Osnovy vozdejstvija SMI: Per. s angl. [Fundamentals of Media Effects]. Moscow: Izdatel'skij Dom «Vil'jams», 2004, pp. 377–390 (In Russ.).
2. Voskresenskaja N.G. Social'no-psihologicheskaja harakteristika ljubitelej opredelennykh kinozhanrov [A social psychological characteristic of lovers of definite cinema genres]. *Voprosy psihologii [Questions of psychology]*. Moscow, no. 2, 2015, pp. 78–87.
3. Zejgarnik B.F. Teorija polja Kurta Levina [Field theory of Kurt Lewin]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo un-ta, 1981. 118 p.
4. Zimbardo F., Bojd Dzh. Paradoks vremeni. Novaja psihologija vremeni, kotoraja uluchshit vashu zhizn' [A time paradox. The new psychology of time that will improve your life]. Saint-Petersberg: Rech', 2010. 352 p.

For citation:

Voskresenskaya N.G. The impact of viewer's emotional tension on the choice of films. *Sotsial'naja psihologija i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 121–134. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070309

* Voskresenskaya Natalia G. — Ph.D. in Psychology, senior lecturer, Department of Politics and Communication Theory, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, navoskr@mail.ru

5. Kirilova N.B. Mediakul'tura: teorija, istorija, praktika [Media culture: theory, history, practice]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Kul'tura, 2008. 496 p.
6. Mitina O.V., Syrcova A. Oprosnik po vremennoj perspektive F.Zimbardo (ZIPI): rezul'taty psihometricheskogo analiza russkojazyčnoj versii [Questionnaire time perspective of F. Zimbardo]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [The Moscow University Herald]*. Ser. 14: Psihologija. 2008. no. 4. pp. 67–89
7. Molchanov A. Bukvar' scenarista [Primer writer]. Moscow.: Jeksmo. 2016. 352 p.
8. Nejaskina Ju., Mazurkevich A.V. Vzaimosvjaz' sub#ektivnogo kachestva zhizni i vremennoj perspektivy lichnosti [The relationship of subjective quality of life and time perspective personality]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki [Vestnik KRAUNTS. Humanities]*. 2014. no. 1 (23). pp. 94–105
9. Njuttен Zh. Motivacija, dejstvie i perspektiva budushhego [Motivation, action and future prospects]. D.A. Leont'ev (eds.). Moscow: Smysl. 2004. 608 p.
10. Psihicheskie sostojanija: Hrestomatija [Mental state]. In Kulikov L.V. (eds.). Saint-Petersberg: Piter, 2001. pp. 105–167; pp. 299–316.
11. Tolstyh N.N. Vremja dumat' o budushhem [Time to think about the future]. *Mir psihologii [The world of psychology]*. 2013. no. 2. pp. 96–107.
12. Bartsh A. Emotional Gratification in Entertainment Experience. Why Viewers of Movies and Television Series Find it Rewarding to Experience Emotions. *Media Psychology*. 2012. Vol. 15, Is. 3. pp. 267–302. doi: 10.1080/15213269.2012.693811
13. Bryant J., Zillmann D. Using television to alleviate boredom and stress. *Journal of Broadcasting*, 1984, no. 28. pp. 1–20.
14. Frank L. K. Time perspective. *Journ. of Philosophy*, 1939, Vol. 4, pp. 293–312.
15. Knobloch-Westerwick, S. Mood management: Theory, evidence, and advancements. In J. Bryant, P. Vorderer (eds.). *Psychology of entertainment*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2006. pp. 239–254.
16. Petty R.E., Cacioppo J.T. The Effects of Involvement on Responses to Argument Quantity and Quality: Central and Peripheral Routes to Persuasion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984, Vol. 4, no.1. pp. 69–81.
17. Rooney V., Hennessy, E. Actually in Cinema: A Field Study Comparing Real 3D and 2D Movie Patrons' Attention, Emotion, and Film Satisfaction. *Media Psychology*. 2013, no. 16, pp. 441–460. doi: 10.1080/15213269.2013.838905
18. Zillmann D. Mood management through communication choices. *American Behavioral Scientist*. 1988, no. 31(3), pp. 327–340. doi: 10.1177/000276488031003005
19. Zillmann, D., Hezel, R.T. & Medoff, N.J. The effect of affective states on selective exposure to televised entertainment fare. *Journal of Applied Social Psychology*. 1980, no. 10, pp. 323–339. doi: 10.1111/j.1559-1816.1980.tb00713.x

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Иппо-тренинг: социально-психологический тренинг с участием лошадей

Т.В. ДОРОНИНА*,
Москва, Россия, Obshaja-psy@yandex.ru

В статье представлено описание социально-психологического тренинга с участием лошадей «Иппо-тренинг», целью которого является развитие у участников социальной компетентности, в том числе межличностной перцепции, невербальных средств общения, уверенности в себе, ответственности и целеустремленности. Рассмотрены теоретические основания иппо-тренинга со стороны как социальной, так и зоопсихологии. В частности, обозначены особенности поведения лошадей как социальных животных, описана иерархическая структура табуна, в которую человек может включиться на правах лидера, что дает возможность теоретических и поведенческих аналогий с жизнью людей в обществе. Указаны основные цели данного вида работы, результаты применения иппо-тренинга и варианты проведения мероприятий для различных типов участников — семейный, корпоративный или открытый иппо-тренинг. Приводятся методические рекомендации к проведению тренинга, требования к квалификации ведущих (психологов и конников), технические требования, техника безопасности и примерный план работы.

Ключевые слова: иппо-тренинг, иппотерапия, анималотерапия, социально-психологический тренинг, социальная компетентность, лидерство, общение.

Введение

На протяжении всей своей истории человек неразрывно связан с животными. Во все времена они были и верными

помощниками, и источником пищи, и объектами страха и поклонения. Тотемизм, являющийся одним из знаковых явлений древней культуры, предполагает веру в то, что определенные животные

Для цитаты:

Доронина Т.В. Иппо-тренинг: социально-психологический тренинг с участием лошадей // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 135–147. doi:10.17759/sps.2016070310

* Доронина Татьяна Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, Obshaja-psy@yandex.ru

покровительствуют и защищают отдельных людей или целые поселения, а зачастую выступают прародителями племени или рода [7]. Единого мнения по вопросу возникновения тотемизма не существует. Можно выделить теорию Ф. Джевонса, предполагавшего, что корни этого явления лежат в области психологии человека, который стремился утвердить себя в окружающем мире путем заключения союза с более сильными и приспособленными к выживанию животными, а также теорию Д. Фрезера, заключающуюся в том, что тотемизм являлся одним из способов человека подчинить себе природу [11]. В любом случае животные всегда были для людей источником уверенности и силы, помогали бороться со страхами и неизвестностью, а значит, выполняли терапевтическую функцию задолго до появления самого метода анималотерапии, автором которого является американский психиатр Борис Левинсон, заметивший, что присутствие во время работы собак оказывает благоприятное воздействие на пациентов и повышает эффективность работы [1].

Анималотерапия доказала свою эффективность в работе с обширным кругом проблем, таких как помощь в кризисных ситуациях, улучшение социального взаимодействия, повышение мотивации, помощь лицам с ограниченными возможностями, психическими и физиологическими заболеваниями, преодоление чувства одиночества и реабилитация после травм [5].

Одним из наиболее популярных методов терапии с животными является иппотерапия, в которой лечебное воздействие происходит в результате верховой езды и общения с лошастью. Хочется отметить, что роль лошади в истории человечества сложно переоценить, ведь имен-

но благодаря этому животному люди получили возможность быстро передвигаться на большие расстояния и перевозить тяжелые грузы. Не удивительно, что образ коня находит яркое отражение в мифологии и искусстве во многих регионах мира и культурах [7]. Любовь и уважение к лошадям не иссякают и в наши дни, что уже само по себе является благоприятным фоном для занятий с ними.

Начало метода иппотерапии относится к 1950 г., когда на Олимпийских играх второе место в конных дисциплинах завоевала датчанка Лиз Хартелл, которая была тяжело больна полиомиелитом. Это событие заставило представителей медицины начать подробное изучение того, как работа с лошастью отражается на физическом и психологическом состоянии человека [13].

Эффективность иппотерапии определяется комплексным воздействием по трем направлениям:

1. медицинскому, заключающемуся в тренировке мышц, координации движений, стабилизации сердечно-сосудистой и дыхательной систем;
2. психологическому, определяющему улучшение эмоционального состояния, снижение стресса и напряжения, а также повышение самооценки, уверенности в себе, развитие когнитивных функций;
3. социальному, относящемуся к тренировке коммуникативных навыков, социализации и т. п. [14].

Исследователи метода иппотерапии указывают на то, что он крайне эффективен для снижения уровня тревоги [18], при работе с посттравматическим синдромом [19], нарушениями пищевого поведения (анорексия, булимия) [17] и многими другими социально-психологическими и физиологическими проблемами. Занятия с лошадьми способствуют

развитию внимания, воли, сосредоточенности, помогают бороться с депрессивным фоном настроения [13].

Традиционно иппотерапия показана прежде всего людям, нуждающимся в реабилитации, как физиологической, так и психологической. Но потенциал работы с лошадью охватывает далеко не только детей и взрослых с ограниченными возможностями, но и людей без каких-либо выраженных недугов, желающих повысить уверенность в себе, развить лидерский потенциал и улучшить коммуникативные навыки. Для обозначения такого вида работы в дальнейшем мы будем использовать термин «Иппо-тренинг», что связано с определением метода социально-психологического тренинга как средства воздействия, направленного на развитие знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения [9]. Таким образом, иппо-тренинг переносит акцент с медицинского направления воздействия, являющегося основным в традиционной иппотерапии, на социальное и психологическое. Рассмотрим методологические основания данного вида занятий.

Теоретические основы метода «Иппо-тренинг»

Прежде всего, стоит отметить особенности лошадей, которые определили их участие в психологических тренингах. В исследованиях профессора университета Висконсин-Мэдисон Гарета Лахвиса было показано, что эмпатия, определяемая К. Роджером как способность «воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков», присутствующая животным и является эволюционно

сформированным качеством, определяющим конкурентоспособность особи за счет умения определить состояние и намерения другого живого существа [13]. Эмпатия является важным механизмом межличностной перцепции, позволяющей человеку понимать цели, мотивы и установки его партнеров по общению [2]. Лошади являются социальными животными, и их выживание зависит от умения вести совместную жизнедеятельность внутри группы (табуна), который в свою очередь подразделяется на небольшие подгруппы, в которых происходит распределение ресурсов на совместной территории и существует своя иерархия, сохраняющаяся на протяжении длительного времени [24]. В исследованиях К.М. Быкова и А.Д. Слонима показано, что групповая (социальная) активность является частью оборонительной активности, которая определяет выживание отдельных особей и всей группы животных в целом. Кроме того, выделяются другие виды активностей и потребностей, находящихся удовлетворение в группе: пищевая, половая, комфортная и т.д. Вне группы социальное животное ощущает сильнейший дискомфорт и страх. В табуне лошадей присутствует очень развитая и сложная иерархия. Так, вожаком, или лидером, становится лошадь, обладающая определенными знаниями, смелостью и опытом, а также умеющая транслировать информацию другим членам общества. Лидер удерживает свою группу вместе, направляет ее, ведет за собой, защищает. Благополучие же других лошадей зависит от умения понять предупреждения лидера об опасности, выбранном направлении бегства, уровне угрозы и т. п. [4]. В свою очередь распределение иерархии также происходит за счет непосредственного взаимодействия

и общения лошадей, в котором они заявляют о своих намерениях собратьям и защищают свои интересы в общей системе. Для этого они используют сигналы, которые условно можно назвать «языком», построенном на позах, интонациях голоса, жестах, мимике, ритуальных действиях [10], [24]. Все это говорит о том, что эмпатия является необходимым для лошадей качеством, от которого зависит их выживание.

Важным для описываемого метода работы является то, что лошади включают в свою иерархию и людей, которые могут стать лидерами, заслуживающими доверия и уважения. В природе будет ли лошадь проявлять лидерские способности и займет ли высокий ранг в табуне зависит от типа ее ВНД [3] и особенностей телосложения [12]. Человек же может сознательно использовать средства и приемы, демонстрирующие его лидерскую позицию — жесты, положение тела, мимику, интонацию голоса, спокойное и уверенное поведение и т. п. Все эти средства являются общими как для животных (в нашем случае лошадей), так и для людей, ведь фактически человек использует те же самые каналы коммуникации [10]. Но важным является то, что лошадь благодаря развитой эмпатии реагирует не столько на то, каким человек пытается казаться, сколько на то, каким он на самом деле является в данный момент.

В исследованиях последних лет было показано, что в системе взаимодействия «человек–лошадь» происходит постоянный обмен невербальной информацией. Так, лошади способны считывать невербальные сигналы, подаваемые человеком, например, по положению тела, головы, направлению взгляда [22], понимать выражение лиц людей даже на фотографиях [21], они чувствуют эмоциональное состо-

яние человека, более того, уровень человеческой тревоги передается лошади, отражаясь на ее физиологическом состоянии (частоте сердцебиения) и поведении [20]. Таким образом, лошадь, не зная значения слов, прекрасно понимает, чувствует ли человек уверенность в своих действиях, видит ли цель, доверяет ли он сам себе настолько, что и лошадь может довериться ему, или же он только пытается изобразить все это, а на самом деле не может справиться со страхом, не видит цели и не чувствует уверенности в своих силах. Все это указывает на то, что лошадь способна стать «зеркалом», точно отражающим внутреннее состояние человека при помощи языка своего тела [16]. При этом она не будет подыгрывать или льстить, поэтому единственный способ для человека завоевать доверие и уважение лошади, помочь ей чувствовать себя спокойно и выполнять команды заключается в том, чтобы действительно стать уверенным лидером, готовым и способным защитить и принять верное решение, а не только казаться таковым. Человек же, в свою очередь, также может научиться «лошадиному языку», который, в первую очередь, проявляется в положении ушей лошади и ее глазах [25]. Все это делает коммуникацию человека и лошади простой и доступной для освоения в рамках занятий.

Теоретическим основанием для метода иппо-тренинга со стороны социальной психологии является синтетическая теория лидерства, учитывающая и качества самого лидера, и свойства группы, деятельность которой он координирует, и особенности ситуации, в которой эта деятельность осуществляется [6]. Упражнения метода иппо-тренинга направлены на рефлексию участниками тех качеств, которые составляют их индивидуальный стиль лидерства, помогают осознать и

реализовать эти качества в смоделированных ситуациях, направленных на решение конкретных задач совместно с лошадью и другими участниками тренинга.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что в отечественной психологии принято разделять понятия «лидер» и «руководитель», наделяя первого прежде всего авторитетом, т. е. готовностью всех членов группы доверить ему принятие окончательного решения в сложных ситуациях. Второе же понятие (руководитель) отражает лишь то, что на данное лицо официально возложены полномочия управления группой [6]. Данное различие прекрасно иллюстрируется во время работы с лошадью, так как ею можно управлять либо с позиции руководителя при помощи средств контроля (чомбура, трензеля, кнута, шпор и т. д.), либо с позиции естественного авторитетного лидера, за которым лошадь готова пойти без дополнительных приспособлений и применения грубой силы. Упражнения иппо-тренинга направлены прежде всего на второй способ руководства, основанный на доверии и уважении, а не на принуждении и страхе.

В качестве цели иппо-тренинга выступает развитие у участников социальной компетенции, в которую входят социальный интеллект, духовная и социальная зрелость, выраженная в ответственности, целеустремленности, уверенности в себе, развитой рефлексии и социальной перцепции [8], а также осознание важной роли невербальных средств общения и их развитие.

Технология проведения иппо-тренинга

В качестве требований к организации мероприятий прежде всего необходимо

отметить специальный отбор и подготовку лошадей. Как и во всех других видах анималотерапии, крайне важно, чтобы животные обладали рядом качеств, таких как: отсутствие агрессии по отношению к людям, контактность, доброжелательность, доверчивость. Разумеется, лошади не должны иметь привычек кусаться и отбивать задом. Желательна регулярная работа по системам ненасильственного воспитания лошади, таким как разработанный П. Парелли метод «Natural Horsemanship», название которого можно перевести на русский как «естественное лидерство» или «естественные отношения».

Крайне важно, чтобы ведущие и ассистенты мероприятия обладали соответствующей квалификаций. Так, необходимо присутствие на площадке профессионального психолога и специалиста по работе с лошадьми.

Из технических требований необходимо наличие просторного манежа или открытого плаца, на котором не будет посторонних пугающих и отвлекающих лошадей предметов, животных и людей. В качестве инвентаря используются разнообразные предметы, при помощи которых строятся полосы препятствий, используемые в упражнениях тренинга, а также средства защиты клиентов, прежде всего шлемы. Следует учитывать вероятность того, что у кого-то из участников могут возникнуть аллергические реакции, поэтому необходимо наличие антигистаминных препаратов.

Иппо-тренинг предусматривает следующие форматы проведения.

1. Корпоративный тренинг. В данном случае цели мероприятия формулируются заказчиком (организацией) в рамках возможностей данного вида работы. Это может быть диагностика персонала

на предмет выявления потенциальных руководителей, развитие коммуникативных компетенций и лидерского потенциала, командообразование и т. п.

2. Семейный тренинг. Данный вид работы направлен на определение ролей внутри семьи, выявление факторов, вызывающих конфликты и недопонимание, отработка умения делегировать ответственность и доверять друг другу.

3. Открытые группы. В рамках этого формата проводится стандартная программа, направленная на развитие коммуникативной компетентности, лидерского потенциала, повышения уверенности в себе и самооценки, умения вести за собой и быть ведомым, навыков работы в команде и стабилизацию эмоционального состояния.

В качестве примера приведем план стандартного иппо-тренинга.

Участники группы: 8–10 человек в возрасте от 10 лет.

Время проведения: 4 часа.

План тренинга.

1. Вводная лекция. Рассказывается о том, почему именно лошади выбраны на роль ассистентов психологического тренинга, об их уникальных и полезных для наших целей способностях, рассказывается о «лошадином языке», понимание которого важно для получения обратной связи от животного. Также даются правила техники безопасности и описывается общий план активности на день.

2. Серия упражнений, направленных на знакомство с лошастью. Устанавливается первый контакт, проводятся аналогии с поведением человека во время знакомства с людьми, обсуждаются тактики, способствующие установлению доверительных отношений и доброжелательной атмосферы во время взаимодействия. Делается акцент на том, насколько важ-

ны в общении такие качества как рефлексия (умение отслеживать свое эмоциональное состояние) и эмпатия (умение понять чувства другого).

3. Серия упражнений с полосой препятствий, направленных на завоевание уважения лошади. В данной части участники находят баланс между излишним давлением и неуверенностью, отрабатываются умение «быть в моменте здесь и сейчас», внимание к партнеру и ответственность за свои действия. Для успешного выполнения упражнений необходимо четко ставить перед собой цели и уметь ясно транслировать задачи партнеру, не просто демонстрировать уверенность и спокойствие, но действительно быть таким, так как лошадь реагирует не на то, каким человек пытается казаться, а на его истинное состояние в данный момент времени. Завоевываются в полной мере доверие и уважение на фоне доброжелательности и спокойствия. Отрабатывается умение вести за собой не только при помощи формальных средств управления (повод), но и исключительно за счет своего умения завоевать доверие (без повода и другого тактильного контакта).

4. Серия упражнений на дистанцию в процессе общения и управления. В данной части тренинга участники, сохраняя баланс доверия и уважения, проигрывают различные варианты взаимодействия с партнером, такие как: умение «направлять сзади» в случае, когда нет возможности подвести к цели «за ручку» (повод); особенности близких контактов и дистанцирования, оптимальное расстояние для эффективной работы над задачей, нахождение «золотой середины» между авторитарностью и попустительством, работа в сложных необычных ситуациях, требующих нестандартных решений.

5. Серия упражнений, направленных на работу в команде. Прорабатываются ситуации, в которых необходимо выполнять задачу, взаимодействуя сразу с несколькими партнерами, которыми выступают и лошади, и люди, следовательно, задействованы сразу все уровни коммуникации — и вербальный (для транслирования задачи людям), и невербальный (для управления лошадей/лошадьми). В данной части требуется не только умение переключаться от одного партнера на другого, но и держать всю команду в фокусе. А также важно осознавать и принимать свою ответственность за группу и достижение совместной цели.

6. Финальный дебриф. Обсуждается полученный в результате занятий опыт, осуществляется обратная связь.

В качестве методических рекомендаций к проведению иппо-тренинга необходимо указать следующие.

1. Целью данного тренинга является не обучение участников верховой езде и искусству работы с лошадей, а развитие социальной компетентности участников, заключающейся в умении понять партнера, найти к нему подход, брать на себя ответственность, принимать решения в сложных ситуациях, разрешать вопросы и конфликты ненасильственным путем. Ведущим и ассистентам тренинга следует осуществлять постоянную фасилитацию процесса в плане переноса ситуаций с лошадей на межличностное взаимодействие. Например, в случае, если лошадь проявляет беспокойство или страх, необходимо предложить участнику подумать о том, что на ее месте может находиться другой человек и что возможно такая реакция вызвана излишним напором и агрессией. В качестве другого примера можно привести ситуацию, когда траек-

торию движения и скорость выбирает не человек, а лошадь. В таком случае стоит обратить внимание участника на то, что, возможно, его стиль управления слишком попустительский или же он сам не может поставить перед собой цель и не до конца понимает, что именно нужно сделать и как.

2. Ведущим и ассистентам программы иппо-тренинга ни в коем случае нельзя подсказывать участникам верное решение и показывать, как нужно поступить в данной ситуации. Это связано с тем, что, как и в случае межличностного взаимодействия с людьми, с лошадью возможно добиться требуемого результата разными путями, и задача участников тренинга — определить индивидуальный стиль лидерства, который будет работать наиболее эффективно, т. е. приведет к достижению совместной цели без применения грубой силы и агрессии.

3. Требуется постоянный контроль соблюдения техники безопасности, с которой участников необходимо ознакомить до начала мероприятия под личную расписку. Для этого на площадке необходимо присутствие специалиста по работе с лошадьми.

Фиксируемые результаты

Программа «Иппо-тренинг» осуществляется автором статьи с 2012 г. В общей сложности ее участниками стали более 300 частных и корпоративных клиентов. В результате анализа отзывов и анкет участников и их работодателей можно выделить следующие результаты применения данного метода:

- улучшение навыков самоконтроля, стабилизация эмоционального состояния;

- повышение самооценки и уверенности в себе;
- преодоление страхов, связанных с незнакомыми и необычными ситуациями;
- освоение новых методов и приемов руководства;
- осознание необходимости личного примера и живого общения руководителя и подчиненных;
- понимание важной роли невербальных средств коммуникации и их совершенствование;
- развитие рефлексии (умения отслеживать свое эмоциональное состояние) и эмпатии (понимание чувств другого).
- улучшение взаимодействия в коллективе и более эффективная командная работа;
- для организаций — привнесение нового качества в корпоративную культуру, получение ярких совместных впечатлений, способствующих формированию доброжелательных и доверительных отношений внутри коллектива;
- релаксация и стрессотерапия, заметное улучшение настроения и повышение жизненного тонуса;
- несмотря на то, что программа «Иппо-тренинг» рассчитана прежде всего на воздействие по психологическому и социальному направлениям, стоит отметить и положительный физиологический эффект, так как упражнения тренинга предполагают физическую активность, как на земле, так и верхом на лошади;
- нельзя не упомянуть и гуманистическую функцию программы «Иппо-тренинг», свойственную и другим видам анималотерапии: в результате взаимодействия с животными человек осознает себя как часть цепочки мироздания, начинает проявлять большую заинтересованность

глобальными проблемами человечества, природы и Земли в целом. Осуществление данной функции особенно важно в работе с детьми и подростками.

В качестве дальнейших задач мы в первую очередь намечаем продолжение анализа эффективности иппо-тренинга при помощи организации эмпирического исследования в различных группах участников, а также разработку совместной со специалистами по традиционной иппотерапии инклюзивной программы, в которой наряду с нормативными смогут принимать участие и особенные дети.

Заключение

Метод иппо-тренинга основан, с одной стороны, на психологических теориях лидерства и коммуникаций, с другой — на природных особенностях лошадей, позволяющих им стать «зеркалом», в котором человек может увидеть свои страхи, комплексы, сложности во взаимодействии с окружающими. В отличие от традиционной иппотерапии данный формат работы направлен прежде всего не на физиологическую реабилитацию клиентов, а на формирование социальной компетенции, навыков общения и самоконтроля. Данный метод может быть использован и в качестве корпоративного обучения, и в виде личной или семейной терапии. Затрагиваемая в работе проблематика и формат занятий подходят как для взрослых, так и для детей от 10 лет. Данный метод продолжает развитие анималотерапии и технологии социально-психологического тренинга, способствует формированию гуманистического и экологического мышления, а также привносит новые формы и мотивы в общение человека и животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агафоньцев В.* Анималотерапия. Усы, лапы, хвост — наше лекарство. СПб.: Наука и техника, 2006. 34 с.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1999. 375 с.
3. *Антоненко Т.В., Улитина О.М.* Взаимосвязь типа ВНД и социального статуса в сообществах домашних лошадей (*equus Caballus*) и кошек (*Felis Catus*) [Электронный ресурс] // Известия АлтГУ. 2014. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-tipa-vnd-i-sotsialnogo-statusa-v-soobschestvah-domashnih-loshadey-equus-caballus-i-koshek-felis-catus> (Дата обращения 11.07.2016).
4. *Баскин Л.М.* Поведение копытных животных. М.: Наука, 1976. 296 с.
5. *Дударь А.И., Хусяинов Т.М.* Возможности использования домашних животных при работе с клиентом в современной социальной работе и психологии [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 3. URL: <http://human.snauka.ru/2015/03/10117> (Дата обращения 11.07.2016).
6. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М.: Per Se, 2006. 272 с.
7. *Кузьмина Е.Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1976. С. 28—52.
8. *Куницына В.Н.* Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношение // Теоретические и прикладные вопросы психологии / Под ред. А.А. Крылова. СПб., 1995. 160 с.
9. *Петровская Л.А.* Теоретические и методические проблемы социально- психологического тренинга. М.: МГУ, 1982. 168 с.
10. *Сотская М.Н.* Зоопсихология и сравнительная психология. Т. 1. М.: Юрайт, 2014. 385 с.
11. *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь. М.: АСТ, 2010. 768 с.
12. *Шапетько Е.В., Улитина О.М.* К вопросу о социальной организации и ее детерминантах в разнопородных табунах лошадей // Известия АлтГУ. 1999. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialnoy-organizatsii-i-ee-determinantah-vraznoporodnyh-tabunah-loshadey> (Дата обращения 11.07.2016).
13. *Штраус И.* Иппотерапия. Нейрофизиологическое лечение с применением верховой езды. М.: МККИ, 2000. 137 с.
14. *Эскин В.Я., Левицкая Т.Е.* Иппотерапия как комплексный метод реабилитации и восстановления // СМЖ. 2009. № 2—2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ippoterapiya-kak-kompleksnyy-metod-reabilitatsii-i-vosstanovleniya> (Дата обращения 11.07.2016)
15. *Chen Q., Panksepp J.B., Lahvis G.P.* Empathy is moderated by genetic background in mice // PLoS ONE 4(2): e4387. doi:10.1371/journal.pone.0004387
16. *Dampsey L.* Emotional mirrors: equine therapy // *Addiction Today*. , Vol. 139, November 2012. P. 18—19.
17. *Cumella E. J., Lutter C.B., Osborne A.S., Kally Z.* Equine Therapy in the Treatment of Female Eating Disorder // *SOP transactions on psychology*, March 2014, 1. pp. 17—25.

18. *Holmes C.M.P., Goodwin, Deborah, Redhead, Edward S. and Goymour, K.L.* The benefits of equine-assisted activities: an exploratory study // *Child Adolescence and Social Work Journal*. 29(2), April 2012, pp. 111–122.
19. *Julie L. Earles, Laura L. Vernon, Jeanne P. Yetz* Equine-assisted therapy for anxiety and posttraumatic stress symptoms // *Journal of traumatic stress*. April 2015, 28, pp. 149–152.
20. *Keeling L. J., Jonare L., Lanneborn L.* Investigating horse–human interactions: The effect of a nervous human // *The Veterinary Journal*. Vol. 181. I. 1, July 2009, P. 70–71.
21. *Smith A.V., Proops L, Grounds K, Wathan J., McComb K.* Functionally relevant responses to human facial expressions of emotion in the domestic horse (*Equus caballus*) // *Biology Letters*. January 2016, 12: 20150907. <http://dx.doi.org/10.1098/rsbl.2015.0907>
22. *Proops L., McComb K.* Attributing attention: the use of human-given cues by domestic horses (*Equus caballus*). *Anim. Cogn.* 2010. 13. P. 197–205.
23. *Waring G.H.* *Horse Behavior*: Noyes Publications/William Andrew Pub., 2003. P. 442.
24. *Wathan J., Burrows A.M., Waller B.M., McComb K.* EquiFACS: the equine facial action coding system. *PLoS ONE*, August 2015, 10: e0131738. (doi:10.1371/journal.pone.0131738)
25. *Wathan J., McComb K.* The eyes and ears are visual indicators of attention in domestic horses. *Curr Biol*. 2014; 24(15): R677–9..

IPPO training: socio-psychological training with horses

T.V. DORONINA*,
Moscow, Russia, Obshaja-psy@yandex.ru

This article describes the socio-psychological training with horses "Ippo-training", aimed at the development of social competence of the participants, including interpersonal perception, nonverbal means of communication, self-confidence, responsibility and commitment. The theoretical foundations of ippo-training from the points of social and animal psychology are examined. In particular, the author reveals the behavioral features of horses as social animals, the hierarchical structure of the herd, in which a person may be involved as the leader, which enables to find theoretical and behavioral similarities with the life of people in the society. The author indicates the main purpose of this type of work, results of ippo-training and variants of training for different types of participants — family, corporate or public ippo training. The article also provides guidelines for conducting the training, technical requirements, qualifications which leaders need (psychologists and horsemen), safety techniques and an exemplary work plan.

Keywords: ippo training, hippotherapy, animal therapy, socio-psychological training, social competence, leadership, communication.

REFERENCES

1. Agafonychev V. Animaloterapiya. Ushy, lapy, khvost — nashe lekarstvo [Animal therapy. Whiskers, paws, tail are our medicine]. St. Petersburg: Nauka i tekhnika, 2006. 34 p.
2. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow: Publ. Aspekt Press, 1999. 375 p.
3. Antonenko T.V., Ulitina O.M. Vzaimosvyaz' tipa VND i sotsial'nogo statusa v soobshchestvakh domashnikh loshadei (equus Caballus) i koshek (Felis Catus) [The relationship of higher nervous activity type and social status in communities of domestic horses (equus Caballus) and cats (Felis Catus)]. *Izvestiya AltGU*. 2014, no. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-tipa-vnd-i-sotsialnogo-statusa-v-soobshchestvah-domashnih-loshadey-equus-caballus-i-koshek-felis-catus> (Accessed: 11.07.2016).
4. Baskin L.M. Povedenie kopytnykh zhivotnykh [The behavior of ungulates]. Moscow: Nauka, 1976. 296 p.
5. Dudar' A.I., Khusyainov T.M. Vozmozhnosti ispol'zovaniya domashnikh zhivotnykh pri rabote s klientom v sovremennoi sotsial'noi rabote i psikhologii [Possibilities of use of

For citation:

Doronina T.V. IPPO training: socio-psychological training with horses. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 135–147. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070310

* *Doronina Tatiana V.* — Ph.D. in Psychology, Associate Professor at the Philosophy and the Humanities chair, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, Obshaja-psy@yandex.ru

- animals when working with a client in the modern social work and psychology]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanities research]*. 2015, no. 3 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/03/10117> (Accessed: 11.07.2016).
6. Kondrat'ev M.Yu., Kondrat'ev Yu.M. *Psikhologiya otnoshenii mezhlichnostnoi znachimosti [The psychology of interpersonal relations]*. Moscow: Publ. Per Se, 2006. 272 p.
  7. Kuz'mina E.E. *Rasprostranenie konevodstva i kul'ta konya u iranoyazychnykh plemen Srednei Azii i drugikh narodov Starogo Sveta [Distribution of horse breeding and horse cult among Iranian tribes of Central Asia and other peoples of the Old World]*. In Gafurova B.G. i Litvinskogo B.A. (eds.). *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura) [Central Asia in ancient and medieval times (history and culture)]*. Moscow, 1976, pp. 28–52.
  8. Kunitsyna V.N. *Sotsial'naya kompetentnost' i sotsial'nyi intellekt: struktura, funktsii, vzaimootnoshenie [Social competence and social intelligence: structure, functions, relationships]*. In Krylov A.A. (eds.). *Teoreticheskie i prikladnye voprosy psikhologii [Theoretical and practical questions of psychology]*. St. Petersburg, 1995. 160 p.
  9. Petrovskaya L.A. *Teoreticheskie i metodicheskie problemy sotsial'no-psikhologicheskogo treninga [Theoretical and methodological problems of socio-psychological training]*. Moscow: Publ. MGU, 1982. 168 p.
  10. Sotskaya M.N., Zoopsikhologiya i sravnitel'naya psikhologiya [Zoopsychology and comparative psychology]. T.1 Moscow: Publ. Yurait, 2014. 385 p.
  11. Frezer D.D. *Zolotaya vetv' [The golden Bough]*. Moscow: AST, 2010. 768 p.
  12. Shapet'ko E.V., Ulitina O.M. *K voprosu o sotsial'noi organizatsii i ee determinantakh v raznoporodnykh tabunakh loshadei [Social organization and its determinants in a herd of horses]*. *Izvestiya AltGU*. 1999. no. S. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialnoy-organizatsii-i-ee-determinantah-vraznoporodnyh-tabunah-loshadey> (Accessed: 11.07.2016).
  13. Shtraus I. *Ippoterapiya. Neirofiziologicheskoe lechenie s primeneniem verkhovoi ezdy [Horse therapy. Neurophysiological treatment with riding]*. Moscow: Publ. MKKI, 2000. 137 p.
  14. Eskin V.Ya., Levitskaya T.E. *Ippoterapiya kak kompleksnyi metod rehabilitatsii i vostanovleniya [Horse therapy as a comprehensive method of rehabilitation and recovery]*. *SMZh*. 2009, no. 2–2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ippoterapiya-kak-kompleksnyy-metod-rehabilitatsii-i-vostanovleniya> (Accessed: 11.07.2016).
  15. Chen, Q., Panksepp, J.B., Lahvis, G.P. *Empathy is moderated by genetic background in mice. PLoS ONE 4(2): e4387. doi:10.1371/journal.pone.0004387.*
  16. Dampsey L. *Emotional mirrors: equine therapy. Addiction Today. 24(139), November 2012. pp. 18–19.*
  17. Cumella E.J., Lutter C.B., Osborne A.S., Kally Z. *Equine Therapy in the Treatment of Female Eating Disorder. SOP transactions on psychology. March 2014, 1. pp. 17–25.*
  18. Holmes C.M.P., Goodwin, Deborah, Redhead, Edward S. and Goymour K.L. *The benefits of equine-assisted activities: an exploratory study. Child Adolescence and Social Work Journal. 29(2), April 2012, pp. 111–122.*
  19. Earles J.L., Vernon L.L., Yetz J.P. *Equine-assisted therapy for anxiety and posttraumatic stress symptoms. Journal of traumatic stress. April 2015, 28, pp. 149–152.*

20. Keeling L.J., Jonare L., Lanneborn L. Investigating horse–human interactions: The effect of a nervous human. *The Veterinary Journal*. Vol. 181, I. 1, July 2009, pp. 70–71.
21. Smith A.V, Proops L., Grounds K., Wathan J., McComb K. Functionally relevant responses to human facial expressions of emotion in the domestic horse (*Equus caballus*). *Biology Letters*. January 2016, 12: 20150907. URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rsbl.2015.0907> (Accessed: 11.07.2016).
22. Proops L., McComb K. Attributing attention: the use of human-given cues by domestic horses (*Equus caballus*). *Anim. Cogn.* 2010, 13, pp. 197–205.
23. Waring G.H. *Horse Behavior*: Noyes Publications. William Andrew Pub.; 2003. 442 p.
24. Wathan J., Burrows A.M., Waller B.M., McComb K. EquiFACS: the equine facial action coding system. *PLoS ONE*. August 2015, 10: e0131738. doi:10.1371/journal.pone.0131738
25. Wathan J., McComb K. The eyes and ears are visual indicators of attention in domestic horses. *Curr Biol*. 2014; 24(15): R677–9.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Социально-психологические аспекты зависимости от онлайн-игр и методика ее диагностики

Н.В. КОЧЕТКОВ*,
Москва, Россия, nkochetkov@mail.ru

В статье анализируется такой нехимический вид зависимости, как зависимость от онлайн-игр. Рассматриваются классификации и универсальные признаки зависимости, проводится черта между двумя нередоположными видами аддиктивного поведения: интернет-зависимостью и зависимостью от онлайн-игр. В противовес используемым в научной литературе клиническим показателям предложен новый критерий выделения зависимости от онлайн-игр в рамках научной психологической школы А.В. Петровского — позиция «значимого другого» в реальном или виртуальном пространстве. Для того, чтобы разграничить понятия гемблинга, зависимости от онлайн-игр и зависимости от игр, осуществляемых без подключения к интернету, вводится новый термин — «гейм-аддикция». Предложена и обоснована авторская социально-психологическая исследовательская методика, направленная на ее диагностику. Представлены эмпирические результаты, демонстрирующие различия в уровне интернет-зависимости и зависимости от онлайн-игр респондентов в зависимости от фактора наличия «значимого другого» в Сети.

Ключевые слова: интернет, онлайн-игры, социальные сети, интернет-зависимость, игромания, виртуальная аддикция, гейм-аддикция, методика диагностики зависимости от онлайн-игр.

Понятие аддикции является столь к данной проблематике вызван и поддержанной и разработанной в научном интересной и интересной, сколь и неоднозначной. Интерес к данной проблематике вызван и поддерживается актуальностью профилактики многочисленных зависимостей, кото-

Для цитаты:

Кочетков Н.В. Социально-психологические аспекты зависимости от онлайн-игр и методика ее диагностики // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 148–163. doi:10.17759/sps.2016070311

* Кочетков Никита Владимирович — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, nkochetkov@mail.ru

рые в современной России приобретают массовый характер, становясь чуть ли не национальной проблемой. Упомянутая неоднозначность связана с междисциплинарностью самого понятия. Зародившись в русле медицины, термин «зависимость» быстро сделался объектом исследования психологов, педагогов, философов, социологов, юристов, биологов. Отсутствие единого подхода к его пониманию ставит серьезное препятствие на пути изучения зависимостей.

Наиболее общее определение аддикции подчеркивает две основные ее черты: уход от реальности и деструктивное поведение [1]. Такая постановка вопроса дает возможность говорить о функции аддикций, рассматривая их как форму социального эскапизма, подчеркивая вместе с тем негативное влияние на личность человека.

Более детальное выделение критериев зависимости было произведено Р. Брауном. По его мнению, аддикции характеризуются особенностью (сверхценностью), эйфорией, ростом толерантности, симптомом отмены, конфликтом с окружающими и самим собой, возможностью рецидива [7]. Несмотря на то, что такой подход не дает представления о феноменологии аддикций, а является, по сути, симптоматическим, он открывает потенциальную возможность их диагностики вне зависимости от типа. Однако в разных зависимостях симптоматика проявляется с разной степенью выраженности.

Общепризнанным делением аддикций является деление их на химические и нехимические. Последние, в свою очередь, можно подразделить на следующие виды [6]:

1. патологическое влечение к азартным играм (гемблинг);
2. эротические аддикции;

3. «социально приемлемые» аддикции (например, спортивная аддикция и т. п.);
4. технологические аддикции;
5. пищевые аддикции.

Сегодня новой и быстро распространяющейся формой зависимого поведения являются технологические аддикции. Происходит это по причине динамично развивающейся сферы компьютерных технологий и интернета. А.Ю. Егоров среди технологических зависимостей выделяет интернет-аддикции, аддикции к мобильным телефонам, а также другие технологические аддикции, связанные с использованием гаджетов или телевизора.

Однако существует один вид зависимости, для которого сложно найти однозначное место в предложенной классификации — это зависимость от онлайн-игр. С одной стороны, по своему содержанию ее можно отнести к гемблингу, с другой, по способу осуществления — к интернет-аддикциям. По мнению самого автора вышеизложенной классификации, правомерность выделения технологических аддикций является неоднозначной с феноменологической точки зрения, так как интернет, так же как и компьютер (или любое другое устройство), являются всего лишь средствами, с помощью которых реализуются другие виды зависимости.

Проблема изучения интернет-зависимости, как и зависимости от онлайн-игр, состоит в отсутствии теоретического базиса, методологии. Отсюда возникают проблемы в терминологии, диагностическом аппарате, интерпретационном ключе, профилакто-реабилитационных программах.

В научной литературе интернет-зависимость обозначают как виртуальную аддикцию [21], собственно интернет-зависимость или интернет-аддикцию [2];

5; 13 и др.), компьютерную зависимость [11; 16; 17]. Подобная терминология демонстрирует многозначность понимания генезиса рассматриваемого явления. Так, в психиатрии под виртуальностью подразумевают нечто, существующее в воображении, а, значит, к виртуальной аддикции уместно отнести не только использование интернета, но и, например, чтение книг, просмотр фильмов [9]. Компьютерная зависимость, как уже было сказано выше, не может быть однозначно отнесена к зависимостям, так как компьютер является лишь средством, которое позволяет осуществлять различные виды деятельности и без ее конкретизации говорить о зависимости было бы неверным. К тому же о компьютерной зависимости заговорили еще в начале 80-х гг. в Америке, когда интернет не был доступен массовому обывателю. Сейчас же говорить о компьютерной зависимости, на наш взгляд, не совсем корректно, так как работа за компьютером часто так или иначе сопряжена с выходом во «всемирную паутину» (по данным ВЦИОМ, пользуются интернетом ежедневно около 60% жителей Москвы и Санкт-Петербурга [24]). Эта тенденция подкрепляется новыми технологиями, называемыми «облачными сервисами», переносящими работу с информацией из памяти домашнего компьютера в память в Сети. Но даже в том случае, если мы говорим о компьютерных играх, механизм аддикции будет принципиально различным в зависимости от того, осуществляется ли игра онлайн (т. е. с подключением к Интернету) или офлайн (без подключения к Интернету). Что касается самой глобальной Сети, то она, так же как и компьютер, является средством и в настоящее время выполняет следующие основные функции: поиск и обмен ин-

формацией, а также осуществление игровой деятельности.

Зависимость от игровой деятельности часто называют гемблингом, однако это не совсем корректно, так как под ним подразумевают зависимость от азартных игр, в основу которых положен риск [23], т. е. выигрыш зависит не от искусства играющего, а от случая. Большинство же компьютерных игр, за исключением «виртуальных казино», построены по определенным законам, имеют четкие прописанные правила и в качестве конечной цели не подразумевают материальную выгоду, а ее достижение напрямую связано с умениями игрока. О принципиально разных в психологическом плане различиях говорит и тот факт, что те люди, которые увлекаются азартными играми, проявляют меньшую выраженность интернет-зависимости [20].

Следовательно, было бы более уместным использовать другой термин, обозначающий зависимость от онлайн-игр, например, «гейм-аддикция». Мы специально сужаем предметную область до зависимости от онлайн-игр, не рассматривая другие ее виды (как, например, компьютерную игровую зависимость), потому что, по нашему мнению, этот тип деятельности имеет под собой качественно другую психологическую реальность. Рассмотрим ее отличия от зависимости от офлайн-игр и интернет-зависимости.

Офлайн-игры по механизму возникновения зависимости к ним схожи с азартными играми. Этот механизм лежит в плоскости бихевиорального научения, а хорошо продуманный алгоритм получения вознаграждения гарантирует прочную привязку к игровой деятельности. Именно поэтому гемблинг, в отличие от гейм-аддикции, включен в МКБ-10 в класс «Расстройства привы-

чек и влечений» (F63). Эта «привязка» в случае офлайн-игр является куда менее прочной по причине предсказуемости и стереотипности игрового пространства. Найдя алгоритм решения задачи, пользователь без особого труда достигает цели, после чего интерес к игре угасает. Можно сказать, что именно вследствие этого кризис в производстве компьютерных игр наступил всего через два года после их массового распространения в 1981 г., когда корпорация IBM выпустила свой первый массовый персональный компьютер.

Что же касается интернета, то, за исключением онлайн-игр, основными занятиями в Сети являются пользование почтовыми и поисковыми сервисами, социальными сетями, службами мгновенного обмена сообщениями, интернет-торговля, просмотр фильмов, прослушивание музыки и т. п. [4]. Однако на данный момент многие из этих функций берут на себя социальные сети, в результате чего их посещаемость постоянно растет. Большая часть того, что называется «интернет-зависимостью», оказывается зависимостью от социальных сетей, хотя, бесспорно, исходя из характеристик деятельности, можно сделать подробную ее классификацию. Для нас будет более важным интерпретировать причины этого вида зависимости.

По своим внешним проявлениям зависимость от социальных сетей напоминает «смещенную активность», описанную в этологии [22]. Про «смещенную активность» говорят в том случае, когда одновременно наблюдаются три ее признака: отсутствие целесообразности (человек заходит в Сеть без конкретной цели, здесь уместно вспомнить про «серфинг» в Сети, т. е. бесцельное «брожение»); возникновение в отсутствии

внешних событий, запускающих поведение (например, без актуальной потребности в общении или узнавании новостей); использование привычных форм поведения (в качестве таковых может выступать не только интернет-«серфинг», но и, предположим, курение, жевание жвачки и прочие действия, которые в психиатрии можно было бы отнести к компульсиям). По своим функциям «смещенная активность» является одним из способов защитного поведения и наблюдается у человека и животных в состоянии внешнего или внутреннего конфликта. Так как жизнь среднестатистического человека в большом городе характеризуется большой динамичностью и насыщенностью, возникает неизбежный «фоновый» социальный стресс, что приводит в том числе и к рассматриваемому типу защитного поведения, выражающегося в периодическом выходе в Сеть.

Совсем другое психологическое наполнение, на наш взгляд, у гейм-аддикции, в силу чего ее нельзя смешивать с интернет-зависимостью, гемблингом или игровой компьютерной зависимостью. Несмотря на то, что первичной «привязкой» человека к игре выступает уже упомянутый механизм оперантного обусловливания («подарок» в виде игровой валюты или возможности улучшить характеристики виртуального героя при вхождении в игру, прохождения каких-либо ее этапов), дальнейшее закрепление аддикции происходит другим способом, формирующим куда более устойчивое игровое поведение [15]. Дело в том, что спецификой онлайн-игр является возможность взаимодействия многих реальных игроков одновременно.

Надо отметить, что гейм-аддикция — единственный вид зависимости, при которой человек не теряет, а, скорее, приоб-

ретае субъектность, при этом больший вред наносится не самому играющему, а его социальному окружению. Не вдаваясь в размышления насчет того, насколько этот вид зависимости действительно является зависимостью, заметим, что в условиях межличностного общения субъективно неприятной является ситуация, когда одна из сторон посвящает больше времени игре или виртуальному собеседнику, чем реальному партнеру по общению. Исходя из этого, мы предположили, что маркером гейм-аддикции является появление в Сети круга общения, который в какое-то время становится более значимым, чем люди в реальной жизни.

Это происходит после адаптации к правилам и нормам, существующим в игре, — человек начинает переносить свои усилия с решения игровой задачи на межличностное взаимодействие с партнерами. С точки зрения социальной психологии, такое взаимодействие является вполне адекватным, так как общение строится на основе определенной совместной деятельности, которая должна иметь осознаваемую цель, а также мотивы. Если мы посмотрим на современную социальную ситуацию, то увидим, что обучение в школе (как, впрочем, и в вузе) имеет крайне смутные для ребенка цели, кроме, собственно, получения аттестата/диплома. Жизненная неопределенность, отсутствие видимых перспектив, нестабильная экономическая обстановка приводят к тому, что школьный класс и студенческая группа теряют свою референтность. Однако человек как существо социальное должен иметь значимую для него группу, в которой происходит его становление как личности. Таковой может стать, например, группа сверстников в секции или кружке, что куда более «за-

тратно», чем найти ее в Сети, не выходя из дома. Отличие игровой деятельности от учебной очевидно — игра всегда имеет конкретную цель, более того, известно, как ее достичь, что для этого надо сделать. Часто прохождение каждого этапа чем-то положительно вознаграждается, и каждый игрок знает, что вместе с ним играют десятки тысяч человек, следовательно, имеют место механизмы своеобразного «социального заражения». При всем этом нельзя сказать, что игры сильно оторваны от обыденного мира. Часть из них построены на реальных событиях или в деталях имитируют окружающую действительность. Например, игры «Медаль за отвагу» («Medal of honor») или «Зов долга» («Call of duty») в мелочах воссоздают отдельные битвы Второй мировой войны — характеристики вооружения, места боев. Есть игры, которые копируют управление, скажем, транспортными средствами — автомобилями, самолетами, поездами. Более того, в реальной практике подготовки водителей этих средств часто используется компьютерное моделирование, т. е. современные технологии несколько стирают грань между реальностью и виртуальностью.

Анализируя работы по различного рода интернет-зависимостям, можно отметить дефицит работ, посвященных социально-психологическому аспекту проблематики. Подавляющее большинство исследований относятся к изучению личностных особенностей интернет-аддиктов (Добровидова Н.А., Коваль Т.В., Рыбалтович Д.Г. и др.), факторов, приводящих к зависимости (Гришина А.В., Литвиненко О.В. и др.), а также ее профилактики и реабилитации (Антоненко А.А., Григорьев Г.И., Фадеева С.В. и др.). В социально-психологическом ключе внимание обращают на изучение, напри-

мер, коммуникационной сферы [3; 8], однако крайне редко в фокус исследований попадает собственно группа, являющаяся одним из центральных понятий в социальной психологии. Это может быть связано с новизной явления (столь массовый характер многопользовательские онлайн-игры получили относительно недавно), а также методическими сложностями, заключающимися в дистантном способе обследования, что делает затруднительным использование ряда привычных социально-психологических методик. Однако привлечение именно социально-психологической методологии может быть новой «почкой роста» в исследованиях проблематики зависимостей, тем более, что в отечественной науке существует уже давно сложившаяся психологическая теория коллектива А.В. Петровского, которая характеризуется своей эвристичностью, опорой на деятельностный подход, а также методической обеспеченностью.

В России на настоящий момент наиболее широко распространены два теста, направленные на диагностику интернет-зависимости. Исторически самым первым из них был тест IAT (тест К. Янг), созданный еще в середине 90-х гг. XX в. и адаптированный к российской выборке В.А. Лоскутовой [13]. Тест К. Янг не раз подвергался критике научным сообществом [см., например: 10; 12]. Второй тест, представленный шкалой интернет-зависимости Чена, обладает высокой диагностической точностью и эффективностью использования [14]. Он включает в себя 5 шкал: компульсивные симптомы; симптомы отмены; толерантности; внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем; управления временем. С точки зрения клинической психологии, такой подход является, без-

условно, оправданным, однако он имеет ограничения в психолого-педагогической практике, так как практически исключает раннюю диагностику интернет-зависимости. Такую возможность, на наш взгляд, дают социально-психологические показатели. Учитывая факт того, что интернет-аддикция и зависимость от онлайн-игр в психологическом плане качественно различаются, а также опираясь на деятельностный подход, теорию деятельностного опосредствования межличностных отношений личности в группе, трехфакторную модель «значимого другого» А.В. Петровского, принцип отраженной субъектности В.А. Петровского, концепцию отношений личности В.Н. Мясищева, мы предположили, что критериями гейм-аддикции могут являться: позиция «значимого другого» не в реальном пространстве, а в виртуальном; высокая интенсивность отношения к игровой деятельности; наличие клинических симптомов зависимости. На основании выделенных критериев нами была сконструирована социально-психологическая методика диагностики гейм-аддикции (ДГА).

Первый блок методики, относящийся к выявлению межличностных отношений, конкретизируется в трех шкалах — «аттракция», «референтность» и «власть». Содержательное наполнение этих шкал соответствует трехфакторной модели «значимого другого» А.В. Петровского [19]. Один из первостепенных вопросов, который встает в связи с выделением этого диагностического критерия, связан с правомерностью такого утверждения. Ведь наличие референтной группы и «значимого другого» в виртуальной реальности характерно не только для игроков в онлайн-игры, но и, например, для верующих людей, фанатов художествен-

ных произведений. Тем не менее, с социально-психологической точки зрения, даже при наличии виртуального «значимого другого» для полноценной социализации, формирования адекватного образа Я и картины мира референтные люди и группа все равно должны присутствовать в реальном окружении человека. В случае гейм-аддикции, когда значимая деятельность и группа находятся в интернет-пространстве, можно говорить о контрпродуктивном характере любой деятельности в реальности — учебной, рабочей, общении и т. д. Именно этот критерий кажется нам первостепенным.

Второй блок методики связан с отношением к игровой деятельности. Мы выделили в нем три шкалы, соответствующие трем теоретически выделяемым компонентам отношения — эмоциональному, когнитивному, поведенческому [18]. Эмоциональный компонент характеризует эмоциональную окраску игровой деятельности, получение удовольствия от игры. Когнитивный компонент — готовность и стремление искать информацию о ней. Поведенческий компонент говорит о готовности, стремлении взаимодействовать с игровым миром и степени реального взаимодействия с ним.

Третий, блок методики направлен на диагностику физических проявлений зависимости и построен на базе клинических проявлений зависимости, как и в тесте К. Янг.

Текст методики формулировался с помощью экспертного опроса. В шкалы «межличностные отношения» и «отношение к игре» вошло по 9 утверждений, в шкалу «физические проявления зависимости» — 6 утверждений.

Результаты окончательного варианта методики подверглись статистическому анализу на выборке из 200 респондентов. Ее составили студенты и школьники

старших классов г. Москвы. Из них 97 — представители мужского, 103 — женского пола.

Надежность как внутренняя согласованность определялась методом расщепления утверждений. Показатель надежности равен 0,754 ($p \leq 0,01$). Ретестовая надежность (интервал между измерениями — 2 недели) — 0,691 ($p \leq 0,01$).

Валидность по содержанию обеспечивалась составленной матрицей спецификацией (табл. 3) и экспертным опросом. Для определения конструктивной валидности использовался тест К. Янг (табл. 1). Коэффициенты корреляции результатов, полученных по этому тесту, с результатами по шкале «межличностные отношения» равен 0,131; «отношение к игре» — 0,288 ($p \leq 0,01$), «физические проявления зависимости» — 0,514 ($p \leq 0,01$); коэффициент корреляции общего результата по всем шкалам равен 0,359 ($p \leq 0,01$). Значительные различия в коэффициентах корреляции объясняются различными психологическими основаниями, стоящими за обеими методиками и отдельными их шкалами.

Для проверки критериальной валидности мы использовали критерий, положенный нами в основу разработанной методики, а именно наличие фигуры «значимого другого» в виртуальном пространстве. Для определения этого мы заложили в паспортничку методики вопрос: «Есть ли у вас друзья по игре?». Затем вся выборка была разбита на три подвыборки: респонденты, которые играют в онлайн-игры (для выявления этого задавался прямой вопрос) и имеют в них «друзей»; респонденты, которые играют в онлайн-игры и не имеют в них «друзей»; респонденты, которые, по их словам, не играют в компьютерные игры (табл. 2).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между результатами по отдельным шкалам методики ДГА и результатами, полученными по тесту К. Янг

Шкалы методики ДГА и методики диагностики интернет-зависимости К. Янг	Межличностные отношения	Отношение к игре	Физические проявления	Гейм-аддикция (общий балл)	Интернет-зависимость (по методике К. Янг)
Межличностные отношения		0,325**	0,230**	0,683**	0,131
Отношение к игре	0,325**		0,662**	0,857**	0,288**
Физические проявления	0,230**	0,662**		0,748**	0,514**
Гейм-аддикция (общий балл)	0,683**	0,857**	0,748**		0,359**
Интернет-зависимость (по методике К. Янг)	0,131	0,288**	0,514**	0,359**	

Условные обозначения: ** – $p \leq 0,01$

Таблица 2

Средние значения различных категорий респондентов по шкалам методики ДГА

Категории респондентов \ Шкалы	Межличностные отношения	Отношение к игре	Физические проявления	Гейм-аддикция (общий балл)
Играющие и имеющие «друзей»	22,56	24,60	12,29	59,45
Играющие и не имеющие «друзей»	16,71	16,95	9,10	42,76
Не играющие в онлайн-игры	21,09	14,47	8,33	43,89

Статистическая проверка осуществлялась с помощью однофакторного дисперсионного анализа. При сравнении результатов между первыми двумя подгруппами выявлены значимые различия по всем трем

шкалам и общему результату ($p \leq 0,01$). Отдельно отметим тот факт, что критерий «наличие друзей в Сети» также «работает» и для теста К. Янг — респонденты, которые отметили наличие «друзей» в виртуаль-

ном пространстве, давали значимо более высокие баллы и по этому тесту, что еще раз говорит о том, что фактор «значимого другого» в Сети является ключевым. Таким образом, можно было бы сказать, что все представленные результаты проверки данной методики на валидность подтверждают ее необходимость, с точки зрения требований психометрики, степень. Однако нельзя не обратить внимания на различия результатов в подгруппах респондентов, которые при опросе отвечали, что не играют в компьютерные игры. Средние значения по шкалам «отношение к игре» и «физические проявления зависимости» у них значимо ($p \leq 0,05$) ниже, чем у двух других подгрупп, интегральный индекс гейм-аддикции достоверно ниже ($p \leq 0,01$), чем у подгруппы, «играющей и имеющей в Сети друзей», но значимо не отличается от индекса подгруппы, члены которой не играют в компьютерные игры. Объяснить этот парадоксальный, на первый взгляд, результат можно двумя фактами. Во-первых, большинство современной городской молодежи имеет опыт компьютерных игр и много времени проводит в Сети, т. е. в той или иной степени они вовлечены в процесс взаимодействия с виртуальной (пусть и не игровой) реальностью, что не может не отражаться на результатах нашей методики. Во-вторых, принципиально иная закономерность, нежели в других шкалах, прослеживается по шкале «межличностные отношения». Один уровень результатов, полученных по ней среди играющих и не играющих респондентов, говорит о потенциальной готовности индивидов ориентироваться на фигуру «другого», которая находится в виртуальном пространстве. Этим объясняется и факт превалирования баллов респондентов из группы «не играющие» над группой «играющие и не имеющие "друзей"» — вторая группа по тем или

иным причинам отказалась от социальных контактов в игре, первая же потенциально готова это сделать. Таким образом, шкала «межличностные отношения» является чувствительным инструментом, с помощью которого можно выявлять «группы риска» респондентов со склонностью к гейм-аддикции.

Общую оценку зависимости от онлайн-игр можно проводить как количественно, так и качественно по отдельным блокам, оценивая каждую шкалу по силе выраженности признака и присваивая каждому респонденту определенный ранг (зависимость не выражена; имеется склонность к зависимости; выраженное зависимое поведение). Тогда интегральный показатель будет высчитываться не средним арифметическим значением, а определенным сочетанием полученных индивидом рангов. Такой вариант подсчета может дать исследователю важную информацию не только о наличии или отсутствии аддикции, но и о том, на какой стадии зависимости находится индивид. Так, например, завышенные баллы по шкале «межличностные отношения» при низких показателях других шкал говорят о потенциальной склонности к формированию гейм-аддикции; высокие значения по шкалам «межличностные отношения» и «отношение к игре» вместе с невысокими показателями по шкале «физические проявления зависимости» говорят, скорее, о начальной стадии зависимости. Высокие баллы по шкале «физические проявления зависимости» при одинаково выраженных показателях по двум другим шкалам — о выраженной аддикции. Однако для корректности подобных выводов необходимо не только выработать единые критерии зависимости от онлайн-игр, но и провести лонгитюдные исследования, которые позволили бы проследить динамику результатов и сделать их нормализацию.

Если использовать методику ДГА как исследовательскую, а не как диагностическую и определять наличие гейм-аддикции количественно, то необходимо перевести баллы из шкалы от -2 до 2 в шкалу от 1 до 5 и суммировать полученные баллы по всем трем шкалам. Утверждения № 10, 11, 17, 19, 21 являются обратными (т. е. оценка в 5 баллов по ним превращается в 1 балл, 4 — в 2 и т. д.). Ключ методики представлен матрицей-спецификацией (табл. 3). Методика содержит в себе три нерядоположные шкалы, две из которых представлены тремя субшкалами, в каждой по три утверждения, которые оцениваются по шкале Лайкерта: -2 — полностью не верно, -1 — не верно, 0 — затрудняюсь ответить, +1 — верно, +2 — полностью верно.

В Приложении к статье приводится бланк методики диагностики гейм-аддикции (ДГА).

Таблица 3
Матрица-спецификация методики ДГА

Компоненты	Номера утверждений
Межличностные отношения (МО)	
Аттракция	1, 9, 17
Референтность	2, 10, 18
Власть	3, 11, 19
Отношение к игре (ОИ)	
Эмоциональный	5, 13, 21
Когнитивный	6, 14, 22
Поведенческий	7, 15, 23
Физические проявления зависимости (ФП)	
4, 8, 12, 16, 20, 24	

Бланк методики диагностики гейм-аддикции (ДГА)

Инструкция: На следующей странице Вам будет предложен ряд утверждений. Оцените их, пожалуйста, в баллах от -2 до 2.

-2 — полностью не верно, -1 — не верно, 0 — затрудняюсь ответить, +1 — верно, +2 — полностью верно. Не задумывайтесь подолгу над ответами. Помните, что правильных или неправильных ответов в данной анкете нет.

1. В Сети у меня много интересных друзей, с которыми я познакомился в играх.
2. Мне интересно было бы узнать, что думают обо мне мои друзья по игре.
3. Я хотел бы получить статус администратора или модератора чата (форума) игры или кого-то, кто может влиять на игровой процесс.
4. Во время игры я могу забыть про еду и вспомнить про то, что я хочу есть, только по ее окончании.
5. Неудачи в компьютерной игре вызывают у меня очень яркие эмоции.
6. В любой игре я читаю информацию о ее тактике и характеристиках героев, снаряжения, техники.
7. Если уж я играю, то, как правило, состою в каком-нибудь клане (гильдии, команде и т. п.).
8. После того, как я поиграю, мне бывает тяжело уснуть.
9. Я слежу за праздниками в игре и отмечаю их со своими виртуальными друзьями.
10. На самом деле большинству моих товарищей по игре безразлично мое мнение о них.
11. Я не критикую действия разработчиков игры.
12. У меня бывают боли в спине, руках или голове из-за того, что я много времени провожу за компьютером.
13. Когда я нахожусь не в игре, я вспоминаю и переживаю события, которые были в ней накануне.
14. Я смотрю видеоролики с прохождением игры.
15. Я вкладываю в игру реальные деньги.
16. Бывает так, что из-за игры мне не удается вовремя следить за собой (мыться, чистить зубы и т. п.).
17. Большая часть людей, с которыми я играю, мне малоинтересна.
18. Я бы доверил друзьям, с которыми я познакомился в игре, решать важный для меня вопрос.
19. Мне, в общем, все равно, кто является модератором, администратором или разработчиком игры.
20. Мне снятся сны, в которых я продолжаю играть.
21. Я не сажусь играть, если у меня плохое настроение.
22. Я пишу в ЧаВо (FAQ) или викисловарь игры.
23. Я стараюсь принимать участие во всех мероприятиях в игре (рейды, турниры, конкурсы).
24. Если я нахожусь не у компьютера, то на меня накатывает депрессия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М., 2003. 672 с.
2. Ван Ш. Интернет-зависимость у участников компьютерных игр (на материале китайской культуры): дисс. ... канд. психол. наук. М., 2013. 213 с.
3. Войскунский А.Е. Преобразование общения, опосредствованного компьютером: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1990. 186 с.
4. Данные по аудитории пользователей Интернета. Отчет по проекту Web Index 2015 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information> (дата обращения: 05.03.2016).
5. Дрена М.И. Психологическая профилактика Интернет-зависимости у студентов: дисс. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2010. 254 с.
6. Егоров А.Ю. Нехимические зависимости. М.: Речь, 2007. 190 с.
7. Егоров А.Ю. Перспективы лечения аддиктивных расстройств: теоретические предпосылки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/267> (дата обращения: 05.03.2016).
8. Жичкина А. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. М.: Дашков и Ко, 2004. 117 с.
9. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. 2-е изд. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/virtualnyi> (дата обращения: 05.03.2016).
10. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учеб. пособие / Сост.: В.Л. Малыгин. М.: МГМСУ, 2011. 32 с.
11. Коваль Т.В. Личностная сфера подростков, склонных к развитию компьютерной зависимости: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2013. 136 с.
12. Кочетков Н.В. О диагностике зависимости от онлайн-игр // Science time. 2015. № 1 (13). С. 254–256.
13. Лоскутова В.А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: дисс. канд. мед. наук. Новосибирск, 2004. 157 с.
14. Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.Б., Антоненко А.А. Методологические подходы к раннему выявлению Интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 6. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 05.03.2016).
15. Маринова Т.Ю., Зарецкая О.В. Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных многопользовательских ролевых онлайн-игр // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 109–119.
16. Мирошниченко А.В. Трансформации смысловой сферы юношей с различным уровнем компьютерной зависимости: дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 2010. 174 с.
17. Мураткина Ю.Н. Взаимосвязь компьютерной зависимости и совладающего поведения подростков: дисс. ... канд. психол. наук. Сургут, 2010. 154 с.
18. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2011 400 с.
19. Петровский А.В. Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 7–18.

20. *Рыбалтович Д.Г.* Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 182 с.
21. *Саглам Ф.А.* Педагогические условия коррекции Интернет-аддикции у подростков: дисс. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. 214 с.
22. *Тинберген Н.* Социальное поведение животных. М.: Мир, 1993. 152 с.
23. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. N 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2006. № 4263, 31.12.
24. Частота использования Интернета. База данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=955&q_id=65612&date=30.03.2014 (дата обращения: 05.03.2016).

Socio-psychological aspects, depending on the online games and the method of its diagnosis

N.V. KOCHETKOV*,
Moscow, Russia, nkochetkov@mail.ru

The article analyzes a non-chemical type of the dependence on online games. The author considers classification and universal signs of dependence and draws the line between the two types of addictive behavior: Internet dependence and dependence on online games. In contrast to clinical characteristics used in the scientific literature, the author suggests a new criterion for identification of the dependence on the online games in the scientific psychological school A.V. Petrovsky — position "significant other" in real or virtual space. "Game addiction" — a new term, which is introduced in order to distinguish between the concept of gambling, dependence on online games and, dependence on the game, carried out without Internet connection. The author proposes and substantiates the socio-psychological research methodology aimed at its diagnostics. Empirical results that indicate differences in the level of Internet dependence and dependence on online games of respondents, depending on the factor of having "significant other" in the network, are represented.

Keywords: internet, online games, social networks, internet dependence, gambling, virtual addiction, game addiction, diagnostic method according to the online game.

REFERENCES

1. Bol'shoj psihologicheskij slovar' [A significant psychological dictionary] / Pod red. B.G. Meshherjakova, V.P. Zinchenko. Moscow, 2003. 672 p.
2. Van Sh. Internet-zavisimost' u uchastnikov komp'yuternyh igr (na materiale kitajskoj kul'tury). Diss. kand. psihol. nauk. [Internet addiction among the participants of computer games (in Chinese culture material). Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2013. 213 p.
3. Vojskunskij A.E. Preobrazovanie obshhenija, oposredstvovannogo komp'yuterom. Diss. kand. psihol. nauk. [The transformation of communication mediated by computer. Ph. D. (Psychology) diss.] Moscow, 1990. 186 p.
4. Dannye po auditorii pol'zovatelej Interneta. Otchet po proektu Web Index 2015 [Elektronnyj resurs] [Data for the audience of Internet users. Project report Web Index 2015]. URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information> (Accessed : 05.03.2016).

For citation:

Kochetkov N.V. Socio-psychological aspects, depending on the online games and the method of its diagnosis. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 148–163. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070311

* *Kochetkov Nikita V.* — Ph.D. Psychology, Associate Professor in the Department of Theory of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, nkochetkov@mail.ru

5. Drepa M.I. Psihologicheskaja profilaktika Internet-zavisimosti u studentov. Diss. kand. psihol. nauk. [Psychological prevention of Internet addiction in students. Ph. D. (Psychology) diss.] Stavropol', 2010. 254 p.
6. Egorov A.Ju. Nehimicheskie zavisimosti [Non-chemical addiction]. Moscow: Rech', 2007. 190 p.
7. Egorov A.Ju. Perspektivy lechenija addiktivnyh rasstrojstv: teoreticheskie predposylki [Jelektronnyj resurs] [Prospects for the treatment of addictive disorders: theoretical background]. URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/267> (Accessed: 05.03.2016).
8. Zhichkina A. Social'no-psihologicheskie aspekty obshhenija v Internete [Socio-psychological aspects of communication on the Internet]. Moscow: Dashkov and Co, 2004. 117 p.
9. Zhmurov V.A. Bol'shaja jenciklopedija po psihiatrii, 2-e izd., 2012 g. [Jelektronnyj resurs] [Big Encyclopedia of Psychiatry]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/virtualnyi> (data obrashhenija: 05.03.2016).
10. Malygin V.L. Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki: uchebnoe posobie [Internet-addictional behavior. Criteria and methods of diagnosis: a training manual]. In V.L. Malygin. Moscow: MGMSU, 2011. 32 p.
11. Koval' T.V. Lichnostnaja sfera podrostkov, sklonnyh k razvitiju komp'juternoj zavisimosti. Diss. kand. psihol. nauk [Personal sphere of teenagers who are prone to the development of computer addiction. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2013. 136 p.
12. Kochetkov N.V. O diagnostike zavisimosti ot onlajn-igr [On diagnosis, depending on the online-game]. *Science time* [Science time]. 2015. no. 1 (13). pp. 254–256.
13. Loskutova V.A. Internet-zavisimost' kak forma nehimicheskikh addiktivnyh rasstrojstv. Diss. kand. med. nauk. [Internet addiction as a form of non-chemical addictive disorders. M.D. diss.] Novosibirsk, 2004. 157 p.
14. Malygin V.L., Feklisov K.A., Iskandirova A.B., Antonenko A.A. Metodologicheskie podhody k rannemu vyjavleniju Internet-zavisimogo povedenija [Jelektronnyj resurs] [Methodological approaches to the early detection of Internet-addiction behavior]. *Medicinskaja psihologija v Rossii: jelektron. nauch. zhurn* [Medical psychology in Russia: an electronic scientific journal]. 2011. no. 6. URL: <http://medpsy.ru> (Accessed: 05.03.2016).
15. Marinova T.Ju., Zareckaja O.V. Social'no-psihologicheskie aspekty zavisimosti ot komp'juternyh mnogopol'zovatel'skih rolevykh onlajn-igr [Socio-psychological aspects of computer-based multiplayer role-playing online games]. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social Psychology and Society]. 2015. Vol. 6. no 3. pp. 109–119.
16. Miroshnichenko A.V. Transformacii smyslovoj sfery junoshej s razlichnym urovnem komp'juternoj zavisimosti. Diss. kand. psihol. nauk [Transformation semantic sphere of youths with different levels of computer addiction. Ph. D. (Psychology) diss.]. Rostov-na-Donu, 2010. 174 p.
17. Muratkina Ju.N. Vzaimosvjaz' komp'juternoj zavisimosti i sovladajushhego povedenija podrostkov. Diss. kand. psihol. nauk [Interconnection of computer addiction and coping behavior of adolescents. Ph. D. (Psychology) diss.]. Surgut, 2010. 154 p.
18. Mjasishhev V.N. Psihologija otnoshenij [Psychology of relationships]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izd-vo NPO "MODJeK", 2004. 400 p.

19. Petrovskij A.V. Trehfaktornaja model' znachimogo drugogo [Three-factor model significant other]. *Voprosy psichologii [Psychology questions]*. 1991. no 1. pp. 7–18.
20. Rybaltovich D.G. Psihologicheskie osobennosti pol'zovatelej onlajn-igr s razlichnoj stepen'ju igrovoj addikcii. Diss. kand. psichol. nauk [Psychological characteristics of users of online games with varying degrees of gaming addiction. Ph. D. (Psychology) diss.]. St. Petersburg, 2012. 182 p.
21. Saglam F.A. Pedagogicheskie uslovija korrrekcii Internet-addikcii u podrostkov. Diss. kand. ped. nauk [Pedagogical conditions of Internet addiction in adolescents correction. Ph. D. (Pedagogy) diss.]. Kazan', 2009. 214 p.
22. Tinbergen N. Social'noe povedenie zhivotnyh [The social behavior of animals]. Moscow: Mir, 1993. 152 p.
23. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii [Federal Law of the Russian Federation] ot 29 dekabrja 2006 g. N 244-FZ "O gosudarstvennom regulirovanii dejatel'nosti po organizacii i provedeniju azartnyh igr i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" ["On state regulation of activities of the organization and conduct of gaming and amending some legislative acts of the Russian Federation"]. *Rossijskaja gazeta [The Russian newspaper]*, no. 4263, 31.12.2006.
24. Chastota ispol'zovanija Interneta. Baza dannyh VCIOM [Elektronnyj resurs] [Frequency of Internet use. VCIOM database]. — Rezhim dostupa: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=955&q_id=65612&date=30.03.2014 (data obrashhenija: 05.03.2016).

АРХИВ

Роль и профессиональные функции социального психолога-практика в общеобразовательной школе¹

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ*

В условиях быстро и кардинально меняющегося современного мира практически все сферы и области жизненной активности человека претерпевают качественные преобразования, ставя как перед отдельной развивающейся личностью, так и перед различными сообществами людей задачи, алгоритм решения которых далеко не всегда может быть заимствован из их прошлого опыта. Понятно, что и сфера современного образования в этом плане не является исключением.

Более того, в связи с реально происходящей сменой учебно-дисциплинарной модели образования на личностно-ориентированную принципиальным образом меняется и расстановка сил в образовательном пространстве, и учащийся постепенно приобретает статус полно-

ценного субъекта образовательного процесса. В этих обстоятельствах очевидно, что наличие условий для успешного нравственного становления и реального развития личностного потенциала детей, подростков и юношей является решающим показателем подлинной эффективности образования. Адекватная самооценка, самопринятие, способность к адекватному приписыванию ответственности за успехи и неудачи в совместной деятельности, умение конструктивно выстраивать свою систему взаимодействия и общения как со сверстниками, так и с взрослыми, умение соблюдать групповые нормы, не входя в конфронтацию с нормами общечеловеческими, способность избегать деструктивных межличностных конфликтов — далеко не весь личностно-психологический

Для цитаты:

Кондратьев М.Ю. Роль и профессиональные функции социального психолога-практика в общеобразовательной школе // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 164–168. doi:10.17759/sps.2016070312

* Кондратьев Михаил Юрьевич (1956–2015) — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, Москва, Россия

¹ Данный текст был подготовлен М.Ю. Кондратьевым для проекта (городской экспериментальной площадки, ГЭП) «Создание модели многопрофильной (диверсифицированной) психологической службы «Школы будущего»» в 2009 г., но не был опубликован.

арсенал, которым должен обладать современный школьник.

Понятно, что в определенном смысле поддержка усилий развивающейся личности учащегося в этом направлении выступает как специфическая функциональная задача педагога и, в первую очередь, классного руководителя. И все же, исходя из реальной школьной практики и с профессиональной точки зрения, в решающей степени определяющий акцент педагогической деятельности учителя в условиях предметно-насыщенной программы падает, прежде всего, на образовательную составляющую образовательного процесса. Ни в коей мере не в качестве панацеи для преодоления этих трудностей, но в качестве современного и более чем научно оправданного средства выступило решение о создании психологической службы, которая на сегодняшний день стала неотъемлемой частью современного общего образования в Российской Федерации. Расширение и содержательное углубление функций школьного психолога, в свою очередь, стало в значительной степени тем стимулом, который в значительной мере обеспечивал и обеспечивает бурное развитие практической психологии, а также развертывание полноценной профессиональной подготовки школьных психологов как специалистов, обеспечивающих научно-практическую поддержку образовательного процесса в логике двух его основных взаимосвязанных, но при этом и вполне самостоятельных сторон — обучения и воспитания.

В то же время сегодня в ситуации подлинного инновационного «бума» в сфере общего образования перед психо-

логической службой встают проблемы, решение которых не формально, а содержательно возможно лишь при качественной детализации профессионального функционала школьного психолога и при существенном переструктурировании самой психологической службы. В данном случае речь идет о создании и профессионально содержательном обеспечении диверсификационной модели психологической службы. Наиболее близко к действительному решению подобной задачи подошел Московский городской психолого-педагогический университет² в связи с тем, что полноценная профессиональная подготовка психологов-практиков в его стенах ведется по целому ряду отраслевых психологических специальностей, в связи с чем выпускники различных психологических факультетов, будучи универсально подготовленными психологами-практиками, при этом являются специалистами углубленно-акцентированно сфокусированными на решение проблем в областях социальной психологии, возрастной психологии, педагогической психологии, клинической психологии, специальной психологии, юридической психологии. Понятно, что сама идея диверсификационной модели психологической службы, не говоря уже о ее полноценной реализации на практике, оказывается нежизнеспособной без наличия таких базово-психологически грамотных, но при этом еще и акцентировано специализированных сотрудников.

Выпускники психологических факультетов, получившие социально-психологическую специализацию и ориен-

---

² В настоящее время ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

тированные на работу в современных образовательных учреждениях, должны располагать, как минимум, следующим набором профессиональных компетенций, которые оказываются остро востребованными прежде всего в условиях диверсификационной психологической службы. Раскроем этот профессионально-компетентностный арсенал через спектр тех задач, которые может решать и решает выпускник МГППУ, социальный психолог-практик в реальном образовательном пространстве:

- осуществлять проработку методологических проблем школьной психологической службы;

- обеспечивать социально-психологическое консультирование администрации образовательного учреждения, педагогов, родителей и учащихся;

- прогнозировать определяющие тенденции развития субъектов и социальных институтов образовательного процесса с точки зрения возможных тенденций макросоциального развития современного социума

- осуществлять психологически обоснованное проектирование и сопровождение инновационных процессов и обучающе-развивающих ситуаций в современных образовательных системах;

- проводить социально-психологическую экспертизу уровня и направленности развития различных субъектов образовательного процесса и социальных структур;

- психологически обоснованно анализировать индивидуальную и групповую культуры как системы нормативных ситуаций;

- проводить диагностику структуры позиционного поля социальной ситуации развития в образовательных и иных учреждениях социальной сферы и реа-

лизовывать позиционный тренинг, направленный на развитие способностей субъектов образовательного процесса к позиционному анализу;

- стимулировать в рамках психологически обоснованных программ развитие способностей становящейся личности как формы взаимодействия субъекта образовательного процесса с социумом и культурой;

- организовывать и курировать осуществление поликультурного образовательного процесса всех субъектов педагогической деятельности, а также социальных организаций, оказывающих психологическую и социальную помощь «беженцам» и вынужденным переселенцам;

- разрабатывать и реализовывать психологически обоснованные программы этнокультурной и этноконфессиональной адаптации детей и подростков из семей мигрантов в условиях образовательного пространства московского мегаполиса;

- разрабатывать и внедрять программы организационного развития образовательных учреждений в контексте реформирования современной системы образования;

- психологически обоснованно оптимизировать кадровую политику и систему мотивации персонала образовательных учреждений;

- разрабатывать и реализовывать развивающе-обучающие программы, направленные на повышение социально-психологической компетенции управленческих и педагогических кадров в системе образования (индивидуальное консультирование руководителей образовательных организаций, разработка и внедрение эффективных программ, профессиональная ориентация учащихся старших классов, планирование и про-

ведение организационно-деловых игр и тренинговых занятий с персоналом образовательных организаций и т. д.); создавать и психологически обоснованно сопровождать деятельность управленческих команд в условиях образовательных учреждений;

- эффективно разрешать конфликтные ситуации различного уровня, возникающие в образовательных учреждениях.

В данной статье укажем хотя бы кратко основную специфику роли и функциональных возможностей именно социального психолога-практика, работающего в общеобразовательном учреждении.

Социальный школьный психолог — это психолог-специалист, обеспечивающий оптимизацию процессов личностного развития и группообразования, реально в позитивном плане влияющий на повышение просоциальной активности в отношенческих системах «ученик–ученик», «ученик–педагог», «педагог–ученик», «педагог–педагог», «педагог–администрация», «администрация–педагог», «ученик–родители», «родители–ученик», «педагог–родители», «родители–педагог», «администрация–родители», «родители–администрация».

Если говорить об основных функциональных обязанностях социального психолога-практика, работающего в школе, то, конечно, схематично и упрощенно их можно обозначить следующим образом:

- диагностика уровня социально-психологического развития ученических групп и педагогического коллектива; прогнозирование как направленности их дальнейшего становления, так и степени интенсивности этого процесса;

- социально-психологическая экспертиза образовательной среды (особенности социально-психологическо-

го климата, стержневые параметры корпоративной культуры образовательного учреждения, степень выраженности взаимосвязи «образовательное учреждение–широкий социум» и т. д.);

- диагностика характера межличностных отношений в ученических группах и педагогическом коллективе, особенностей межгрупповых отношений и взаимодействия в рамках как ученического, так и учебно-воспитательного коллективов образовательного учреждения, интенсивности и психологически содержательной наполненности взаимоотношений и взаимодействия в системах «родители–образовательное учреждение» и «образовательное учреждение–родители»;

- диагностико-исследовательское создание социально-психологического «портрета» различных категорий и конкретных учащихся (статусно-ролевая позиция во всех универсально-значимых интергрупповых структурах, ценностные ориентации, аттракционные и референтные предпочтения, неформальное «властное» положение, характер атрибуции ответственности в случаях успеха и неудач групповой активности и т. д.);

- профессиональное обеспечение и реализация необходимого уровня социально-психологической по целям и содержанию тренинговой, консультативной и коррекционной работы с группой и отдельными ее членами;

- разработка социально-психологических консультативно-рекомендательных материалов для родителей, педагогического состава и администрации образовательного учреждения.

Безусловно, хоть сколько-нибудь эффективное выполнение этих функций социальным психологом-практиком возможно лишь в том случае, когда в рамках диверсификационной психологической

службы он сможет консультироваться и опираться на наработки как «линейных» (работающих с начальной, средней, старшей школой), так и «отраслевых» (возрастной, педагогической, клинической и т. п.) психологов.

The role and professional functions of social psychologist at secondary school

M. YU. KONDRATYEV*

For citation:

Kondratyev M.Yu. The role and professional functions of social psychologist at secondary school. *Sotsial'naiia psikhologĭia i obshchestvo* = *Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 164–168. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070312

* *Mikhail Yu. Kondratyev* (1956–2015) — Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia.

PsyJournals.ru

портал психологических изданий

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛЫ по психологии online

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЭЛЕКТРОННЫЕ ВЕРСИИ ЖУРНАЛОВ ПО ПСИХОЛОГИИ

- Для университетов, библиотек и научных центров
- Для индивидуальных читателей
- Для зарубежных читателей и организаций

Доступ к коллекции 15 психологических журналов
Доступ к журналам со всех компьютеров организации
Доступ к статистике обращений к журналам

Скидки для постоянных подписчиков!

Оформите подписку в редакции PsyJournals.ru:

Заявка на подписку: +7 (499) 256-39-26; (495) 608-16-27

Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru

Подробнее об условиях подписки: www.PsyJournals.ru

Издательство МГППУ
**МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ | www.mgppu.ru**

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207
Тел.: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
Факс: +7(495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409
Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Переводчик *З.З. Исхакова*
Корректор *Р.К. Лопина*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
fax: +7(495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Translator *Z.Z. Ishakova*
Technical editor *R.K. Lopina*
Maker-up *M.A. Baskakova*